

1

Русская речь

1976

Русская речь

Научно-популярный журнал

Института русского языка Академии наук СССР

Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год

Издательство «Наука». Москва

№ 1, 1976 январь—февраль

В номере:

Ф. П. Филин. Изучение русского языка на современном этапе	3
---	---

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>К 150-летию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина</i>	
В. П. Вомперский. Язык Салтыкова-Щедрина и его значение в истории русского литературного языка	18
С. Е. Шаталов. Великий сатирик и реалист	29
Е. Г. Холодов. Слово в движении (Заметки о языке драматургии Н. Ф. Погодина)	37
Е. А. Василевская. Поэзия гражданственности (О военных стихах А. Суркова)	44

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Р. И. Аванесов. Смягчение согласных перед согласными	51
С. С. Плямоватая. Трансполярный, трансатлантический, транскеанский	54
Л. Н. Касьянова. Помбч — оказать помощь	57

ГРАММАТИКА. СТИЛИСТИКА

А. А. Брагина. Экономия и избыточность в языке	64
В. И. Орлова, Т. Н. Семенова. Красный, как кровь	71

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Н. И. Тарабасова. Инженер	76
Ф. П. Сергеев. Комиссар	81
М. А. Хабичев. Багряный и багровый	86

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Л. Л. Аюпова. Русско-башкирское языковое взаимодействие	89
---	----

ПО КАРТЕ РОДИНЫ

А. К. Матвеев. Вашка и Вага	93
Г. П. Смолицкая. Кромы	97

СТАРАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Р. А. Симонов. Кирик Новгородец	100
Н. П. Панкратова. Древнейшие памятники письменности	106

ШКОЛА

Т. В. Напольнова. «Бородино» М. Ю. Лермонтова	114
А. Ф. Ломизов. Текстовой материал для занятий по пунктуации	120

ХРОНИКА

Н. М. Волкова. Заседание Международного комитета славистов	125
А. Вомперская. Международный семинар русского языка	126
В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий	129

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Нам пишут; Читатели обсуждают и уточняют; Читатели сообщают, дополняют...; «Русская речь» отвечает: Наставник; Промышленный и индустриальный	136
Космонавт и астронавт	62
Практикум по стилистике	153

*На обложке: Кремлевский Дворец съездов.
Рисунок Б. Захарова*

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Советские ученые готовятся к XXV съезду КПСС. В 10-й пятилетке им предстоят новые свершения, которые будут способствовать успешному построению коммунизма в нашей стране. Значительную роль в выполнении этой благородной задачи должны сыграть и общественные научные дисциплины, в круг которых входит языкознание, в частности наука о русском языке. Нам, лингвистам, в еще большей мере, чем прежде, должно быть свойственно чувство высокой ответственности за судьбы языков народов СССР, за дальнейшее укрепление позиций русского языка как языка межнационального общения и международного языка, за новый подъем речевой культуры широких масс населения. В связи с этим мне хотелось бы сообщить читателям журнала «Русская речь» о некоторых работах, которые предполагают выполнить в ближайшие годы языковеды-русисты (прежде всего сотрудники Института русского языка АН СССР).

Культура речи — понятие очень емкое. Одним из важнейших ее элементов является грамотность письма. За последние годы у нас в стране она значительно повысилась. И все же малограмотные написания еще нередки и у школьников, и у взрослых, у лиц самых различных профессий. Они встречаются в разных сферах письменного общения. Бытует мнение, что правила орфографии и пунктуации не столь уж важны, поскольку они якобы не выражают научно-познавательной информации. Это глубокое и вредное заблуждение. Правила написания отражают

строй языка, его узаконенные обществом нормы; нарушение их искажает смысловое содержание речи. Некоторая условность правил (а она имеется) относительна. К тому же эта условность неизбежна: письмо предназначено не только для удобства изложения мыслей отдельным человеком, но и для понимания написанного другими, что важнее всего. А ведь люди говорят на одном языке далеко не одинаково (это зависит от образования, возраста, профессии, диалектной среды, конкретной жизненной ситуации и иных условий).

Письмо призвано объединять общество. Разнобой и произвол в написании привел бы к серьезным нарушениям в общении, к резкому падению культурного уровня. Нельзя допускать не только разнобоя, но даже и самой тенденции к нему. Выход не в поощрении стихийного отношения к правилам орфографии и пунктуации, а, наоборот, в установлении строгого единообразия и дисциплины. Орфографии, которую можно было бы не учить, на которую не надо было бы затрачивать большого труда, не существует и существовать не может. Не нужно забывать и о том, что правила написания, будучи важным общественным фактором, получают в высшей степени значимую эстетическую функцию. Написать неряшливо и малограмотно — для культурного человека это хуже, чем появиться в общественном месте в грязной неприличной одежде (одежду можно переменить, а от малограмотности быстро избавиться нельзя). Тем большая ответственность ложится на языковедов, которые обязаны помогать широким массам населения овладевать нормами письма.

Что предполагается делать в этом отношении?

е

Орфографическая комиссия при Институте русского языка АН СССР (председатель академик В. И. Бороковский) подготовила предложения по уточнению существующего свода правил орфографии и пунктуации, которые будут обсуждаться и утверждаться в соответствующих инстанциях. Русское правописание — одно из лучших в мире, поэтому нет никакой надобности в коренном его изменении (такое изменение принесло бы большой вред). Все же в нем имеются частные непоследовательности, устранение которых будет способствовать лучшему усвоению правил написания. Изменяются некоторые формулировки правил, вносятся и другие уточнения. Мы надеемся, что после того, как предложения Орфографической комиссии будут утвер-

ждены, кое-что из трудностей при освоении орфографии отпадет.

В 1974 году был опубликован массовым тиражом «Орфографический словарь русского языка» на 106 тысяч слов (издание тринадцатое, исправленное и дополненное, под редакцией С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова). Словарь был раскуплен в очень короткий срок, поэтому в ближайшее время предполагается новое издание. Очень важно исследовать теоретические вопросы русского правописания. Такого рода работы помогут практике освоения правил орфографии и пунктуации в школе и вне школы. В частности, в 1976 году будет написана и подготовлена к печати коллективная монография «Проблемы современной пунктуации» (отв. редактор Л. И. Скворцов). Необходимо значительное расширение исследований (научных и методических) по русской орфографии и пунктуации и вне стен академических учреждений.

Если для письменной разновидности языка существуют строгие законы правописания, то для устной литературной речи есть общепринятые нормы произношения, обязательные для каждого культурного человека. Необоснованные отклонения от этих норм также мешают взаимопониманию и являются признаком серьезных пробелов в воспитании человека или неполного владения русским литературным языком. В основе орфоэпических норм лежат традиционное произношение интеллигенции, освященное авторитетами, и широта распространения тех или иных произносительных явлений среди современных образованных людей. В результате столкновения различных противоречивых тенденций постоянно возникают всякого рода колебания, причем часть из них входит в состав общепринятых норм, а другая часть остается вне системы литературного произношения, является недопустимой для культурного человека. Чтобы правильно ориентироваться в орфоэпическом море, очень полезно иметь авторитетный справочник. Такой справочник был опубликован в 1955 и 1959 годах под названием «Русское литературное произношение и ударение» (редакторы Р. И. Аванесов и С. И. Ожегов). Мы надеемся, что в недалеком будущем осуществится значительно дополненное и переработанное издание этого словаря под редакцией члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова.

Как уже было сказано, культура речи — понятие емкое. Это не только отличное владение правописанием и произношением, это умение использовать все грамматические, лексико-семантические, фразеологические и выразительные средства литературного языка. О культуре русской речи написано много книг, брошюр, статей и заметок. В числе их можно назвать содержательную монографию К. С. Горбачевича «Изменение норм русского литературного языка» (Л., 1971) и очень полезный словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (редактор К. С. Горбачевич, Л., 1973). Назрела острая потребность в подготовке капитальных исследований по культуре речи, на основе которых можно было бы создавать высококачественные практические пособия для широких масс населения. В секторе культуры речи Института русского языка АН СССР в ближайшие годы будут подготовлены монографии: «Теоретические основы культуры речи» (Л. И. Скворцов), «Очерки по литературной норме в грамматике» (Л. К. Граудина), «Литературная норма и вариант» (коллективная монография), «Коммуникативные типы русской речи» (Г. А. Золотова), «Терминология и культура речи» (коллективная монография) и некоторые другие.

Говоря о повышении культуры речи, не следует забывать о средствах массовой информации. С 1 августа 1962 года Всесоюзное радио два раза в месяц по воскресным дням ведет передачи «В мире слов» (редактор З. Н. Люстрова). Эти передачи получили широкую извест-

РУССКИЙ ЯЗЫК — ЯЗЫК ДРУЖБЫ, СОТРУДНИЧЕСТВА, МИРА И ПРОГРЕССА

[«Программа КПСС», партийные документы 1971—1975 годов о роли русского языка, о национальной и языковой политике партии и Советского государства на современном этапе развития общества]

ЯЗЫК МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА

...Обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допу-

ность: каждый год в их редакцию поступает около четырнадцати тысяч писем слушателей (см. книгу: З. Люстрова, Л. Скворцов. В мире слов. М., 1975). С октября 1971 года Центральное телевидение регулярно показывает выпуски «Русская речь», также пользующиеся заслуженной популярностью. Многие сделали для этих передач член-корреспондент АПН СССР И. Ф. Протченко, который несколько лет был ведущим выпусков. В настоящее время ведущим телевизионной «Русской речи» является доктор филологических наук, профессор В. В. Иванов. Однако все это нужно считать только началом. Будем надеяться, что регулярные радио- и телевизионные передачи по вопросам культуры русской речи начнутся во всех союзных республиках и в крупнейших центрах РСФСР.

● Академическая наука о русском языке еще в старые времена уделяла большое внимание школьному обучению. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова была не только первым капитальным научным описанием русского языка, но в течение длительного времени и основным учебным пособием. Грамматики А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева и ряда других академических деятелей переиздавались много раз как школьные учебники. Были редакторами стабильных школьных учебников по русскому языку в советское время академик Л. В. Щерба и член-корреспондент АН СССР С. Г. Бархударов. Эти традиции русской академической науки мы стараемся продолжить и обогатить.

ская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков. В условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения. Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР.

«Программа Коммунистической партии Советского Союза»

Особенно нужно это теперь, когда современное языкознание сделало большой шаг вперед и наметилось определенное несоответствие между достижениями науки о языке и уровнем школьных знаний о нем.

Группа сотрудников Института русского языка АН СССР подготовила экспериментальный учебник по русскому языку для средней школы (редакторы И. С. Ильинская и М. В. Панов). После его проверки в некоторых школах и соответствующих изменений, подсказанных школьной практикой, этот учебник может стать важным пособием по русскому языку. Готовятся учебные пособия для филологических факультетов вузов, где воспитываются кадры учителей-словесников: по старославянскому языку (А. С. Львов), исторической лексикологии русского языка нового времени (отв. редактор Е. Т. Черкасова), сравнительно-историческому синтаксису восточнославянских языков (отв. редактор академик В. И. Боровский) и некоторые другие. Наполовину написана краткая энциклопедия-справочник для учителей-словесников «Русский язык» (отв. редактор Ф. П. Филин), задумано составление карманных словарей (прежде всего разного рода трудностей), предполагается подготовить ряд научно-популярных работ.

Печатаются «Основы русского языка для иностранцев» (под редакцией В. В. Розановой): краткий грамматический очерк и небольшой словарь с русскими толкованиями и переводами на английский, французский и испанский язы-

В БРАТСКОЙ СЕМЬЕ НАРОДОВ

В истории нашего государства образование СССР по своей политической значимости и социально-экономическим последствиям занимает выдающееся место.

В образовании, укреплении и развитии этого могучего союза равноправных народов, ставших на путь социализма, сыграли свою роль все нации и народности нашей страны, и прежде всего великий русский народ. Его революционная энергия, самоотверженность, трудолюбие, глубокий интернационализм по праву снискали ему искреннее уважение всех народов нашей социалистической Родины.

Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза

ки. Недавно вышла в свет коллективная монография «Русский язык в современном мире» (М., 1974). Главным же центром изучения и преподавания русского языка как средства международного общения стал специально созданный для этих целей Институт русского языка имени А. С. Пушкина при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР (директор член-корреспондент АПН СССР В. Г. Костомаров). Издается журнал «Русский язык за рубежом» (главный редактор Л. С. Алексеева). Важную роль в организации распространения русского языка за пределами нашей страны играет МАПРЯЛ — Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (президент академик М. Б. Храпченко, генеральный секретарь В. Г. Костомаров).

•

Как известно, русский язык является языком межнационального общения народов СССР. Между тем, по данным переписи 1970 года, им не владеют 58 миллионов советских граждан. Из этого следует, что предстоит очень значительная работа по улучшению его преподавания и распространения в национальных республиках и областях. Не может оставаться в стороне от такого важного дела и академическое языкознание. В Институте языкознания

ДАЛЬНЕЙШЕЕ СБЛИЖЕНИЕ НАЦИЙ И НАРОДНОСТЕЙ

В истекшие годы под руководством партии были сделаны новые шаги по пути всестороннего развития каждой из братских советских республик, по пути дальнейшего постепенного сближения наций и народностей нашей страны. Это сближение происходит в условиях внимательного учета национальных особенностей, развития социалистических национальных культур. Постоянный учет как общих интересов всего нашего Союза, так и интересов каждой из образующих его республик — такова суть политики партии в этом вопросе.

Партия и впредь будет укреплять Союз Советских Социалистических Республик, последовательно осуществляя ленинский курс на расцвет социалистических наций и их постепенное сближение.

Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза

АН СССР создан сектор социалингвистики (заведующий сектором профессор Ю. Д. Дешериев), одной из главных задач которого является исследование взаимодействия русского языка с языками других народов СССР. Сотрудники сектора уже напечатали довольно большое количество работ на эту тему.

В Институте русского языка АН СССР образована группа по изучению преподавания русского языка в национальных республиках и областях (руководитель профессор В. В. Иванов), перед которой поставлена задача давать научно обоснованные предложения по улучшению педагогической работы. Подготовлена коллективная монография «Русский язык как средство межнационального общения». Было бы важно создать отделы (секторы, группы) русского языка в республиканских академических институтах языкознания. Один такой отдел уже образован по инициативе академика И. К. Белодеда в Институте языковедения АН УССР (заведующий отделом профессор Г. П. Ижакевич).

Как видно из сказанного, русское языкознание в настоящее время начинает служить практическим потребностям советского общества. Из этого, конечно, не следует, что поворот к практике означает свертывание капитальных исследований о структуре русского языка во всем ее многообразии, о его настоящем и прошлом. Как раз наоборот: чем больше у нас будет серьезных теоретических трудов,

СОВЕТСКИЙ НАРОД — НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ

За годы социалистического строительства в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ. В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями — отношения дружбы и сотрудничества. Наши люди спаяны общностью марксистско-ленинской идеологии, высоких целей строительства коммунистического общества. Эту монолитную сплоченность многонациональный советский народ демонстрирует своим трудом, своим единодушным одобрением политики Коммунистической партии.

Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза

тем лучшие возможности появятся для подготовки высококвалифицированных кадров учителей-словесников, создания хороших учебников и учебных пособий, дальнейшего повышения культурного уровня населения, обслуживания лингвистических нужд общества. Русский язык и сам по себе представляет огромный интерес как предмет научного познания. К тому же между теорией и практикой, которые взаимопереплетены, далеко не всегда можно провести четкие границы. Осмысление языковой практики — важнейший объект теоретической лингвистики.

•

Наибольший успех в современном русском языкознании имеет словарное дело. У нас подготавливаются и издаются словари самых различных типов и назначений. В Институте русского языка сформулированы теоретические принципы словаря языка В. И. Ленина (автор Ф. П. Филин), обсужден проект и опытные словарные статьи (см. хронику в журнале «Вопросы языкознания», 1975, № 4, стр. 129). Под руководством В. П. Даниленко создается фундаментальная картотека этого словаря (несколько миллионов карточек), напечатана инструкция по созданию самого словаря. Недалеко время, когда мы приступим к составлению словаря языка В. И. Ленина и к его публикации. Нет надобности говорить о том, какое огромное научное, общественно-политическое и культурное зна-

ОРУДИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ И СПЛОЧЕНИЯ

Важным результатом успешного решения национального вопроса в нашей стране является всестороннее развитие языков всех социалистических наций и народностей Советского Союза. Более 40 народов, не имевших в прошлом своей письменности, обрели в советский период научно разработанную письменность и имеют теперь развитые литературные языки. Все нации и народности СССР добровольно избрали русский язык в качестве общего языка межнационального общения и сотрудничества. Он стал могучим орудием взаимосвязи и сплочения советских народов, средством приобщения к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры.

Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик»

чение имеет это лексикографическое предприятие. Группа по составлению словаря готовит к печати коллективную монографию «Слово в произведениях В. И. Ленина».

В 1970 году «Словарю современного русского литературного языка» в 17-ти томах (Большому академическому словарю) была присуждена Ленинская премия. Теперь началась работа по переизданию этого словаря (председатель редколлегии Ф. П. Филин, руководитель группы Ф. П. Сороколетов). В новом издании будут значительно обновлены словник (прежде всего за счет расширения научно-технической и культурной терминологии, бурно проникающей в общеупотребительный литературный язык) и иллюстрации (цитаты будут даны экономнее), пересоставлены первые три тома, в которых словарный материал расположен полугнездовым способом (полугнездовое расположение будет заменено строго алфавитным), произойдут и некоторые другие изменения. Конечно, работа такого огромного объема потребует немало времени (примерно около десяти лет).

Переиздается (тоже со значительными изменениями) четырехтомный «Словарь русского языка» (Малый академический словарь) под редакцией профессора А. П. Евгеньевой. Первые тома Малого словаря уже находятся в издательстве. Под руководством профессора А. М. Бабкина составляется академический «Русский фразеологический словарь» в двух томах, в который войдет около 25 тысяч

СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА — ОБЩЕНАРОДНОЕ ДОСТОЯНИЕ

Сегодня мы уже с полным правом можем сказать: наша культура — социалистическая по содержанию, по главному направлению своего развития, многообразная по своим национальным формам и интернационалистская по своему духу и характеру. Она представляет собой, таким образом, органический сплав создаваемых всеми народами духовных ценностей.

И это, товарищи, не абстрактные формулы. Это сама жизнь. Уже сегодня в Туркмении или Молдавии десятки и сотни тысяч людей читают, знают и любят, как своих родных писателей, Пушкина и Шевченко, Горького и Маяковского, Шолохова и Твардовского, Федина и Стельмаха, а неостъемлемым достоянием культурного багажа русского или украинца стали древний и вечно юный эпос Шота Руставели,

фразеологических сочетаний. В 1970—1971 годах вышел в свет двухтомный «Словарь синонимов русского языка» (главный редактор словаря А. П. Евгеньева в 1974 году была удостоена академической премии имени А. С. Пушкина) и недавно опубликован однотомный синонимический словарь (также под редакцией А. П. Евгеньевой). Важное научное и практическое значение имеет «Обратный словарь русского языка» на 125 тысяч слов (М., 1974), составленный редакцией русских словарей издательства «Советская энциклопедия». Вышло в свет 10 выпусков «Словаря русских народных говоров» (главный редактор Ф. П. Филин, редактор Ф. П. Сороколетов), в котором представлено огромное богатство и разнообразие русской диалектной лексики. Издаются многочисленные региональные словари (московских, смоленских, ростовских, уральских, сибирских, псковских и многих других говоров).

Внимание читателей привлек к себе словарь-справочник «Новые слова и значения» под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина (М., 1971), в который вошла лексика из прессы и литературы 60-х годов, не помещенная в других современных толковых словарях. Теперь под руководством Н. З. Котеловой подготавливается словарь под тем же названием на материале прессы и литературы 70-х годов.

В краткой статье невозможно перечислить все наши лексикографические предприятия. Новых печатающихся и

замечательные произведения Вилиса Лациса, Абая Кунанбаева, Чингиза Айтматова, великолепные стихи Янки Купалы, Самеда Вургуня, Расула Гамзатова, Эдуардаса Межелайтиса, Мустая Карима и многих, многих других.

Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик

ОБЩЕПРИЗНАННЫЙ МИРОВОЙ ЯЗЫК СОВРЕМЕННОСТИ

Быстрый рост межнациональных связей и сотрудничества ведет к повышению значения русского языка, который стал языком взаимного общения всех наций и народностей Советского Союза. И всех нас, товарищи, конечно, радует, что русский язык стал одним из общепризнанных мировых языков!

Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик

подготавливаемых словарей современного русского языка сотни, если не больше. Впрочем, нельзя не упомянуть здесь уникальный двухтомный «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода». А. М. Бабкина и В. В. Шендецова (М.—Л., 1966) и недавно вышедший в свет «Словарь названий жителей СССР» под редакцией А. М. Бабкина и Е. А. Левашова (М., 1975).

Менее обильна (как, впрочем, во всех странах) литература по теории лексикографии. В свое время выходил у нас «Лексикографический сборник», получивший широкую известность в нашей стране и за рубежом (вышло шесть выпусков). Следовало бы возобновить это очень нужное издание. Из последних теоретических работ заслуживает внимания принципиальная книга Н. З. Котеловой «Значение слова и его сочетаемость» (Л., 1975), в которой, на мой взгляд, дается правильная оценка некоторых современных лексикографических исканий.

О грамматическом строе русского языка в нашей стране пишется великое множество работ, разных по своей тематике, направлению и качеству. Среди них наибольшее значение имеет капитальная академическая грамматика русского языка (главный редактор профессор Н. Ю. Шведова), подготовка к печати которой завершается. Новая академическая грамматика должна заменить собой известную грамматику 1952—1954 годов. С тех пор в методах грамматических исследований произошли значительные перемены, накоплены новые материалы и наблюдения, в самом грамматическом строе языка имеются на первый взгляд незаметные, но постоянные сдвиги. Надо полагать, что грамматика под редакцией Н. Ю. Шведовой станет настольным авторитетным справочником, будет способствовать продвижению вперед нашей грамматической теории, послужит базой для написания учебников и учебных пособий по русскому языку.

В ближайшие годы будет продолжаться исследование разговорной литературной речи (в Институте русского языка АН СССР эта работа ведется под руководством профессора Е. А. Земской). Подготавливается сводный диалектологический атлас русского языка (руководитель С. В. Бромлей). Советские диалектологи принимают актив-

ное участие в большом международном предприятии — создании Общеславянского диалектологического атласа. Главою всего этого дела является член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов. Намечается наше участие (тоже под руководством Р. И. Аванесова) в новом международном предприятии — Общевропейском лингвистическом атласе.

Изучаются закономерности развития русского языка советской эпохи во всех его разновидностях (язык художественной литературы, язык публицистики и т. п.). В этой связи необходимо упомянуть содержательную книгу И. Ф. Протченко «Лексика и словообразование русского языка советской эпохи (социолингвистический аспект)», (М., 1975). Несомненно, в ближайшие годы появится ряд новых серьезных исследований, которые продолжат развитие науки о русском языке в этом направлении.

•

Придавая первостепенное значение исследованиям современного русского языка, мы в то же время не должны расценивать изучение его истории как дело второстепенное. Историзм, основывающийся на марксистско-ленинском мировоззрении, — одна из важнейших особенностей советского языкознания. Без внимательного и всестороннего исследования прошлого нельзя правильно понять настоящее и предвидеть будущее. Об этой элементарной истине никогда не следует забывать. Кстати, пренебрежение историзмом (вызываемое, конечно, не философскими, а совсем иными причинами) наблюдается и в педагогической практике, прежде всего в вузовской подготовке учителей-словесников. Некоторые товарищи думают (исходя из самых хороших побуждений), что чем больше учебных часов отводится на современный русский язык и чем меньше на его историю, тем выше будет профессиональная подготовка учителей-словесников. На деле же получается наоборот: чем больше знаний у учителя по истории русского языка, тем самостоятельнее его лингвистическое мышление, тем лучше он осмысливает строй современного языка. Нужно не сокращать, а всемерно (в рамках существующих возможностей) расширять учебные программы по историко-лингвистическим дисциплинам. Таково мое глубокое убеждение.

Что же мы готовим по истории русского языка в ближайшие годы?

Кроме многочисленных монографий, сборников, диссертационных работ на разные общие и частные темы, будут написаны капитальные труды, которые уже частично печатаются. В Институте русского языка АН СССР завершены или завершаются два тома академической истории русского языка: «Историческая морфология» (главный редактор Р. И. Аванесов) и «Исторический синтаксис» (главный редактор В. И. Борковский). Под руководством В. И. Борковского будет подготовлена коллективная монография, посвященная сравнительно-историческому синтаксису восточнославянских языков (продолжение прежних многочисленных публикаций на эту тему). Особый интерес представляет книга В. И. Борковского «Сравнительно-исторический синтаксис фольклора восточнославянских языков», которую автор предполагает завершить в начавшемся пятилетии.

Продвинется вперед историческая лексикография русского языка. Большим событием в славянском языкознании является выход в свет 1-го и 2-го выпусков «Этимологического словаря славянских языков». Член-корреспондент АН СССР О. Н. Трубачев, под редакцией которого выходит этот словарь, возродил и обогатил одно время прерванные по разным причинам традиции русской этимологической школы. Печатание очередных выпусков продолжится. Под редакцией О. Н. Трубачева будут выходить новые сборники «Этимология», получившие широкую известность среди лингвистов разных специальностей (не только среди русистов и славистов) у нас и за рубежом. Мы будем также ожидать выхода в свет новых выпусков «Этимологического словаря русского языка» под редакцией академика АПН СССР Н. М. Шанского, в котором этимология слов сочетается с историей.

Более чем наполовину составлен капитальный «Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.» (главный редактор Р. И. Аванесов). К сожалению, мы пока встречаемся с большими трудностями в публикации этого важного словаря. Сотрудники группы древнерусского словаря создали обширную и весьма ценную картотеку, которой пользуются многие советские и зарубежные ученые. Начал печататься (вышло два выпуска) «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (главный редактор С. Г. Бархударов, руководитель группы Г. А. Богатова). Основой этого словаря также является большая и известная картотека, пятидесятилетие основания которой недавно отмечалось филологической

общественностью. Наконец, началось составление «Словаря русского языка XVIII в.» (главный редактор доктор филологических наук профессор Ю. С. Сорокин, руководитель группы доктор филологических наук Л. Л. Кутина). Таким образом, лексикографический круг замыкается: наши словари охватывают лексику русского языка от самых ее истоков — праславянской эпохи до второй половины XX века.

Благодаря энергичной деятельности профессора С. И. Коткова и его сотрудников стало успешно развиваться русское лингвистическое источниковедение. Изданы важные работы по теории источниковедения, исследования о языке древнерусских памятников, опубликованы с применением современных научных методов некоторые замечательные памятники древнерусской письменности. В начавшемся пятилетии будет вестись подготовка к печати знаменитого Мстиславова евангелия 1115—1117 гг. (руководитель профессор Л. П. Жуковская), памятников московской речи XVIII в. (А. И. Сумкина), рязанских грамот XV—XVI вв. (руководитель С. И. Котков) и некоторых других письменных произведений минувших времен.

Многое нами сделано и делается, а еще больше остается неосуществленным. Задачи, стоящие перед нами, велики. Пожалуй, это-то и хорошо. Когда знаешь, что открыто несравненно меньше, чем предстоит открыть, что впереди бесконечно долгий путь исканий, жизнь становится интересней и содержательней. Новая пятилетка явится важным периодом в развитии советской науки о русском языке, в исследованиях его развития на современном этапе жизни социалистического общества.

*Директор Института русского языка АН СССР
член-корреспондент АН СССР
Ф. П. ФИЛИН*

Язык

Салтыкова-Щедрина

и его значение

в истории русского

литературного языка

С именем М. Е. Салтыкова-Щедрина связана целая эпоха в истории русской литературы, в развитии русского литературного языка. Без осмысления принципов его художественной стилистики и приемов сатирического обличения изображаемой действительности нельзя понять процессы развития литературно-художественных и общественно-публицистических стилей второй половины XIX века и их речевых средств. Щедрин расширил сферу образов и идей русской реалистической прозы, обогатил ее новым творческим методом художественного отражения действительности, расширил понятие критического реализма, прочно связавшего искусство слова с языком народа.

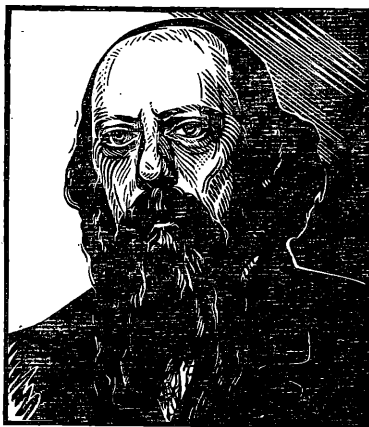
В 40—80-х годах XIX века передовая общественная мысль отдавала все силы борьбе с крепостническим произволом и капиталистическим гнетом. В это время в творчестве Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого углубляется понимание пушкинского принципа народности, расширяются общественные функции литературного языка. Стили художественной прозы испытывают сильное влияние принципов и приемов употребления речевых средств общественно-публицистического изложения, изменяется содержание понятия «художественности речи». Стили общественно-публицистического изложения занимают ведущее положение среди других стилей литературного языка.

Непременным условием народности языка литературы Щедрин считает демократическое мировоззрение писателя, взгляды которого должны служить народным идеалам.

ЯЗЫК
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

●

*В 150-летию
со дня рождения
М. Е. Салтыкова-Щедрина*

Именно эти качества Щедрин ценит в поэзии Кольцова, говоря, что «Кольцов был поэт по преимуществу народный, принимая это слово не в смысле национальной исключительности, а в смысле сочувствия к интересам массы человечества» (цитируется по изданию: М. Е. Салтыков-Щедрин. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. М.—Л., 1930—1941). Сатирик требует честного отношения к слову, а честное отношение к слову состоит в том, чтобы оно служило передовым идеалам. Нечестное отношение к слову, отсутствие передовых идеалов он отмечает в псевдонародных книжках и брошюрах монархических и реакционных сочинителей, которые «видят в народе или низшую породу людей, или какое-то полудурье и, руководствуясь этим взглядом, измышляют для него низкого сорта мысли и форменно-простонародные речи». Критикуя книжку князя В. Львова по русской истории, написанную для «народного чтения», он говорит о ничтожестве этого сочинения, в котором содержатся «низшего сорта мысли» и которое написано «низшего сорта языком». Революционный демократ и просветитель, Щедрин утверждает, что с народом необходимо говорить «просто и вразумительно».

Взгляды Щедрина на проблему народности языка литературы сформулированы им в теории «подоплечного словаря». В условиях политической реакции открыто выражать свои взгляды могла только официальная идеология и продажная журналистика, которая гордилась мнимой ясностью, правдивостью своего изложения. Но их «ясную речь» сатирик называет «холопским языком» и «клеяменным словарем» и противопоставляет им богатый идей-

ным содержанием язык революционной журналистики, обнажавший внутреннюю, скрытую сущность социально-политических явлений буржуазного общества. В стилях революционной публицистики вырабатывается целая система иносказаний, которая требует расшифровки и разъяснения. «Подоплечный словарь» служит целям разоблачения риторической фальши условных словарных обозначений и характеристик буржуазного общества. Социальные отношения в обществе, его институты, поведение людей — все это служит предметом общественной оценки, выявляющей истинную сущность буржуазной действительности.

Так, закон в Глупове «есть не что иное, как дифирамб, сочиненный в пользу и в поощрение помпадур»; каторга — это «общежитие, в котором обыватели не в свое дело не суются, пороку не выдумывают, передовых статей не пишут, а живут и степенно блаженствуют. В будни работу работают, в праздники за начальство бога молят. И оттого у них все как по маслу идет»; раут — «это самая скучная из всех форм общежития, участники которой думают только о том, как бы от нее улизнуть».

В стиле Щедрина с понятием «подоплечного словаря» была тесно связана искусно разработанная им эзоповская манера письма, или, по его определению, «рабий язык». «Моя манера писать есть манера рабья,— говорил он.— Она состоит в том, что писатель, берясь за перо, не столько озабочен предметом настоящей работы, сколько обдумыванием способов доведения его в среду читателей. Еще древний Эзоп занимался таким обдумыванием, а за ним и множество других шло по его следам».

Эзоповский язык — это совокупность стилистических приемов, создающая двойное понимание слова, фразы, когда за прямым смыслом существует второй план восприятия, раскрывающий подлинные мысли автора.

Среди речевых средств эзоповского языка Щедрина большое место занимают авторские перифразы — неологизмы. Слова *фюигъ* означает ссылку, *гороховое пальто* — шпиона, *сыщика*, *ежовые рукавицы* — административную практику самодержавия; *известительная практика* — взаимный шпионаж, доносительство; *лудильщик* — земского деятеля; *куроцан* — исправника, урядника; *женихи из ножевой линии* — погромщиков, черносотенцев; *дирижирующие классы* — крепостников и т. д.

Гоголевские принципы речевого изображения характеров Щедрин углубил и преобразовал в своем творчестве. Ему были близки бытовая характерность и социальный облик героев Гоголя.

В речи персонажей сатирика широко и многообразно представлена народно-разговорная речь, просторечие, слова и выраже-

ния профессиональной речи — чиновничьей, военной, художнической, лексика и фразеология официально-деловой речи. Особым богатством отличаются сословные и социально-жаргонные слова и обороты, термины и фразеологические материалы, относящиеся к народному быту, промыслам, профессиям, а также слова народных говоров.

В прозе и в публицистике сатирика представлены: крепостное и послереформенное крестьянство, дворяне-крепостники, мелкопоместное дворянство, земские деятели, мещане, городской люд, фабричные, купечество, первые русские капиталисты, царское самодержавие, чиновничество, разночинная интеллигенция, продажные журналисты, офицерство, солдаты, писатели, художники, актеры, меценаты, дети.

Для сатирической характеристики изображаемого мира Щедрин создает острые стилистические средства, которые находит в изобразительных свойствах общенародного русского языка и в достижениях русской художественной речи.

Щедрин-сатирик широко использует стилистический прием присоединительного сочетания слов и оборотов, открытый А. С. Пушкиным и разработанный Н. В. Гоголем. Сущность этого приема заключается в неожиданном сближении далеких и часто противоречивых по смыслу слов и фраз, создающих обобщенную сатирическую характеристику героя или изображаемой действительности.

При описании женитьбы аракчеевца Дыбы «по языческому обряду под ракитовым кустом» на «вильмандстрандской уроженке» сообщается такой список гостей: «Да и вообще никто из почетных гостей не прибыл в кухмистерскую (было приглашено: *пятьдесят штук тайных советников, сто штук действительных статских советников, один бегемот, два крокодила и до двухсот коллежских асессоров для танцев*), а приехали какие-то «пойги» [мальчишки. — В. В.] из Вильмандстранда, да штук двадцать по-друг-кухарок, в том числе и моя кухарка».

Этот прием Щедрин часто применяет для разоблачения мелочности духовных интересов русской интеллигенции, ее «пенкоснимательской сущности». «Помилуйте, — говорит писатель. — *Щи из кислой капусты, поросенок под хреном, жаркое, рябчики, пирог из яблоков, а на закуску: икра и балык — вот мой образ мыслей!* Полагаю, что всего этого совершенно достаточно, чтобы заслужить похвалу!».

Важную роль в сатирическом повествовании Щедрина играет прием мнимой серьезности, в котором внутреннее логическое противоречие словесных сцеплений выступает как средство разоблачения действительности. Заметим, что данный прием использует

ся Салтыковым-Щедриным во многих произведениях. Абсурдные и нелепые суждения и поступки героев излагаются как логичные и мотивированные, но за прямым смыслом возникает второй план понимания, сатирический, который раскрывает истинный смысл повествования.

Сатирический показ изображаемой действительности создается путем употребления синонимов различной экспрессивной и стилистической окраски. Сцепления синонимов обостряют авторскую оценку того, что описывается, сгущают пронию: «Между прежним моим ничегонеделанием и нынешним — целая бездна. Прежнее мое „ничегонеделание“ означало *фырканье, фордыбаченье, форс, озорство*; нынешнее — ровно ничего не означает, но зато пользу принесит».

Синонимы различной экспрессивной и стилистической характеристики помогают расчленить действие, изображая его в последовательности. Разоблачая деятельность тайного придворного «Общества частной инициативы спасения» — организации, борющейся с революционным движением, Щедрин говорит: «И вот на клич изо всех щелей *выползают „содействователи“*. Первым *выступает* Иванов, который наивно думает, что „потрясение основ“ спрятано у кого-нибудь в кармане, и потому предлагает всех обыскать. Следом за Ивановым *является* Федоров — этот когда-то был высечен своими крепостными людьми и никак не может об этом забыть. За ним *выходит на сцену* Пафнутьев. За Пафнутьевым *идут* разных шерстей ублюдки».

Целям сатирического освещения действительности служат развернутые сравнения и сопоставления. Например, помпадур Феденька сравнивается с «молодым жеребчиком, вырвавшимся на волю из стойла», глаза земского деятеля Пафнутьева — с глазами быка, налитыми кровью, лицо графа Твэрдоонто — со «свеженаписанным масляными красками портретом, по которому неосторожный прохожий слегка задел рукавом» и т. д.

К совершенно особым типам сравнений, тщательно разработанным Щедриным, относятся такие, в которых сатирик привлекает в качестве объектов сопоставления понятия и образы общественно-политического и официально-делового характера. Вот как описывает сатирик сельский пейзаж в конце лета в «Современной идиллии»: «Листья еще крепко держатся на ветках деревьев и только чуть-чуть начинают буреть; георгины, штокрозы, резеда, душистый горошек — все это слегка побледнело под влиянием утренников, но еще в полном цвету, и везде жужжат мириады пчел, которые, как *чиновники перед реформой*, спешат добрать последние взятки».

Стилистический прием повтора как одного из средств выразительности речи Щедрин широко использует в своих произведениях. Основная функция повтора — сатирическая. Особенно тщательно писатель разрабатывает прием лексических повторений. В результате воспроизводимая действительность осмеивается путем столкновения разных значений одних и тех же слов. Например: *«Пестрое время, пестрые люди. Оттого и жить трудно стало; не на кого положиться, не во что верить: везде шатание, пусто-душные, пестрота... Общий признак, по которому можно отличить пестрых людей, состоит в том, что они совесть свою до дыр износили...»*.

Использование крылатых слов, ссылок на цитаты из произведений художественной литературы является одной из излюбленных форм сатирического описания в творчестве Щедрина. Образные выражения М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева часто употребляются писателем не только в публицистических, но и в художественных произведениях.

Язык художественной литературы и публицистики второй половины XIX века стремительно обогащает репертуар своих изобразительных средств крылатыми словами, цитатами самого различного происхождения. Щедрин разрабатывал стилистические приемы насыщения литературной речи крылатыми словами, цитатами, афоризмами и тем самым влиял на развитие литературно-художественных и публицистических стилей второй половины XIX века.

При использовании крылатых слов с сатирическими целями смысл фразеологической цитаты контрастирует с содержанием контекста: «Обрадовался исправник, взбежал на вышку и, вспомнив Пушкина, произнес: *Отсель грозить мы будем шведу* — и пригрозил...».

Довольно часто Щедрин перерабатывает фразеологические цитаты, изменяет один или несколько компонентов. Обновленные, они представляют собой острое и мощное стилистическое средство сатиры. Так, например, цитата из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» «Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя» перерабатывается, содержание ее связывается с полицейскими репрессиями, шпионажем в конце 70-х — начале 80-х годов XIX века: «Такого обилия неосвященных окон никто не запомнит: точно все собралось говеть. А если и видишь где-нибудь в окне огонек, то, наверное, там, при трепетном свете керосиновой лампы, какой-нибудь современный Пимен строчит и декламирует: «Еще одно облыжное сказанье, // И извещение окончено мое...». Лермонтовская цитата «Люблю отчизну я, но странною лю-

бовью...» перифразируется, содержание ее наполняется другим смыслом, связанным с объектом пародирования. «Вообще, что касается земства, я, пародируя стих Лермонтова, могу сказать: *люблю я землину, но странную любовью...*».

Знарок и мастер образного слова, Щедрин видел в эпитетах, народных прозвищах, экспрессивных оборотах, а больше всего во фразеологии отражение жизни народа, его взглядов, его психологии. Он отмечает в пословицах удивительную емкость смысла, «потому что они ко всему как-то прилаживаются». Зная хорошо фольклорные труды В. И. Даля, И. М. Снегирева, Ф. И. Буслаева, Щедрин выписывает народную фразеологию из их сочинений, собирает слова и выражения, относящиеся к народному быту, ремеслам, промыслам, профессиям.

Много пословиц писатель употребляет в прямом смысле для раскрытия психологии народа, его привычек, мыслей, суждений. Довольно часто применяются они и как компонент авторского публицистического повествования для выражения отвлеченно-идеологических понятий. Включение пословиц в авторское повествование «часто сопровождается нарушением обычного пословичного трафарета. Сатирика занимает не столько внешняя, композиционная сторона, сколько внутреннее перифрастическое содержание пословиц» (А. И. Ефимов. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., 1953). Некоторые пословицы Щедрин варьирует, перерабатывает много раз, изменяя их значение и усиливая юмор. Например, пословица *Куда Макар телят не гонял* (ее значение: загнать очень далеко, в самые отдаленные места) имеет у Щедрина множество вариаций. В «Сатирах в прозе» она употребляется с номинативным значением. Бюрократ распекает подчиненного: «Да вы знаете ли, милостивый государь... да известно ли Вам, что я Вас туда упеку, *куда Макар телят не гонял*». «В среде умеренности и аккуратности» — используется как синоним угрозы и трансформируется: «В отставку!», «Под суд!», «*Куда Макар телят не гонял!*». «Помилуйте! Ему метресса изменила, а я из-за этого должен с *Макаровыми телятами* знакомство сводить!». В «Истории одного города» эта пословица переделывается в перифраз, олицетворяющий ссылку: «А мы обо всем разговаривали безбоязненно и даже фаланстеров не чуждались. Знали, что фаланстеров нам не дадут, но в то же время верили, что *и телят Макаровых пасты не представляют*».

Стилистические приемы, рассмотренные выше, органически связаны со словесной структурой образа автора. «В композиции художественного произведения,— пишет В. В. Виноградов,— динамически развертывающееся содержание раскрывается в смене и чередовании разных форм и типов речи, разных стилей, синтети-

руемых в „образе автора“ и его создающих как сложную, но целостную систему экспрессивно-речевых средств. Именно в своеобразии этой речевой структуры образа автора глубже и ярче всего выражается стилистическое единство композиционного целого» (В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959). Образ автора — это центр, в котором объединяются все стилистические приемы произведений словесного искусства. Хотя понятие «образа автора» является конструктивным элементом одного произведения, цикла произведений и творчества Щердина в целом, однако в художественной прозе и в публицистике сатирика своеобразие речевой структуры образа автора выявляется по-разному.

В романе «Господа Головлевы» выражаются три основных плана авторского повествования. Им соответствуют три лика образа автора, или три главных экспрессивно-стилистических слоя. Первый экспрессивно-стилистический слой представляет автора как наблюдателя, повествователя излагаемых событий. Вот типичный образец объективного авторского повествовательного стиля: «Ноябрь на исходе, земля на неоглядное пространство покрыта белым саваном. На дворе ночь и метелица; резкий холодный ветер буровит снег, в одно мгновение намечает сугробы, захлестывает все, что попадает на пути, и всю окрестность наполняет воплем. Село, церковь, ближайший лес — все исчезло в снежной мгле, крутящейся в воздухе; старинный головлевский дом могуче гудит».

Автор-повествователь выступает не только в роли наблюдателя, объективно описывающего жизнь и разложение семьи Головлевых, он одновременно и комментатор описываемых событий: «Может быть, он (Павел Владимирович) был добр, но никому добра не сделал; может быть, был и не глуп, но во всю жизнь ни одного поступка не совершил. Он был гостеприимен, но никто не льстился на его гостеприимство; он охотно тратил деньги, но ни полезного, ни приятного результата от этих трат ни для кого никогда не происходило; он никого никогда не обидел, но никто этого не вменял ему в достоинство; он был честен, но не слыхали, чтоб кто-нибудь сказал: как честно поступил в таком-то случае Павел Головлев. В довершение всего, он нередко огрызался против матери и в то же время боялся ее, как огня. Повторяю: это был человек угрюмый, но за его угрюмостью скрывалось отсутствие поступков — и ничего больше».

Нередко функции повествователя, с одной стороны, и комментатора — с другой, могут разъединяться. Тогда это явление четко выявляется в стиле авторского повествования: *«Семейство, которое выступает на сцену в настоящем рассказе, уже знакомо нам.*

Старуха-барыня — не кто иная, как Арина Петровна Головлева; умирающий владелец Дубровинской усадьбы — ее сын, Павел Владимыч; наконец, две девушки, Аннинька и Любинька — дочери покойной Анны Владимировны Улановой... Прошло не больше десяти лет с тех пор, как мы видели их, а положения действующих лиц до того изменились, что не осталось и следа тех искусственных связей, благодаря которым Головлевская семья представлялась чем-то вроде неприступной крепости».

Второй экспрессивно-стилистический слой, или лик образа автора, выявляется в литературно-теоретическом манифесте реалиста, включенном в стиль романа. Автор обосновывает свои взгляды на природу изображаемого, раскрывает принципы своего художественного метода. «Гоголевская сатира, — пишет сатирик, — сильна была исключительно на почве личной и психологической. Ныне же арена сатиры настолько расширилась, что психологический анализ отошел на второй план, вперед же выступили силы вещей и разнообразнейшие отношения к ней человеческой личности. На горизонте русской жизни периодически появляются своего рода моровые поветрия и поглощают целые массы людей. Вспомним язвы либерализма, язвы празднословия, язвы легкомыслия».

Обличению празднословия, пустословия, предательства, лжи и подлости Щедрин посвящает свой роман. Автор останавливает изложение сюжета и поясняет различия, существующие в раскрытии характера в русской реалистической литературе и во французской: «Не надо думать, что Иудушка был лицемер в смысле, например, Тартюфа или любого современного французского буржуа, соловьем рассыпающегося по части общественных основ. Нет, ежели он и был лицемер, то лицемер чисто русского пошиба, то есть просто человек, лишенный всякого нравственного мерпла и не знающий иной истины, кроме той, которая значится в азбучных прописях». Для изображения «пустословия, пустомыслия и пустотробия» Головлевых сатирик обращается к истокам живой разговорно-бытовой речи со всем разнообразием ее жаргонных, диалектных, социальных и индивидуальных ответвлений и вариаций.

Третий экспрессивно-стилистический слой, или лик автора, связан с выражением патетического у Щедрина. Щедрин «истинными ораторами» считает тех, которые «зажигают сердца человеков». Великий писатель воспринимается современниками как могучий проповедник революционной демократии, передовых идеалов. Сатирическое органически переходит у писателя в патетическое. Патетический образ автора выражается в особом стиле с высокой фразеологией, с ритмическим синтаксисом, со строфическим чле-

нением речи. «Всякий эпизод,— говорит сатирик,— всякое воспоминание прошлого растревает какую-нибудь язву, и всякая язва напоминала о новой свите головлевских увечий. Какое-то горькое, мстительное наслаждение чувствовалось в разоблачении этих отрав, в их расценке и даже в преувеличениях. Ни в прошлом, ни в настоящем не оказывалось ни одного нравственного устоя, за который можно бы удержаться. Ничего, кроме жалкого скопидомства, с одной стороны, и бессмысленного пустоутробия — с другой».

В публицистике Щедрина проблема образа автора принимает более усложненные формы, чем в его художественной прозе. Образ автора, например, в «Помпадурах и помпадуришах», в «Дневнике провинциала в Петербурге», в «В среде умеренности и аккуратности» расслаивается на большее число ликов, в которых отражается личность писателя.

Повествование чаще всего ведется от первого лица. Но публицистическое «я» Щедрина — это особая стилистическая категория, в которой объединяются противоположные начала. Под этим «я» обнаруживаются: во-первых, сам писатель; во-вторых, герой-рассказчик, «средний человек», наделенный внешними чертами служебной, политической и литературной биографии самого Щедрина, но не тождественный автору по своей идейной позиции; и в-третьих, герой-рассказчик, служащий объектом сатиры в произведении.

Особой сложностью отличается тип Глумова, в котором заключен образ «я» рассказчика и его «собеседника». Подобное смешение противоречивых черт дает возможность Щедрину вводить в их диалоги такие сокровенные мысли, которые были бы невозможны, если бы он говорил от первого лица. Об этой особенности авторского повествования Щедрина хорошо писал Гл. Успенский: «Салтыков пишет от своего Я, но обратите внимание, заслоняет ли он этим Я то, что описывает. Нет. Его Я едва заметно. Это Я постороннее, это посторонний наблюдатель, и той средой, в которой это Я живет, никоим образом самого Салтыкова объяснить нельзя» (Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, М., 1954).

Щедринские образы, имена, тип Щедрина, многие щедринские выражения вошли в общенародный язык: *Иудушка Головлев, глумовцы, ташкентство, Угрюм-Бурчеев, пенкосниматели, Колупаевы и Разуваевы, по-головлевски, премудный пискарь, карась-идеалист, применительно к подлости, чего изволите и т. д.*

В. И. Ленин много раз обращался к образам, типам, выражениям Щедрина. На страницах ленинских произведений можно найти множество щедринских типов и образов — здесь Иудушка

Головлев, помпадур, Угрюм-Бурчеев, дикий помещик, коняга, Балалайкин, игрушечного дела людишки, премудрый пискарь, вяленая вобла и т. д.

С творчеством Щедрина связана целая эпоха в истории русской литературы, в развитии русского литературного языка. Передовые представители русской культуры постоянно сопоставляли имя Щедрина с именами А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. Г. Чернышевского, Л. Н. Толстого.

И. С. Тургенев называет себя «одним из самых старинных и неизменных поклонников» таланта сатирика. А. Н. Островский ощущает в Щедрине «страшную поэтическую силу», видит в нем «пророка». Для Ф. М. Достоевского Щедрин — «большой художник». Н. В. Шелгунов, видный участник революционно-демократического движения 60-х годов, называет великого сатирика «истинным мудрецом, которому были ясны все тончайшие нити и пружины личных и общественных отношений», «светившим всем маяком для всей наиболее умственно независимой части населения». «В Салтыкове таилась необычайная мощь духа, — пишет молодой И. А. Бунин, — такая мощь, какой не проявлял доселе ни один из самых великих писателей России». А. П. Чехов относит Щедрина к числу «вечных писателей». По словам М. Горького, без произведений Салтыкова-Щедрина, без типических образов, созданных писателем, «невозможно понять историю России во второй половине XIX века».

В. П. ВОМПЕРСКИЙ

Рисунок В. Толстоногова

Еще Некрасов и Салтыков учили русское общество различать под приглаженной и напوماженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов...

В. И. Ленин. Памяти графа Гейдена
(Чему учат народ наши беспартийные «демократы»?)

Щедрин шел в ногу с жизнью, ни на шаг не отставая от нее, он пристально смотрел в лицо ей и — горько пророчески хохотал надо всеми и всем. Это не смех Гоголя, а нечто гораздо более оглушительно правдивое, более глубокое и могучее.

А. М. Горький. История русской литературы

ВЕЛИКИЙ САТИРИК И РЕАЛИСТ

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин жил и творил в сложную и бурную эпоху, когда центр революционного движения в Европе начал перемещаться в Россию. Расцвет его творчества совпал с двумя революционными ситуациями 1861 и 1881 годов. Писатель запечатлел основные моменты освободительной борьбы в России, своими произведениями способствовал подрыву идеологических основ господствовавшего строя. Вся жизнь Салтыкова-Щедрина была отдана одной цели — борьбе с произволом, насилием самодержавного строя, обличению социальных пороков, утвердившихся в результате господства капитализма. «Никто не карал наших общественных пороков словом более горьким, не выставлял наших общественных язв с большей беспощадностью», — писал Чернышевский, подчеркивая значение сатиры Салтыкова-Щедрина.

Талант Салтыкова-Щедрина был удивительно глубоким и многогранным. Гениальный сатирик, остроумный публицист, он был в то же время великолепным организатором передовых литературных сил.

Усвоив идеи западноевропейских социалистов-утопистов, он развил их далее, осознал необходимость революционного преобразования общества на основе социальной справедливости и подлинной демократии.

Щедринский анализ социальных обстоятельств русской жизни отличался поразительной глубиной и полнотой. Свыше трехсот ссылок и сносок на произведения Салтыкова-Щедрина встречается у В. И. Ленина, и это является наиболее ярким признанием значимости писателя для революционного дела в России.

Салтыков-Щедрин систематически и последовательно убеждал своего читателя в необходимости отрешиться от иллюзий возможности реформ и частичных «улучшений», избавиться от гнета крепостников и буржуазных дельцов. Он считал, что действовать на общественном поприще «применительно к обстоятельствам» — означало применяться к подлости. В «Пошехонской старине», описав одно из проявлений повседневного и, так сказать, «нормального» произвола над крепостными, Салтыков-Щедрин с болью и негодованием восклицает: «Кто поверит, что было время, когда вся эта смесь алчности, лжи, произвола и бессмысленной жестокости, с одной стороны, и придавленности, доведенной до поругания человеческого образа, — с другой, называлась... жизнь?» (цитируется по изданию: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в 20-ти томах. М., 1965).

Ненависть Салтыкова-Щедрина к крепостничеству не остыла до конца дней его жизни. Он по праву мог сказать о себе: «Неизменным предметом моей литературной деятельности был протест против произвола, двоедушия, лганья, хищничества, предательства, пустословия» — против всех тех пороков, которые порождались всевластием одних и бесправием других.

Литературная деятельность его началась в годы учебы в Царскосельском лицее, где еще свежи были воспоминания о Пушкине и где начальством были приняты репрессивные меры, чтобы ни один «вольнодумец» более не вышел из стен этого питомника будущих администраторов на высшие посты в государстве.

Первые крупные произведения Салтыкова-Щедрина «Противоречия» и «Запутанное дело» послужили поводом для ареста писателя и ссылки его в Вятку.

Восемь лет пребывания в ссылке не исправили Салтыкова-Щедрина. Верного слугу в его лице самодержавие не приобрело.

Вернувшись из Вятки, Салтыков (под псевдонимом Н. Щедрин) опубликовал «Губернские очерки» — книгу о городе Крутогорске (Вятке), его обитателях, их занятиях и нравах. Крутогорск в произведении предстал как обобщение крепостнической России. Продолжая гоголевскую обличительную традицию, Салтыков-Щедрин сатирически изобразил разнообразных владык провинциальной жизни. Один из них изложил наивно, но с убийственной точностью главное жизненное правило этой чиновной саранчи: «Мое, братцы, слово будет такое, что никакого дела, будь оно самой

пасхи святее, не следует делать даром: хоть гривенник, а слуши, руки не порть». Городничего Фейера сатирик выразительно охарактеризовал: «В невозможности возможность найдет, из песку веревку совет да ею же кого следует и удавит».

Сближение с органом революционной демократии журналом «Современник» и самое деятельное сотрудничество в нем определило дальнейший расцвет социально-политической сатиры писателя. Пользуясь иносказаниями, олицетворениями, комическими переосмыслениями, облекая свою мысль в маскирующие одеяния разнообразных художественных средств, Салтыков-Щедрин умел провести через цензуру острейшие вопросы современной жизни. Он критиковал не отдельные упущения в «дозволенных пределах», а всю систему в целом, наносил удары не по уже избалованным взяточникам, не по тем самодурам и деспотам, которых сами правящие верхи отказывались поддерживать, а по самым основам, по устоям существующего строя.

Современники удивлялись, как ухитрился писатель публично высказать мысли, которые на ухо ближнему не всякий рисковал прошептать.

Рассказ по существу вопроса Салтыков-Щедрин обычно начинал с «дозволенных» предметов. Подав их в такой форме, что у читателя неизбежно возникало желание поподробнее разобраться в сущности освещаемых фактов, сатирик вводил сравнение или развернутое сопоставление, уводящее как будто бы к безопасным для властей вопросам. Далее сатирик с железной логикой делал вывод за выводом и приводил читателя к широким обобщениям, а потом будто бы нечаянной обмолвкой возвращал к исходным фактам. Разбуженная мысль читателя, направленная на путь уяснения поднятых вопросов, столь же неизбежно «увязывала» приведенные факты с необходимыми Салтыкову-Щедрину обобщениями. Эта связь как раз и оказывалась неподвластной цензуре. Она большей частью как бы самопроизвольно возникала в уме читателя, дорисовывалась им. Разумеется, самопроизвольность здесь видимая: мысль читателя движется в направлении, намеченном писателем. Наиболее полное выражение и признание такой принцип повествования получил в прозе Чехова под названием «подтекст», или «подводное течение».

Откликаясь в очерке «Литературное положение» на новые преследования литературы, Салтыков-Щедрин начинает повествовать как будто бы о массовой бульварной прессе, которая и у правящих верхов не вызывала энтузиазма: «Современный литератор всего меньше „властитель дум“, современный литератор — это пария, это почти прокаженный». Но почему он таков? Почему он — «существо забитое, вечно жмущееся к стороне,

существо, коснеющим языком и с беспокойными оговорками сознающееся в своем ремесле? Видимо, есть что-то «предсудительное» именно в «ремесле» литератора; видимо, сама литература — нечто подозрительное и недостойное с точки зрения правящих верхов. И вот здесь-то Салтыков-Щедрин предлагает развернутое сопоставление об «архитектурном плане» общества, имея в виду его социальную структуру: есть краеугольные камни, на которых будто бы все держится; и есть орнаменты, своего рода архитектурные излишества. Краеугольные камни — это органы управления, надзора, принуждения и наказания. Орнаменты — это науки и искусства. Такой «архитектурный план», «разделенный на множество клеток, заключает в каждой из них либо краеугольный камень, либо орнамент, причем строжайше наблюдается, дабы камни не смешивались ни между собою, ни с орнаментами... Заключенный в свою клетку, со всех сторон окруженный краеугольными камнями, что может совершить бедный, беспомощный литератор? на какие подвиги он может отважиться?». За сопоставлениями и сравнениями в итоге следует вывод о том, что русская литература того времени, в сущности, заключена в клетку, а литератор рассматривается как существо гонимое, преследуемое.

Эзопова речь — речь умолчаний, намеков, многозначительных обмолвок и сопоставлений — была отточена Салтыковым-Щедринным до предела и превратилась в грозное оружие. В сочетании с гиперболизацией и фантастикой она позволяла сатирику достигать ошеломляющего эффекта. «Я был однажды свидетелем редкого и потрясающего зрелища: я видел взбесившегося клопа», — сообщает он читателю, а затем развертывает кошмарную картину: взбесившийся клоп, воспользовавшись «ореолом благонамеренности», «перепортил тьму народа»: Читатель постепенно осознает несомненную связь между клопом и современной общественной жизнью, пока, наконец, у него не блеснет неожиданная догадка. Оказывается, речь идет о тех «благонамеренных» литераторах-реакционерах типа М. Н. Каткова, которые повели бешеную шовинистическую пропаганду во время польского восстания 1863 года, а затем, после покушения Каракозова на Александра II, до предела распоясались, «перепортили тьму народа», отравив его ядом национализма.

Творческий метод Салтыкова-Щедрина с особой силой проявился в «Истории одного города». Используя пародийные формы хроники, сатирик обобщил наиболее типичные и существенные стороны самодержавно-крепостнического государства. «Взгляд на мое сочинение, как на опыт исторической сатиры, — подчеркивал он, — совершенно неверен. Мне нет никакого дела до истории, и я

имею в виду лишь настоящее. Историческая форма рассказа была для меня удобна лишь потому, что позволяла мне свободнее обращаться к известным явлениям жизни».

Это были действительно всем известные явления русской жизни 60-х годов XIX века, когда под нажимом низов все переменилось, ничто не устоялось, и верхи лихорадочной административной деятельностью стремились прикрыть свое стремление все сохранить по-старому. Десятки, сотни, тысячи проектов предлагались для того, чтобы соблюсти видимость социального прогресса. Именно эта сторона русской жизни и оказалась в центре внимания писателя.

Перед читателем выведена целая вереница ретивых градоначальников, которые, войдя в административный раж, строят без капли здравого смысла; крушат без зазрения совести; берут штурмом собственный город; пуще всего стараются нагнать страху на обывателя; то мостят, то вновь приказывают размостить мостовые, а из добытого таким путем камня намереваются воздвигнуть монументы в собственную честь.

Таковы не только градоначальники, помещенные для видимости в фантастическое прошлое, такими же представлял себе сатирик и современных ему помпадуров. «Вообще у них есть фаталистическая наклонность,— выделял он их главную родовую черту,— обратить мир в пустыню и совершенное непонимание тех последствий, которые может повлечь за собою подобное административное мероприятие».

В итоге повествования Салтыков-Щедрин подводит своего читателя к выводу, что в основе всех проектов лежат безответственность и безнаказанность представителей власти. Именно эта безответственность порождает безрассудную «отвагу» градоначальников в серьезном деле управления страной. «Урус-Кутуш-Кильдибаев,— представляет сатирик одного из подобных правителей,— отличался безумной отвагой и даже брал однажды приступом город Глухов».

Взяв за основу реально существующие социально-психологические типы и гиперболизировав их, выделив наиболее примечательное, характерное, Салтыков-Щедрин сохраняет связь своих персонажей с жизнью. При всей своей невероятности они оказываются удивительно знакомыми читателю. Градоначальник Брудастый (Органчик) с пустой головой — это лишь доведение до крайности типа пустоголовых начальников, как Прыщ — со своей фаршированной головой — лишь крайнее выражение тех, у кого, по народному выражению, «каша в голове». Сатирик словно бы материализует народные оценки и пословицы, овестьствляя их образное, переносное значение. И потому они подчиняются уже не ло-

гике нормальных человеческих отношений, а ведут себя сообразно с миром овеществленных предметов и явлений. «Баклан, Иван Матвеевич, бригадир,—серьезно повествует Салтыков-Щедрин,—был роста трех аршин и трех вершков, и кичился тем, что происходит по прямой линии от Ивана Великого (известная в Москве колокольня)». После такого зачина уже не кажется невероятным, что этот долговязый градоначальник был «переломлен пополам во время бури, свирепствовавшей в 1761 году».

Однако мало было указать на бесчинства крепостников, обличить их и казнить смехом в веках. Нужен был ответ на вопрос, который поставил Чернышевский перед молодой Россией, не желавшей более мириться с существующим порядком: *что делать*, чтобы освободить народ, изменить общественную структуру, создать справедливый во всех отношениях порядок.

Салтыков-Щедрин назвал самого оголтелого из своих градоначальников Угрюм-Бурчеева «бывым прохвостом». Размышляя, как справиться с этим воплощением тупости, несущим угрозу для всего народа, он пишет: «Обыкновенно противу идиотов принимаются известные меры, чтобы они, в неразумной стремительности, не все опрокидывали, что встречается на пути. Но меры эти почти всегда касаются только *простых* идиотов; когда же придатком к идиотству является властность, то дело ограждения общества значительно усложняется. ...Там, где простой идиот расшибает себе голову или наскакивает на рожон, идиот властный раздробляет пополам всевозможные рожны и совершает свои, так сказать, бес-сознательные злодеяния вполне беспрепятственно».

Мысль сатирика прозрачна, намек понятен.

Отнять власть у крепостников, обуздать всевозможных эксплуататоров в состоянии только народ. Таково глубочайшее убеждение Салтыкова-Щедрина. Но сделать это может лишь народ, пробужденный от векового дурмана.

Исходя из реалистического принципа социально-исторической обусловленности внутреннего мира человека, Салтыков-Щедрин сумел проникнуть в глубочайшие тайники души, исподличавшейся под гнетом насилия. Ему удалось познать и раскрыть широко разветвленные, тончайшие связи между царящим в мире произволом и патологическими уродствами в поведении отдельного человека. Если общество лихорадит от социальных болезней, не может быть здоров человек. Измените, исправьте общество — только тогда изменятся к лучшему люди. Таков смысл размышлений Салтыкова-Щедрина. Такова основа его сатиры.

Талант и удивительное мастерство помогали писателю находить наиболее действенные художественные средства для обличения социальных пороков. Одним из таких приемов является упот-

ребление имен известных персонажей, заимствованных из произведений других авторов. Молчалин, Чацкий, Репетилов, Загорецкий, Фамусов, Чичиков, Коробочка и другие, появляясь в повествовании Салтыкова-Щедрина, начинают новую жизнь, вступают в новые общественные связи, переоценивают свое прошлое. Так, например, в цикле «В среде умеренности и аккуратности» (1874—1877) в одной из глав мир бюрократии воспринят и осмыслен с точки зрения Молчалина. Этот персонаж Грибоедова досказал то, что произошло с персонажами комедии после 1825 года, что Чацкий все-таки женился на Софье Павловне, поутих, стал смиренным и довольно исправно служил директором департамента «Государственных Умопомрачений», хотя и не знал законов; у Репетилова появился побочный сын Балалайкин — продувная бестия; Рудина назначили командиром департамента «Распределения богатств», а Чичиков к Фамусову под начало поступил, да и подвел его под ревизию и увольнение... При этом Молчалин сообщает такие подробности, что самая буйная фантазия не могла бы придумать подобных превращений. Бунтующий против косности Чацкий — и вдруг директор департамента «Государственных Умопомрачений»? Это кажется невероятным. Более того, возникает предположение: не глумится ли сатирик над светлой памятью «лишнего человека», и без того пострадавшего от московского барства?

Но Салтыков-Щедрин поясняет читателю два обстоятельства. Во-первых, пыла и жара у Чацкого было хоть отбавляй, а вот бойцовских качеств и настойчивости у этого дворянского бунтаря было мало. Во-вторых, страшный гнет николаевской реакции ломал и не таких бунтарей. Вот как это выглядит в изложении туповатого, но хитрого Молчалина: «Этот департамент Александр Андреич даже сам для себя и проектировал. Ведь он, после того, как из Москвы-то уехал — в историю попал, в узах года с полтора выси-дел, а как выпустили его потом на все четыре стороны, он этот департамент и надумал. У нас, говорит, доселе по простоте просвещали: возмут заведут школу, дадут в руки указку — и просвещают. Толку-то и мало выходит. А я, говорит, так надумал: просвещать посредством помрачений. Сперва помрачить, а потом просветить».

Сатирическое слово Салтыкова-Щедрина отличалось поразительной гибкостью, емкостью и яркостью. Так, характеризуя либерального персонажа, сатирик не только сообщает о намерении героя написать «проект о замене рылобития устностью», но и вскрывает в нем сущность, одинаковую с оголтелым крепостником.

О новоявленных публицистах, разжигавших шовинистические и антидемократические настроения, писатель говорит: «Беспокой-

но реет над жизнью жадное до падали литературное воронье и надрывающим душу голосом выпрашивает жертв для своей плотности».

Порфирия Головлева он заклеил краткой формулой, где слились определение ханжеского существа извне и умилительная самооценка персонажа. Уменьшительно-ласкательный суффикс в сочетании с мрачным смыслом определения *кровопивушка* производит потрясающий эффект. Во всей русской литературе нет более такой емкой, убийственной формулы характера, такого определения страшного сплава подлости, лицемерия и предательства.

Для характеристики деятельности начальника (как будто возможно что-нибудь полезное в деятельности чиновника) он нашел экзотическое сопоставление: «Это был какой-то дервиш в вицмундире, который с утра до ночи кружился и что-то выкрикивал».

Чтобы показать страшное воздействие на человека условий чиновничьей службы, он ввел следующее сравнение: «Точно передо мной прошел ряд швабр, которыми уж так давно трут полы, что они утратили даже характер швабр и получили форму тощих и совершенно нецелесообразных мочалок».

Сила Салтыкова-Щедрина как сатирика обусловлена глубиной его мысли, проникающей в сущность социальных процессов русской жизни, его удивительным художественным даром, позволявшим ему находить яркое образное воплощение своих обобщений. Сила его и в том, что он не отчаивался при виде торжествующих в России безобразий, не утрачивал оптимизма и верил в народ, в Россию будущего.

С. Е. ШАТАЛОВ

Рисунок В. Толстоногова

...Единственно плодотворная почва для сатиры есть почва народная, ибо ее только и можно назвать общественной в истинном и действительном значении этого слова. Чем далее проникает сатирик в глубины этой жизни, тем все же становится его слово, тем яснее рисуется его задача, тем неоспоримее выступает наружу значение его деятельности. Дело будет слышаться в его речи, то кровное человеческое дело, которое, затрагивая самые живые струны человеческого существа, нередко возвышается до героизма даже весьма обыкновенного человека.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Рецензия
на сборник «В сумерках». 1868

...подлинный источник, из которого должна истечь струя нового, живого русского слова (...) — русский крестьянский мир..

М. Е. Салтыков-Щедрин. Напрасные
опасения. 1868

СЛОВО В ДВИЖЕНИИ

Заметки о языке драматургии
Н. Ф. Погодина

Процесс изменений в языке различных слоев советского общества всегда привлекал внимание Николая Погодина, драматурга, запечатлевшего в своих ранних пьесах героическую эпоху первых пятилеток и удостоенного Ленинской премии за свою замечательную драматическую трилогию о Ленине («Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Третья патетическая»).

В журнале «Театр и драматургия» Погодин писал в 1934 году: «Начав работать над пьесой „После бала“, я очень много думал об ее языке. Язык нашей страны, нашей деревни меняется. Основные слои деревни прошли немецкую войну, делали революцию в городе, участвовали в гражданской войне. Новые условия труда, новый быт изменили за последние годы и психологию и язык деревни».

Но наблюдения драматурга за переменами, происходящими в разговорной речи, не ограничивались деревней, хотя здесь, быть может, изменения были особенно разительны. В той же статье Погодин писал: «Сейчас я вижу, что „Темп“, „Поэма о топоре“, „Мой друг“, „После бала“ написаны разным языком. В „Поэме о топоре“ — грубый, тяжелый язык уральского завода. Язык людей, занятых на огненных работах, строящих фразы короткие, весомые, употребляющих эпитеты резкие, тяжелые... В „Темпе“ язык строителей. Это люди, кровно связанные с деревней, но уже побывавшие в городе. В их языке смешаны говоры старой, кондовой деревни и городской улицы».

Социалистическая революция и социалистическое строительство вызвали к активной политической жизни, к разносторонней со-

зидательной деятельности широчайшие народные массы. Это, естественно, не могло не сказаться на языке. Сразу же обнаружилось, во-первых, что старого запаса слов не хватает, во-вторых, происходит активный процесс преодоления косноязычия и освоения богатств литературного языка; в-третьих, рождаются новые слова, одни из которых прочно входят в основной словарный фонд общенародного языка, а иные так и остаются словами-временниками.

«Сознание в нас есть,— говорит одна из работниц в «Темпе», а высказать его не выскажешь» (пьесы цитируются по изданию: Н. Погодин. Собрание драматических произведений в пяти томах. М., 1960). «Товарищи, я не оратор,— обращается в «Человеке с ружьем» солдат Иван Шадрин к таким же солдатам, как и он сам,— а то бы я вам высказал». Не хватает слов и колхознице Маше в пьесе «После бала»: «Пусть я не могу вам этого сейчас выразить красноречием, но я его выражу потом. Даю вам честное слово!».

Погодин не ограничился, однако, изображением «косноязычия»; он не только зафиксировал, что «слов не хватает», но и показал самый процесс освоения новых слов и понятий. Драматург тесно связывает этот процесс с ростом политической сознательности и общественной активности своих героев.

Очень характерен в этом отношении язык солдата Ивана Шадрина. Поначалу Шадрин ограничивается тем, что пытается как бы перевести политическую терминологию на свой привычный язык. Вот в первой картине большевик Лопухов читает солдатам газету «Солдатская правда»: «Нельзя вести массы на грабительскую войну в силу тайных договоров и надеяться на энтузиазм». Шадрин: «Это как же понимать? Нельзя солдат морить?». Кто-то подтверждает: «Нельзя». И Шадрин заключает убежденно: «Вот это окопы чувствуют».

Но по мере того как Шадрин вовлекается рабочим Чибисовым в активную революционную деятельность, ему уже мало только «чувствовать» правоту большевиков, ему самому приходится овладевать политической терминологией.

Вот Шадрин читает: «Декрет о земле...». И тут же спрашивает: «Что такое — «декрет»? — «Это закон»,— отвечает ему молодой солдат. Так Иван Шадрин узнал, что такое декрет. Узнал — и никогда не забудет, ибо декрет — о земле, о самом важном. И действительно, в последнем акте Шадрин уже свободно пользуется этим только что узнанным словом. «Слушай, Ларион,— говорит он,— у тебя декрета того не осталось, что мне давал читать вчера?». И тут же переводит это слово для окружающих, памятуя, что он сам еще вчера не знал его смысла: «Читайте наши законы».

Так Щадрин становится большевистским агитатором раньше, чем начинает понимать смысл слова «агитатор»: «Что это такое — агитатор? Не знаю. Я солдат, фронтовик, как все вы, и пришел с вами толковать по нашему солдатскому делу».

Расширение круга понятий и освоение новых слов становится особенно интенсивным с переходом народа к строительству новой жизни, к созидательной деятельности. И Погодин продолжает пристально наблюдать за сдвигами, происходящими в языке.

Уже в «Темпе», первой пьесе Погодина, освоению сезонниками-костромичами нового для них слова «пафос» посвящен колоритный эпизод, который, на первый взгляд, может показаться всего-навсего своеобразным лингвистическим анекдотом, основанным на путанице двух близких по звучанию и далеких по смыслу слов — «пафос» и «понос». На самом же деле этот эпизод представляет собой чрезвычайно содержательную картину, реалистически и красочно рисующую процесс освоения нового понятия. В эпизоде участвуют шесть человек. Решая сцену как массовую, драматург как бы подчеркивает общественный, коллективный характер освоения впервые встретившегося слова. У людей, собравшихся вместе для общей работы, совершенно естественно возникает потребность прийти к единому его пониманию. Погодин далее дифференцирует отношение каждого из персонажей к новому слову.

Трое из шести — Грищук, Краличкин, Груздев — так или иначе знают смысл слова «пафос», но, как показано в пьесе, освоили они это слово в различной степени. Грищук, читающий газеты, лишь приблизительно представляет себе значение слова «пафос» и потому не в состоянии объяснить его другим. Кадровый рабочий-металлист Краличкин, который «на разные слова понятлив», яснее отдает себе отчет в семантике этого слова и пытается, правда, не слишком успешно, растолковать новое слово своим товарищам. И только инженер Груздев может раскрыть перед малограмотными сезонниками смысл нового и такого важного политического понятия.

Лингвисты бы определили, что слово «пафос», прочно вошедшее в активный словарь Груздева, у Грищука пока что находится в пассивном словаре, а у Краличкина как бы переходит из словаря пассивного в активный.

Для остальных трех участников приведенной сценки, для сезонников Темина, Дудыкина и безымянного Рабочего в розовой рубашке, слово «пафос», впервые встретившееся, совершенно непонятное. Но каждый из них по-особому относится к самому факту встречи с новым словом.

Темин берет под сомнение само существование неизвестного ему слова. «Такого слова на нашем языке нету». Он готов уподобить незнакомое слово знакомому, так как Грипчук неправильно делает ударение и в его произношении слово «пафб́с» становится похожим на «понос». Казалось бы, драматург олицетворяет в фигуре Темина самую дремучую, непроходимую безграмотность, крайнее бескультурье (символической оказывается в этом смысле и сама фамилия персонажа — Теми^н, темный человек). Но если вдуматься, в самом нежелании Темина согласиться с тем, чтобы существовали непонятные ему слова, содержится зерно пытливости, залог расширения кругозора.

Другую позицию занимает Рабочий в розовой рубашке. Он вполне допускает существование незнакомое ему слова, но жадно хочет доискаться до сокровенного смысла: «Ребята, а что такое пафб́с?», «Какой в нем толк, в пафо... в пафб́се? К чему?».

Дудыкина жизненный опыт убедил, что на свете много слов и понятий, ему еще не ведомых и сразу все не поймешь. Вот почему он за то, чтобы пропустить встретившееся непонятное слово и читать дальше: «Читай, ладно». Но зато когда смысл нового слова объяснен, Дудыкин тут же берет его на вооружение и переводит на язык практики: «Когда чесаться некогда, тут тебе и пафб́с».

Так драматург разворачивает перед нами картину коллективного освоения нового слова.

В той же пьесе неграмотный костромич Ермолай Лаптев (роль которого с блеском играл в свое время Борис Щукин) не может пока запомнить, как называется лифт: «Не идет... темпа эта... воздушная машина взноровилась». Тут характерно и то, что новое еще понятие «лифт» он пытается выразить с помощью тоже недавно встреченного и еще неправильно произносимого слова «темпа»; и то, что незнакомую технику он, как от века повелось, называет просто машиной; и что о машине, помогающей в труде, он говорит так, как привык говорить о лошади: «взноровилась».

Рисуя в пьесе «После бала» образ молодой колхозницы Маши, драматург наглядно показал, как неразрывно связан рост культуры его героини с расширением ее словаря. Пусть она порой еще не к месту употребляет только что услышанное ею слово («Пойду руки вымою для пикантности»), пусть она еще вместо «бури внешние» читает «бури внешние», но куда важнее, что она приохотилась к чтению и что в ней живет жажда знаний, стремление к культуре.

Освоение нового понятия, переход нового слова из пассивного словаря в активный сопровождается порой и неточным употреблением этого слова, и злоупотреблением вновь приобретенным лингвистическим багажом.

Погодин, чуткий к разговорной речи современников, запечатлел в своих пьесах и эти, так сказать, «издержки» культурной революции. Многие его герои охотно употребляют — именно «как новинку» — к месту и не к месту — иностранные слова. «Пугаете меня... Игнорируете прокурором», — заявляет колхозник Бессмертный в пьесе «После бала». «Ты, Лида, умеешь загипотизировать», — с завистью говорит работница своей подруге в «Темпе». «Это фундаментально хорошо!» — восклицает старший плотник в «Моем друге».

Извлекая комедийный эффект из подобного злоупотребления иностранными словами, драматург отнюдь не потешается над малограмотностью своих героев. Он с доброй улыбкой следит за капризами речи своих персонажей, видя даже в отступлении от литературной нормы прежде всего благотворное стремление к расширению словаря, к освоению новых слов, к преодолению косноязычия. Это не мешает Погодину зло высмеять засорение языка разного рода бюрократическими штампами.

Например, в пьесе «Мой друг» бюрократ Елкин разговаривает таким языком: «На данном отрезке времени жены являются узким местом в раскрытии оппортунизма своих мужей». Значит ли это, что драматург способствовал распространению подобных оборотов в разговорной речи. Конечно, нет! Дискредитируя неуместное злоупотребление фразеологическими штампами типа «на данном отрезке времени», «являются узким местом», драматург вооружал общественное мнение в борьбе против засорения языка.

Читая пьесы Погодина, мы замечаем, что драматург часто предпочитает слово пусть не вполне точное, но более естественное в устах данного персонажа. Писатель исходил, по-видимому, из того, что логически точное и грамматически правильное выражение мысли — одно-единственное для всех и потому оно меньше всего способно передать своеобразие характера. Во всяком случае, он всегда отдаст предпочтение неожиданному слову перед словом ожидаемым, хотя и точным.

Мы ждем, например, что скажет, проснувшись, Степан в «Поэме о топоре». Добившись после многих бессонных ночей выплавки нержавеющей стали, он заснул в цеху от усталости. Какова же будет его первая фраза в такой необычной ситуации? Сталевар совершенно неожиданно для нас произносит всего три слова: «Не может быть!». И именно неожиданность этой реплики заставит нас запомнить ее.

В «Человеке с ружьем» Шадрин говорит большевику Чибисову: «Ох, попадешь с вами в переплет». Мы ждем, что Чибисов ответит: «С нами? Не бойся, с нами не попадешь...». А он отвечает неожиданно: «С нами? Обязательно попадешь». Реплика не только

обращает на себя внимание, но и запоминается значительностью смысла. Чибисов не обещает Шадрину спокойной жизни, он откровенно вовлекает его в сложный переpleт революционных событий.

Драматург привержен к экспрессивной, предельно выразительной, эмоциональной реплике. Его герои часто говорят в состоянии крайнего возбуждения, и это своеобразно окрашивает их речь. «Я не могу говорить правильно,— заявляет колхозница Аграфена в пьесе «После бала».— Я вся дрожу». Погодин не останавливается перед тем, чтобы в одной реплике перемешать самые различные стили разговорной речи, достигая порой при этом удивительного художественного эффекта. Его привлекает язык неустоявшийся, пестрый, язык в движении, в становлении.

Вот одна небольшая реплика секретарши Ксении Ионовны из пьесы «Мой друг»: «Может быть, я беспартийная советская барышня, но я сюда мобилизована, как лучшая ударница, и я для них не бессловесный холуй». Контрастно и выразительно само по себе столкновение современного эпитета *советская* со старомодным словом *барышня*; но драматург не останавливается на этом и вводит в ту же фразу выражения «лучшая ударница» и «бессловесный холуй», принадлежащие к столь далеким друг от друга лексическим пластам. Из этого, на первый взгляд произвольного, смеления различных речевых стихий вырисовываются и биография, и характер Ксении Ионовны, происходящей, вероятно, из мещанской среды, поработавшей на стройке, а затем занявшей свое место в приемной начальника строительства.

Повторение одного и того же слова в разных контекстах дает драматургу богатые возможности для глубокого и точного раскрытия смысла, который вкладывают в данное слово различные люди. Характерно в этом отношении обыгрывание слова *человек* (и множественного — *люди*) в «Аристократах». Приведем несколько реплик из этой пьесы. Татуированная — Нинке: «Я из тебя человека делаю, дура»; Костя — Соне: «На моих глазах погибают лучшие люди»; Костя — Мите: «Слушайте, Митя, откуда вы такой марксист? Вы были знаменитый бандит. Вы теперь навеки испорченный человек». И наконец, в финале пьесы Садовский говорит о Косте, совсем уже в другом смысле: «Какой человек в люди выходит!».

Погодин не только использует в своих пьесах так называемую «энантисемию», то есть противоположность значений одного и того же слова, но и сталкивает «антонимы», слова, прямо противоположные по смыслу. Это придает языку его пьес особую гибкость и внутреннюю драматичность.

«Я честный вор, Соня»,— заявляет в «Аристократах» Костя-Ка-

питан. «Ты честно, с подвохом пиши», — подсказывает один из рабочих в сцене коллективного письма завода иностранному концерну ДВМ в «Поэме о топоре». Начальник строительства Гай, пытаясь отделаться от назойливых посетительниц, шутит в «Моем друге»: «Вы — несчастные жены. Я — несчастный муж. Все к счастью».

Нередко слово или фраза выступают в пьесах Погодина одновременно в двух значениях — в прямом, непосредственном, бытовом и в переносном, обобщающем, иногда даже символическом.

В «Кремлевских курантах» красноармеец спрашивает у Забелина: «Время не знаете?» — «Не знаю, — отвечает Забелин. — На Кремле теперь часы не бьют». — «Что же они? Испортились?» — «Да, братец, испортились главные часы в государстве. Молчат кремлевские куранты». Так за прямым информационным смыслом фразы, за сообщением о том, что часы испортились, встает второй, обобщающий, символический смысл, который придает своим словам растерявшийся и ожесточившийся инженер. И этот смысл прекрасно доходит до его собеседника: «А за такие намеки вас могут к стенке прислонить».

В «Человеке с ружьем» Надя приходит к бушующему людомилу Смольному, чтобы разыскать своего мужа, солдата Ивана Шадрина. «Тут Шадриных тысячи», — отвечает ей матрос Дымов. Надя возражает: «Мы его сразу увидим. Шадрин один». Для нее он единственный, а для революции он один из тысяч крестьян в солдатской шинели. И этот символически обобщенный образ человека с ружьем встает для нас за такой простой фразой Дымова, которая ведь имеет и буквальный обыденный смысл: «Тут, мол, солдат много, как же мы найдем твоего мужа?».

Погодин всегда помнил о большой воспитательной роли театра в борьбе за культуру современной разговорной речи. «Мы не должны забывать», — писал он в уже цитированной статье 1934 года, — о том, какое огромное значение имеет театр и его сильнейшее оружие — слово — для создания социалистической культуры. Мы обязаны взять лучшее, что дает язык нашей страны, сконденсировать это лучшее и отдать его обратно людям, сказав: „Смотрите, как плохо вы говорите в действительности и как прекрасно вы можете говорить“. Наши спектакли смотрят миллионы, и язык пьес имеет огромное значение. Целый вечер тысячи зрителей жадно вслушиваются в сценическое слово, запоминают его, уносят с собой; оно вырастает в жизнь и в быт».

Таковы принципы, которые определяли отражение и своеобразное художественное преломление в пьесах Погодина реальных процессов, происходивших в языке советского общества.

*Е. Г. ХОЛОДОВ,
доктор искусствоведения*

ПОЭЗИЯ ГРАЖДАНСТ- ВЕННОСТИ

О военных стихах Алексея Суркова

Родина и народ. Человек и история. Война и революция. Вот кардинальные вопросы, выдвинутые Октябрем. Новый этап развития нашей страны обусловил появление новых тем в литературе и особенность их творческих решений. «Нам с первых же шагов пришлось оформлять в художественных образах тот комплекс чувств и настроений, образцов которого мы не могли найти в поэзии прошлого», — так говорил с трибуны Первого съезда советских писателей Алексей Сурков.

Родилась целая плеяда советских писателей. Среди их мужественных голосов отчетливо зазвучал голос «окопного поэта», как он себя называл, Алексея Суркова, поэзию которого пронизывают гражданские мотивы.

Писать стихи и печататься в газетах и журналах А. Сурков начал с 1918 года, хотя, по собственному признанию, он предпочитает началом своего поэтического пути считать сборник «Запев». Эта первая книжка поэта, включившая стихи 1925—1929 годов, привлекла внимание читателей и критики.

С выходом этого сборника Сурков становится известным поэтом. Он проходит и редакторскую школу под руководством Максима Горького, два года работает в журнале «Литературная учеба», затем редактирует «Литературную газету», позже журнал «Огонек».

Многообразна была деятельность Алексея Суркова: рабочий, солдат, военный корреспондент, редактор, общественный деятель, секретарь Союза советских писателей. Поэтическую деятельность он успешно совмещал даже с трудом солдата. Он участник четырех войн. Поэтому не случайно ведущая тема поэзии Суркова — тема войны и революции. Главным героем его всегда оста-

вался советский воин, характер которого закаляется в суровые дни войны. Поэт воспевае величие подвига советского человека, его мужество, стойкость, готовность умереть, если надо, за Родину.

Поэт от своего имени и от имени своего лирического героя пишет следующие проникновенные слова:

Видно, выпсал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне, с восемнадцати лет,
Я солдатскую ляжку тяну.

(Цитируется по изданию: Алексей Сурков. Собрание сочинений. М., 1965)

Привлекает внимание и стихотворение-воспоминание о тяжелых испытаниях, пережитых на фронтах гражданской войны.

Шли мы в атаку по острым камням.
Зарева нас вырывали из тьмы.
Впору поднять десяти поколениям
Тяжесть, которую подняли мы.

«Войны имеют концы и начала...»

В первые же дни Великой Отечественной войны Алексей Сурков создает свою «Песню смелых», которая пронеслась по всем фронтам, зовя в бой и на подвиг, а рефрен этой песни, трижды повторенный автором: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет», — стал афоризмом, мобилизующим силы народа в борьбе за победу.

Революционный патриотизм поэзии Суркова сказался и в том, что он изображает бойцов, активно участвующих в Великой Отечественной войне, помнящих о боевых заслугах своих предков

В стихотворении «Курганами славы покрыта родная равнина» приведены такие строки:

От нас убегали монгольские орды Мамая.
Солдат Бонапарта мы в наших снегах погребли.
На полчища Гитлера кованый меч поднимая,
Мы грудью прикрыли просторы славянской земли.

Ораторский стиль присущ этому стихотворению. Он создается отбором высокой торжественной лексики и фразеологии: *курганы славы, кованый меч, просторы славянской земли*; повтором предложений с местоимением *мы*: «Солдат Бонапарта мы в наших снегах погребли», «Мы грудью прикрыли просторы славянской земли»; перфективным употреблением глагольных форм *убегали, погребли, прикрыли*, а также скрытыми параллельными синтаксическими конструкциями.

В стихотворении «Родина», проникнутом сыновней любовью поэта к родной земле, тема революционного патриотизма раскрывается простым разговорным языком:

Осинник зябкий, да речушка узкая,
Да синий бор, да желтые поля.
Ты всех милее, всех дороже, русская,
Суглинистая, жесткая земля.

Все это стихотворение состоит из простых предложений с однородными членами, однородные предложения присоединяются друг к другу при помощи просторечного союза *да*: *осинник зябкий, да речушка узкая, да синий бор, да жесткая земля* — создают глубоко впечатляющую картину.

Тема военного патриотизма создается и усиливается не только отбором лексических, фразеологических и синтаксических средств, но и повторами, которые используются для закрепления образа, например, в стихотворении «Дорогая моя! Неизменный мой друг!»:

В дни, когда налетающий с запада шквал
Сыпал ливнями огненных стрел,
Я отчизне, как сын и солдат, отдавал
Все, что мог, что имел, что умел.
Я шагал по обугленной боем меже,
Чтоб до сердца солдата дойти;
Был своим человеком в любом блиндаже,
У любого костра при пути.

Синтаксические повторы: «Я отчизне, как сын и солдат, отдавал все, что мог, что имел, что умел», — усиливают впечатления и говорят о готовности солдата пожертвовать всем во имя Родины, а повторения: *любой блиндаж, любой костер* — создают как бы непрерывную цепь ассоциаций предметов военного быта.

Алексей Сурков, правдиво изображая войну, показывает суровое мужество советского воина, гуманизм советского человека, его верность своему долгу.

В стихотворениях Суркова зримо встают картины родной природы: наливаются росы, травы цветут, поэт видит, как ласточки гнезда вьют на стене, как «Поет соловей на медной сосне», его сердцу близки и простые полевые цветы: «Иван-да-Марья, и ромашки цвет, и васильки в пшенице на пути». Природа, израненная войной, особенно трогает сердце поэта. Он, бывший крестьянин-хлебороб, с горечью видит, как ложится плашмя перезрелая рожь под сапоги атакующих взводов, ему понятны и жалобы пчел на разбитых колодах, он видит и страшный разрушенный город: «В синеву, в безоблачный простор Город руки мертвые простер» — такой впечатляющий образ создает поэт.

Поэтическая палитра поэта сурова, в ней почти нет оттенков, наблюдается преобладание черного и белого цветов, иногда возникает алый, багровый, красный цвет, цвет знамен, цвет пожарниц и крови. Он рисует черные зданья, черные сваи, черный снег: «Третий раз эта ночь поднимает в ружье и бросает на черный снег».

Картины природы нередко даются через восприятие их бойцами, например, в стихотворении «Песня»:

В колонне повзводно качаются роты.
Походная выкладка — грузом на плечи.
Широкая степь распахнула ворота.
И небо, и травы, и ветер навстречу.
Желтеют курганы в полуденном зное.
Высокое солнце — как рыжая птица.
Плечо под винтовкой немеет и ноет,
Белесая пыль задушила ресницы.

Вся «Песня» поражает своей простотой и безыскусственностью.

Чрезвычайно выразительна и ритмика стихотворений Суркова, например, в стихотворении «О войне и детях»:

Вокруг развалины и дым —
Войны проклятый след.
Мы ночь не спим
И день не спим,
Мы ночь и день в седле.

Ритмикой этого стихотворения подчеркивается динамичность движения конницы, а многократное повторение слов *мы, не спим* и других создает ощущение непрерывности тяжелого похода.

Сурков вырос на традициях Некрасова, своего любимого поэта, с единственной книгой которого он, крестьянский мальчик, отправился на заработки в большую жизнь. Некрасовские мотивы мы находим в стихотворении «Видно, выписал писарь мне

дальний билет»:

И от пулю невредим, и жарой не палим,
Прохожу я по кромке огня.
Видно, мать непомерным страданием своим
Откупила у смерти меня.

В стихотворении «Светлый солнечный день прошел стороной» слышится голос В. Маяковского:

Города вырастают — мои города.
И плоды созревают — мои плоды.
Поезда пробегают — мои поезда.
И следы на Эльбрусе — мои следы.

Но Сурков не перепевает ни Некрасова, ни Маяковского. Он, заимствуя их лучшие традиции, создает свою собственную манеру письма. Нельзя не отметить близость поэзии Суркова и к народной поэзии, например, в «Девичьей печальной» звучат следующие строки:

Рано-раненько, до зорьки, в ледоход,
Снаряжала я хорошего в поход.
На кисете, на добро, не на беду,
Алым шелком шила — вышила звезду.

В стихах Суркова много эпитетов, метафор, сравнений, олицетворений фольклорного характера, много пословиц и поговорок, но Сурков не только заимствовал их, он обогатил народную поэзию: многие его стихи стали народными песнями.

Наряду со стихами с ораторскими интонациями, которыми богата поэзия Суркова, у него имеются и интимно-лирические стихотворения, например, «Бьется в тесной печурке огонь», которое под названием «Землянка» пелось каждым солдатом, так как оно отражало его душевные думы и чаяния. Четко и скупо отобранные в этом стихотворении детали армейского быта: *холодная землянка, тесная печурка и огонек*, который то разгораясь, то замирая, бьется в ней. Но далее стены землянки как бы раздвигаются и перед нами вырастают необъятные просторы России, ее белоснежные поля. Таким образом, первый план — внутренность землянки — сменяется вторым планом — зимним пейзажем, снежными полями. Стихотворение очень полифонично, в нем слышится то вой зимней вьюги, то шелест придорожных кустов, то звуки гармоники, то тоскующий голос поэта. Одним из поэтических средств является антитеза, созданная словами, обозначающими пространственное понятие, *далеко* и подразумеваемым *близко*: «до смерти — четыре шага».

Ты сейчас далеко — далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Бьется в тесной печурке огонь

В стихотворении имеется и второе противопоставление: *холод землянки, холод белоснежных полей, холод вьюги и тепло негасимой любви*: «Мне в холодной землянке тепло От твоей негасимой любви».

Изобразительные средства Суркова, его эпитеты, метафоры, сравнения, как правило, традиционны. Крестьянский и солдатский быт — основной источник, откуда черпал свои изобразительные средства поэт. Например, в стихотворении «Двадцатилетним» изображается старый крестьянин, который стоит на выжженной безлюдной полосе, предвещающей голодный год: «Как надломленный подсолнух, он стоял... на раздорожье» и другие.

В стихотворении «Смерть минера Синицы» мы встречаем такие яркие сравнения, как: «В черном бушлате Входит Кронштадт В сырость октябрьской ночи». Иногда и эпитеты Суркова поражают своей оригинальностью: «Угрюмый пугачевский взгляд» мужика; «окопная тоска»; «злая, пустоглазая война».

Следует отметить и многолюдие поэзии Суркова: солдаты и матросы, рядовые и командиры, рабочие и крестьяне, мужчины и женщины, молодые и старые, дети и подростки — населяют его поэтический мир. В его стихах слышатся голоса России, представителей разных профессий, возрастов, социального положения, голоса индивидуализированные. Вот, например, речь сапера-плотника, костромича в стихотворении «Скворцы прилетели»:

— И людям мученье, и птицам не сладко
На этих пропащих дорогах войны.
Я так полагаю, что новую хатку
Саперы срубить погорельцам должны...

Синтаксис речи сапера очень прост, в нем встречаются параллельные синтаксические конструкции с соединительным союзом *и*: «И людям мученье, и птицам не сладко», просторечный эпитет: *пропащие дороги* и существительное *хатка*, и выражение *я так полагаю*.

По призыву сапера уставшие от похода и сражений воины немедленно приступили к делу: скворечники были срублены и развешены на обгорелых дубах. Саперы пошли дальше. Заканчивается это стихотворение так:

Мы снова появимся в местности здешней
И дружно под теплым весенним дождем
Посадим дубы и под новый скворечник
Венцы человечьей судьбы подведем.

Незатейливая речь плотника соседствует с публицистической речью автора, органически сливаясь с нею.

Голоса крестьян звучат в стихотворении «Эшелоны летят на Запад». Они обращены к израненному безногому солдату:— «Как

же, сынок, работáть без ног? Эка тебя обкарнали, сынок!» В этих строках типичны обращения. Например, обращение *сынок*, которое в крестьянском обиходе употребляется по отношению к каждому молодому человеку. Просторечье звучит и в проникновенной речи минера Синицы, обращенной к умирающему другу: «— Черненко, годок! Отдаешь якоря? Встаешь на прикол, братуха?», в которой встречаются и элементы морской профессиональной лексики и фразеологии: «отдаешь якоря», «встаешь на прикол, братуха». Слово *годок* — диалектизм, означающий одногодок, ровесник.

В поэзии Суркова, посвященной войне, часто употребляются слова военной команды: «В ружье!»; «Выравняй рысь! Повода подбери!».

Многие стихотворения поэта отличает ораторская интонация. Железной клятвой звучат его слова в стихотворении «Опять этот долгий, прерывистый вой...»:

Клянусь тебе жизнью, родная Москва,
За кровь на асфальте, за женщин в слезах,
За ужас в бессонных ребячьих глазах,
За взорванный бомбами детский уют,
За каждый кирпич, что они разобьют,
За каждый квартал, укутанный в дым,
Мы страшной расплатой врагу воздадим!

Сурков сумел воссоздать тревожные будни войны, неугасимую любовь бойцов к Родине и их лютую ненависть к врагу. В стихотворении «Дорогая моя! Неизменный мой друг!», написанном 9 мая 1945 года, поэт-воин, поэт-гражданин проникновенно воспел великую Победу советского народа:

Нашу светлую радость ни с кем не деля,
В День Победы пройдем по Москве.
Звезды нашей судьбы над громадой Кремля
Нынче снова зажглись в синеве.

Доцент
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ
Рисунок В. Комарова

СМЯГЧЕНИЕ СОГЛАСНЫХ ПЕРЕД СОГЛАСНЫМИ

Вопрос о смягчении согласных перед мягкими согласными очень сложен. Он подробно изложен в моей книге «Русское литературное произношение» (изд. 5-е. М., 1972). Здесь мы коснемся только таких случаев, когда мягкость согласной перед другой мягкой согласной обязательна или предпочтительна.

Многие согласные перед мягкими согласными могут смягчаться в зависимости от того, во-первых, какие это согласные и перед какими мягкими согласными они находятся, во-вторых, в какой части слова находится сочетание согласных: в пределах корня, в начале или середине слова, на стыке приставки и корня или, наконец, на стыке предлога и следующего слова. Чаще всего смягчение встречается внутри корня.

Смягчение зависит и от стилистической окраски слова: в словах обиходного, бытового характера оно встречается чаще, чем в словах книжных (в особенности в словах иноязычного происхождения).

В старом московском произношении смягчение согласных было более полным и последовательным, чем в современном состоянии языка. Сейчас во многих случаях смягчение необязательно, причем и то и другое произношение следует считать правильным. Сцена старается придерживаться старых норм произношения, а в быту, особенно в речи молодежи и среднего поколения, преобладает новое произношение с твердой согласной перед мягкой. Новое произношение особенно часто встречается в начале слова — в корневом сочетании согласных, а также на стыке приставки и корня или предлога и следующего слова. Например, в корневом сочетании начала слова в наше время чаще произно-

сят так: [тв'о]рдый, [дв'е]рь, [зв'е]рь, [сп'и]чка, [ст'е]пь. На стыке приставки и корня, а также предлога и следующего слова чаще слышим [вм']ёсте, [в-м']ёру, [ф-п']исать, [ф-п']ёнии, п[зв']есть. Старое произношение [в'м']ёсте, [д'в']ерь и т. д. не может считаться неправильным, однако сохраняется оно главным образом в речи старшего поколения.

Приставка-предлог *в* перед мягкими губными [в'] и [ф'] произносится мягко: [в'в']ерх, [в'в'ол], [в'в'иду], [в'-в']инё, [ф'-ф']ильме.

Зубные согласные [т] и [с] перед мягкой губной [в'] произносятся мягко, если находятся после ударной гласной [е]: [ч'ёт'в']ерть, [в'ёт'в'и], [л'ёз'в']ие. При твердости [т] и [з] предшествующая ударная гласная звучала бы открыто как [е], а не закрыто [ê], что нетерпимо для литературного произношения. В производных формах также предпочтительно мягкое произношение согласной [т]: ве[т'в']истый, ве[т'в']ёй. Предпочтительно произношение слова *разве* с мягкой [з] перед [в']: ра[з'в']е.

Согласные [с] и [з] перед мягкими зубными [т'], [д'], [с'], [з'], [н'], [л'] (не на стыке с приставкой и не в начале слова) произносятся мягко, например: го[с'т']и, ше[с'т'], пу[с'т']. Предпочтительно произношение слова *после* с мягкой [с] перед [л']: по[с'л']е.

Приставка и предлог *с-* перед [с'] произносится мягко: [с'с']елить, [с'-с']естрбй, [з'-з']имы.

Сочетания [дн], [тн], как известно, образуют единую артикуляцию с одним затвором в начале первой согласной и одним замыканием в конце второй. При переходе от [д] или [т] к [н] небная занавеска опускается и воздух проходит через нос. Эту объединенность артикуляции двух согласных обозначим дужкой (˘).

Так произносятся, например, слова ла[д˘н]о, по[т˘н]ый.

Слова *одни* и *дни* в разных своих формах также произносятся обычно с мягким затвором: о[д˘н']й, о[д˘н']их, [д˘н']ей, [д˘н']ам, а также на[д˘н']е (на днё).

Сочетание [д] или [т] с последующей мягкой [н] на стыке корня и суффикса произносится мягко. Например, вса[д˘н']ик, во[д˘н']ик.

На стыке корня с приставкой (при ударности приставки) предпочтительно мягкое произношение, например: по[д˘н']ъл. (нод-нял), о[т˘н']ъл (отнял). При безударности приставки возможно и «старое» и «новое» произношение: о[т'н'ёс], по[д'н'ёс] и о[тн'ёс], по[дн'ёс] (отнёс, поднёс).

На стыке предлога и следующего слова рассматриваемые сочетания обычно произносятся с твердым затвором: по[д-н']ízом, по[д-н']éбом.

Сочетания [тл], [дл] так же, как и сочетания [дн], [тн], образуют единую артикуляцию с одним затвором в начале первой согласной и одним размыканием в конце второй. Так произносятся, например, слова по[дл]ый, а[тл]ás. Если вторая согласная мягкая, то первая согласная в большей части случаев сохраняет твердый затвор (например, бо[дл']йвый, по[тл']йвый). Если рассматриваемое сочетание находится после ударного [е], то сочетание произносится с мягким затвором и закрытой гласной [ê], например, [п'ёт'л'и] (пéтли).

Сочетание согласной [н] с последующей [с'] или [з'], если оно находится после ударной гласной [е], должно произноситься мягко: [п'ер'м'], [ч'ёр'ф'], [ч'ёр'в'и] (Пермь, червь, чёрви). Отметим, что под ударением произносится закрытая гласная (ê).

Следует избегать произношения вé[тв']и, пé[тл']и, Пе[рм'] (с твердой первой согласной), хотя подобное произношение все чаще встречается не только в быту, но, что особенно грустно, и в речи дикторов Всесоюзного радио и телевидения.

В слове *борщ* предпочтительно мягкое произношение [р'] перед мягкой [ш':] [бор'ш':].

В заключение отметим, что звуки [ж] и [ш] всегда произносятся твердо, в том числе перед мягкими [д], [н], [л]. Вот несколько примеров: прé[жд']е, худó[жн']ик, здé[шн']ий, про-мь[шл']енный.

Часто встречающееся произношение этих сочетаний с мягкими [ж], [ш] следует считать неправильным.

Р. И. АВАНЕСОВ,
член-корреспондент АН СССР,
профессор Московского университета

полярный ТРАНС-атлантический океанский

В научной грамматике и в современной лексикографии словообразовательный элемент *транс-* квалифицируется неоднозначно: в грамматике он рассматривается как приставка, обладающая единственным значением (Грамматика современного русского литературного языка, 1970), а в словарях и энциклопедиях — как первая часть сложных слов, выступающая в трех значениях.

Поэтому представляется, что вопрос о грамматической природе этой значимой части слова требует более углубленного исследования.

Элемент *транс-* исторически представляет собой латинское причастие, образованное посредством суффикса *-ns* от древнего глагола *trare*, который в классической латыни встречается лишь в соединении с приставками, то есть имеет связанную основу: *in-trare* (входить), *per-trare* (проходить, проникать), *ex-trare* (выходить) (В. М. Линдсей. Краткая историческая грамматика латинского языка. М., 1948). Затем причастие *trans* перешло в предлог (как в русском языке предлоги *благодаря*, *спустя*, *включая*, *исключая* и т. п. восходят к древнерусским причастиям), который стал употребляться в сочетаниях с именами и глаголами и в составе производных от них образований наряду с другими предлогами преобразовался в приставку.

В русском языке слова с приставкой *транс-* появляются примерно во второй половине XIX века; это связанные с географическими понятиями имена прилагательные, где *транс-* обозначает «находящийся, расположенный за чем-л.». Так, в словаре А. Д. Михельсона «30 000 иностранных слов, вошедших в употребле-

ление в русский язык» (издание 1-е, М., 1866) засвидетельствованы слова *транзальпийский*, *транзатлантический*, *транспаданский* с толкованием «находящийся по ту сторону» (Альп, Атлантического океана, реки По).

В современном языке приставка *транс-* полностью вытеснена в этом значении приставкой *за-* (*заатлантический*, *заполярный*, *закавказский* и т. п.). Слова с *транс-* имеют оттенок динамичности, указывающий на передвижение через какое-либо пространство: *трансатлантический*, *трансполярный*, *транскавказский* и т. п. Сравните, например: *трансокеанский лайнер*, но *заокеанские* (а не *трансокеанские*) *земли*; *трансполярный перелет*, но *заполярная* (а не *трансполярная*) *тундра*, *трансальпийский переход* (Суворова, например), но *заальпийские* (а не *трансальпийские* страны) и т. п.

Лишь в небольшой группе топонимов довольно давнего происхождения можно обнаружить, причем только исторически, приставку *транс-* в первоначальном ее значении «расположенный за...», например: *Трансильвания* (историческая область в Румынии); слово образовано из латинских *trans* (за) и *silva* (лес), в переводе — *залесье*; *Трансвааль* (провинция в Южно-Африканской Республике), то есть расположенная за рекой Вааль; *Транспаданская республика* (зависимое от Франции государство, образованное в 1796 году); слово образовано от лат. *transpadānus* в переводе — находящийся за рекой Пад (По); *Транслейтания* (наименование территории Австро-Венгрии в 1867—1918 годах), то есть расположенная за рекой Лейта; *Трансиордания* — расположенная за рекой Иордан; ср. также *Трансгималаи* (толкования даются по «Краткому топонимическому словарю» В. А. Никонова, М., 1966; БСЭ, 1956, т. 43).

В современных же топонимических образованиях этого типа мы найдем лишь отмеченную уже приставку *за-* (при суффиксации предложно-падежных форм): *за Байкалом — Забайкалье*, *за Кавказом — Закавказье* и т. д.

Приставка *транс-*, утратив свое первоначальное значение (указание на расположение за чем-л.) в прилагательных, выражающих географические наименования, вновь обретает его в более узком кругу образований, связанных главным образом с химическими терминами, ср.: *трансурановые*, *трансплутониевые*, *транскюриевые элементы*. Как известно, *трансурановыми* называются элементы, которые в периодической системе элементов Д. И. Менделеева расположены *за ураном*; поэтому в справочной литературе встречаются параллельные обозначения: *трансурановый* и *заурановый* (В. И. Перельман. Краткий справочник химика. М.—Л., 1964). Следует отметить, что в данный круг входят

производные не только от прилагательных, но и от существительных: *трансураны*, *трансменделевий*.

Таким образом, в современном языке наиболее четко выделяются два словообразовательных типа с приставкой *транс-*.

Первый тип, более продуктивный, составляют прилагательные, у которых *транс-* обозначает передвижение через какое-либо пространство: *трансатлантический*. Они образованы от прилагательных, связанных с географическими понятиями.

Второй тип, менее продуктивный, образуют прилагательные и существительные, где *транс-* указывает на расположение, следование за чем-либо: *трансурановый*, *трансменделевий*. В качестве производящих здесь выступают имена прилагательные и существительные, обозначающие химические элементы.

В современной лексикографии приставка *транс-* толкуется в отмеченных двух значениях с добавлением третьего: «передача или обозначение через посредство чего-либо, например: *транслитерация*». В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» первое из приведенных выше значений иллюстрируется примерами: *трансарктический*, *трансатлантический*, *транскавказский*, *транспольный*, ко второму значению приводятся иллюстрации: *трансальпийский*, *трансурановый*.

Представляется, однако, неточным отнесение последних двух производных к одному и тому же типу, ибо прилагательное *трансальпийский* (оно рассматривается выше) принадлежит к тому же кругу понятий, что и прилагательные, иллюстрирующие первое значение. Например: *транскавказский экспресс* и *трансальпийский экспресс* — оба словосочетания в одинаковой мере показывают передвижение через какие-то пространства.

Весьма условно, видимо, и выделение третьего значения приставки *транс-*, так как этот тип исчерпывается одним лишь иллюстрируемым производным *транслитерация*, притом и в этом слове трудно выделить значимую часть *транс-* при отсутствии в русском языке слова *литерация*.

В этой связи обращает на себя внимание не совсем четкое толкование приставки *транс-* в «Словаре иностранных слов» (М., 1964), когда к значению «движение через какое-л. пространство» приводится пример *трансмиссия*, а к значению «находящийся за пределами чего-л.» — *трансатлантический*.

Как известно, слова типа *трансмиссия*, *транспозиция*, *трансформация* не воспринимаются нами как приставочные образования, так как в русском языке они по своему смысловому содержанию не соотносятся со словами *миссия*, *позиция*, *формация*, и в этом отношении ничем не отличаются от тех заимствований, где *транс-* вообще обнаруживается лишь исторически. Например:

транс (особое психическое состояние), из франц. *transe* от лат. *trans* + *eo* (перехожу, преступаю, нарушаю, превращаюсь); *транквилизатор* (лекарственное успокаивающее средство), из франц. *tranquillisant* (успокаивающий, успокоительный), от лат. *tranquillus* (*trans* + *quis*) — спокойный, тихий; *традиция*, от лат. *trado* (*trans* + *do*) передаю; *трафарет*, из итальянского *traforetto* от лат. *transforo* — прокалываю.

С. С. ПЛЯМОВАТАЯ

ПОМОЧЬ— ОКАЗАТЬ ПОМОЩЬ

В русском языке советской эпохи наблюдается активное образование и употребление, наряду с однокоренными глаголами, описательных глагольно-именных оборотов: *участвовать и принимать участие; предпочитать и отдавать предпочтение; запускать и осуществлять запуск; испытывать и подвергать испытаниям; рисковать и идти на риск* и т. п.

Описательные глагольно-именные обороты состоят из глагола с общим содержанием «делать, совершать, осуществлять, производить» и отглагольного существительного, которое наполняет общее глагольное значение определенным конкретным содержанием и является, таким образом, смысловым центром описательных выражений.

Образование новых лексических единиц и словесных конструкций вызвано прежде всего потребностями общения. Из этого следует, что в языке каждая форма имеет свой определенный смысл и коммуникативное назначение. Поэтому язык неизбежно освобождается от дублетных форм.

Описательные глагольно-именные обороты, как и простые глаголы, являются средством обозначения действия, процесса, состояния. Например: «Однако же именно эти гордые, эти прекрасные стихи *имели* наибольшую *власть* надо мной» (Субботин. Силуэты. Урок); «Нет... мне ли *властвовать* умами, всю жизнь на то *употребя?*» (Лермонтов. Безумец я! Вы правы, правы!); «В Чите они *делали остановку...*» (Коптяева. Чистые реки); «Паром *врезался* на берег и *остановился*» (Чехов. Святою ночью).

Выполняя номинативную функцию, описательные обороты появились в языке как результат поиска средств обозначения, поиска возможностей передать новые оттенки содержания.

Другой причиной, поддерживающей распространение описательных оборотов, является общее усиление аналитизма, свойственное всей системе русского языка советской эпохи [см.: коллективная монография «Аналитические конструкции в языках различных типов». М.—Л., 1965; Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1966].

Профессор Н. Н. Прокопович уже отметил характерный для таких глагольно-именных сочетаний «своеобразный аналитизм», который проявляется в том, что глагол выступает как носитель и выразитель формальных грамматических показателей, а существительное — как носитель и выразитель семантики сочетания, как его смысловое ядро (см.: Н. Н. Прокопович. Об устойчивых сочетаниях аналитической структуры в русском языке советской эпохи. «Вопросы синтаксиса русского языка». Сборник статей. М., 1974).

Широкое употребление подобных конструкций в речи вызвало оживленную дискуссию на страницах «Литературной газеты», в ходе которой определились противоположные точки зрения («Литературная газета», 13 сентября и 13 декабря 1972; 21 февраля и 18 апреля 1973, заметки под рубрикой «Язык и время»).

Согласно первой точке зрения описательные обороты в тексте — «словесные излишества», избавление от которых не только желательно, но и необходимо.

Содержание второй точки зрения раскрывается в обстоятельном анализе функциональных возможностей описательных оборотов, в результате чего автор приходит к выводу, что подобные конструкции имеют право на существование и, более того, в отдельных случаях их употребление необходимо (Г. Я. Солганик. Гнев — плохой советчик. «Литературная газета», 21 февраля).

Обе точки зрения находят своих сторонников. На наш взгляд, вопрос в том, насколько уместно употребление таких оборотов в речи, в каких именно стилях речи, что способствует активизации их употребления и т. п., то есть необходимо решить определенный круг вопросов, связанных с культурой речи.

Активное образование глагольно-именных сочетаний в русском языке послереволюционной эпохи было подготовлено предшествующим развитием языковой системы.

Появление таких конструкций в языке академик В. В. Виноградов связывал с процессом формирования системы стилей русской научной и публицистической речи. В официально-деловой, научной, публицистической и газетной речи было очень существенно стереть или затухевать оттенок индивидуализирующей, нередко фамильярной конкретно-бытовой изобразительности и

выразительности действия, свойственной простой форме того или иного глагола.

Описательные обороты отчасти шли от церковно-славянской традиции (*нанести вину* в значении *обвинить*), отчасти являлись кальками западноевропейских сочетаний (*делать впечатление; дать аудиенцию; иметь успех*). То есть описательные глагольно-именные обороты появились и развивались в языке как средство стилистической дифференциации при обозначении действия, процесса, состояния. Это составило своеобразие их функционирования и позволило отнести к активному запасу изобразительных средств научной и публицистической речи. Описательные обороты до сих пор носят стилистический оттенок книжности. Сравните употребление описательных оборотов и соотносительных глаголов в стилистическом плане: «Спрос на чугун падал, заводы *испытывали* финансовые *затруднения*...» (Павлов. Воспоминания металлурга); «Автор чрезвычайно *затрудняется*, как назвать ему обеих дам таким образом, чтобы они не рассердились на него...» (Гоголь. Мертвые души).

Именно потому, что описательные глагольно-именные обороты носят книжный характер, в обиходно-разговорной речи стилистически уместно употребление однокоренных глаголов. Не «вход осуществляется через калитку», а просто «входят в калитку».

В определенном контексте именно стилистический план исключает варьирование описательного оборота и соотносительного глагола, например: «„Луноход-2“ был доставлен на лунную поверхность 16 января 1973 года автоматической станцией „Луна-21“, которая *совершила посадку* на восточной окраине моря Ясности...» («Правда», 17 января 1973). В этом контексте использование глагола («Луна-21» *села* на восточной окраине моря Ясности) рассматривалось бы как нарушение стилистических норм.

Употребление описательных оборотов в бытовых контекстах объясняется как раз определенной целевой установкой, становится средством создания комического плана: «Разделавшись с каблуком, он *произвел смотр* остальной обуви, сваленной в кучу возле печки...» (Нагибин. Далекое и близкое); «Тогда он разобрал, что *шум* этот *производит* плещущая вода» (Ильф и Петров. Двенадцать стульев). Таким образом, описательные глагольно-именные обороты составляют стилистически окрашенную группу средств обозначения действия, состояния, процесса. Стилистическая окрашенность описательных глагольно-именных оборотов обусловила и границы их употребления. Описательные обороты предпочитают соотносительным глаголам, например: в газетно-публицистическом стиле (преимущественно в передовых и редакционных статьях, информационных заметках и сообщениях

ТАСС): «Служащие этой компании уже несколько лет *ведут борьбу* за то, чтобы хозяева признали их профсоюз и улучшили условия их труда» («Комсомольская правда», 29 декабря 1973); «Делегация посетила Тюмень и Ульяновск, *имела встречи и беседы* в партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организациях...» («Правда», 12 августа 1973); в профессионально-производственном и официально-канцелярском стилях: «Чтобы подготовить комнату под окраску, штукатур должен прибить к деревянным перегородкам дрань... сделать карнизы, *провести окончательную затирку поверхности...*» (Севастьянов. Скоростным методом); «...мы пришли к выводу, что ежегодно под каждую высеваемую культуру глубоко пахать почву нельзя, а нужно лишь *проводить* мелкое поверхностное *лушение*» (Мальцев. О методах обработки почвы и посева...).

В языке технической литературы отглагольные существительные имеют характер терминов: описательный оборот в целом представляет название конкретного производственного процесса, действия, операции. Например: «Здесь-то и *ведется* предварительная сборка котла, турбины и генератора» («Правда», 19 августа 1973); «Пять лет подряд каждое утро эта женщина идет к реке, *берет пробу* ангарской воды» (Песков. Шаги по росе).

Постепенно расширяется сфера употребления описательных глагольно-именных оборотов. Описательные конструкции проникают в язык художественной литературы, в устную официальную речь (доклады, публичные выступления и т. п.). Но и в этих случаях описательные обороты сохраняют свою стилистическую марку и придают языку произведений художественной литературы некоторый оттенок официальности, книжности: «Но он не уходил домой, потому что начальник хотел *провести разбор* операции и всем велел остаться» (Нилин. Жестокость); «Посадите пока...— *дал распоряжение* Яшка, глядя поверх Ильи. — Я скоро вернусь... *разберемся*» (Панфёров. Бруски).

Следует заметить, что расчлененное обозначение действия с помощью описательных оборотов открывает большие возможности для распространения, уточнения и конкретизации глагольных значений. Еще Ф. И. Буслаев определил семантическую особенность употребления описательных глагольно-именных оборотов: «В таких выражениях, разлагающих название действия на глагол и имя, оказывается возможным определять самый предмет: думать глубокую думу (но «*глубоко думать*» не говорится), держать умную речь (вместо «*умно говорить*»), вести разговор самый жаркий и т. п.» (см.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка).

Аналитические образования могут свободно включать в структуру для приглагольного существительного определение, которое

сообщает дополнительную характеристику или дает качественную оценку действию, обозначаемому описательным оборотом. Например: «...и они *устраивали* дотошный *допрос* с пристрастием» (Попов. Разорванный круг).

Именной член описательного оборота распространяется не только прилагательными (*устраивали дотошный допрос*), но и причастиями, местоимениями, порядковыми числительными, количественными числительными, которые вместе с именным членом образуют синтаксически неразложимое сочетание (внес несколько предложений), группой слов, которые поясняют приглагольный член (передать сообщение о запуске как самую важную новость дня), причастным оборотом (принял решения, направленные на упрочение мира).

Как видно из приведенного, способы выражения описательными оборотами качественной характеристики действия разнообразнее по сравнению с параллельными глагольными конструкциями.

Существительное и однокоренной глагол семантически соотносительны, но не эквивалентны: описательный оборот уточняет многозначность соотносительного глагола, обозначая действие более конкретно в соответствии с речевой ситуацией. Так, в предложении «Воспользовался тем, что рабочий Удальцов, недавно на него всенародно накричавший, *сделал прогул*» (Попов. Разорванный круг) правомерно использован описательный оборот. Это позволило избежать смысловых неточностей, которые не исключены при употреблении в данном контексте однокоренного многозначного глагола *прогулять*. Сопоставьте возможные употребления описательного оборота *сделать прогул* в зависимости от конкретного значения имени существительного *прогул*: 1) неявка на работу без уважительной причины; 2) вообще неявка на работу — и соотносительного глагола *прогулять*, который имеет шесть значений: 1) пробыть на прогулке какое-то определенное время; 2) лишиться чего-нибудь, пропустить что-нибудь, находясь на прогулке; 3) не явиться, не выйти на работу, сделав прогул; 4) пробыть в бодрствующем состоянии некоторое время (о детях, разговорное); 5) пропить, промотать (просторечное); 6) провести какое-то определенное время в развлечениях, пьянстве (просторечное).

Описательный оборот, как видно из сравнения, однозначен. Глагол имеет шесть значений, причем, только в одном он совпадает со значением описательного оборота. Поэтому (чтобы избежать двусмысленности, неточности в передаче информации, при наличии у глагола и описательного оборота общего значения) семантически оправдано употребление последнего.

Описательные глагольно-именные обороты в языке представляют стилистически окрашенную группу конструкций аналитического

характера, которые, наряду с глаголами, служат для обозначения действия, процесса, состояния, возмещают для некоторых понятий отсутствие прямых форм обозначения и отдельных грамматических форм для простых глагольных образований.

Описательные глагольно-именные обороты носят книжный характер. Именно поэтому они входят в активный запас словаря официально-канцелярской и научно-технической речи.

Употребление описательных глагольно-именных оборотов в других стилях речи должно быть обусловлено прежде всего их целесообразностью и должно происходить на основе строгого учета семантико-стилистических особенностей всего текста.

Л. Н. КАСЬЯНОВА

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● КОСМОНАВТ И АСТРОНАВТ

В. А. Тищенко из Ставрополя пишет: «Все чаще в печати встречаются выражения *астронавты США и космонавты СССР*. Пожалуйста, расскажите о различиях и сходствах в этих новых словах».

Название *космонавт* получило широкое употребление в языке прессы в 60-х годах — в период начавшегося в нашей стране бурного развития космонавтики и первых полетов в космос. По морфологической структуре оно представляет собой образование, созданное на основе интернациональных элементов (от греческих слов *kosmos* 'вселенная' и *nautes* 'мореплаватель', по типу существующих *аргонавт, аэронавт, стратонавт*). Слово *космонавт* утверждается как название лиц, поднимающихся в космос и занимающихся его изучением. Именно с этим значением слово *космонавт* включается в «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (см. изд. 8-е, 1973). Вот пример его употребления: «Космическая медицина должна создать методы подготовки космонавтов,

способы контроля за их здоровьем и систему профилактических мероприятий, которые обеспечивали бы высокую надежность человека, длительно пребывающего на орбите» («Правда», 11 июля 1971).

Название *астронавт* — слово того же словообразовательного ряда (от греч. *astron* 'созвездие, звезда' с совпадающей второй частью), выступает с тем же значением, что и *космонавт*, — называет лиц, совершающих полеты в космическое пространство и исследующих его. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова фиксирует совпадение значений у слов *космонавт* и *астронавт*; «Словарь синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (Л., 1971) эти слова дает в одном синонимическом ряду.

Оба названия различаются лишь «географией» своего распространения. Термин *космонавт* принят в нашей стране как наименование испытателей космоса; термин же *астронавт* (англ. *astronaut*) получил признание и распространение в США и некоторых других странах. Энциклопедический словарь по космонавтике так и определяет слово

астронавт: «термин, используемый в ряде стран вместо термина *космонавт*» («Маленькая энциклопедия. Космонавтика». Изд. 2. М., 1970).

В современной языковой практике *астронавт* встречается в текстах, содержащих сообщения об американских исследователях космоса: «Врачи после первого осмотра экипажа „Аполлон-7“ заявили, что все астронавты чувствуют себя нормально» («Известия», 23 октября 1968); «Первая встреча советских космонавтов и американских астронавтов состоялась несколько месяцев назад в Хьюстоне» («Правда», 20 ноября 1973); «Американский космический корабль „Аполлон“ с астронавтами Т. Стаффордом, В. Брандом и Д. Слейтоном на борту продолжает полет» («Правда», 18 июля 1975).

Но и в текстах подобного характера более распространённым оказывается употребление термина *космонавт*: «В течение всего времени пребывания космонавтов на Луне велась телевизионная передача на Землю» («Вечерняя Москва», 21 июля 1969); «Мужественные американские космонавты в итоге доставили на Землю первые образцы лунной почвы» («Правда», 23 сентября 1970); «Завершился первый рабочий день в космосе экипажа корабля „Аполлон“. У американских космонавтов начался восьмичасовой период отдыха» («Правда», 17 июля 1975).

Небезынтересно отметить, что в информативных сообщениях о совместной стыковке советского корабля „Союз-19“ и американского „Аполлон“, когда речь идет об экипажах того и другого корабля, советские и американские исследователи космоса называются

космонавтами: «Приветствие товарища Л. И. Брежнева экипажам кораблей „Союз-19“ и „Аполлон“ космонавтам Алексею Леонову, Валерию Кубасову, Томасу Стаффорду, Венсу Бранду, Дональду Слейтону» («Правда», 18 июля 1975); «Находясь на борту „Союза-19“, советские и американские космонавты обменялись государственными флагами СССР и США» («Правда», 19 июля 1975); «В течение полета советские и американские космонавты проявили отличное взаимодействие, задания выполнялись согласованно и четко, в подлинно дружеской атмосфере» («Правда», 22 июля 1975).

Таким образом, материал современного словоупотребления позволяет утверждать, что слово *космонавт* выступает в двух значениях — более общем, широком, как бы родовом, обозначая вообще исследователей космоса, и более узком, видовом по отношению к первому значению, обозначая только советских исследователей космоса. *Астронавт* в русском языке выступает только во втором значении — называет лишь американских исследователей космоса. Первое, родовое значение термина *космонавт* делает возможным употребление его для называния исследователей космоса всех стран, в том числе и американских, то есть *астронавтов*.

Условно семантические взаимоотношения между рассмотренными словами могут быть изображены следующим образом:

Г. И. Миськевич

ЭКОНОМИЯ И ИЗБЫТОЧНОСТЬ В ЯЗЫКЕ

В одной из публикаций поэт Вс. Рождественский («Литературная газета», 13 октября 1971) предложил свой «золотой закон стилистики», основанный «на правиле из учебника геометрии: для доказательства равенства АВ и СД необходимо и достаточно...». Силу поэтических строк «Светить и никаких гвоздей! Вот лозунг мой и солнца» — Рождественский видит в «предельной сжатости и точности, в том, что каждое слово стоит на своем месте, а все они в своей взаимосвязи с исчерпывающей, я бы сказал, математической полнотой доносят до сознания мысль, именно мысль автора».

Что можно возразить против сжатости, точности, против того, чтобы каждое слово стояло на своем месте? Это аксиома стилистики. Но причем здесь «математическая полнота»? Язык слов и язык условных знаков и цифр различны. У каждого своя точность, своя специфика. Фридрих Энгельс в своей книге «Анти-Дюринг» приводит издавна известный способ деления всей области человеческих познаний на три больших раздела:

Наука о неживой природе. Здесь могут быть достигнуты конечные, не вызывающие сомнений результаты: $2 \times 2 = 4$. Именно поэтому эти науки названы точными.

Наука о живой природе. Сам объект изменчив, но все же количество видов в животном мире со времен Аристотеля до наших дней в общем изменилось мало.

Наука об обществе. Стоит ли говорить о том, как изменилась жизнь человеческого общества со времен Аристотеля? (см.: Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1948).

Следовательно, можем ли мы не учитывать объект исследования и так легко приносить требования математической точности в язык, в словесное выражение мыслей и чувств? Еще в XVI веке математику пытались соединить с поэзией — «поверить алгеброй гармонию». Так, по предложению Флорентийской академии великий Галилей исследовал «Божественную комедию» Данте (G. Galilei. *L'opera*, Firenze, 1933). Но словесное искусство, своеобразие языка требуют своеобразия методов изучения. Количественный показатель не раскрывает значения. У каждой человеческой особи — лицо и два глаза, и два уха, и один нос, и один рот... Но одно лицо Александра Македонского, другое — Александра Пушкина, а третье — Александра I, «кочующего деспота»... Все ли можно «поверить алгеброй», математикой, не стереж «лица необщее выражение»? «Мы переживаем сейчас в теории увлечение нахождением сходного», — такое наблюдение записал Виктор Шкловский в своей книге «Тетива. О несходстве сходного» (М., 1970). Уже в самом заглавии автор подчеркивает важность дифференциации сходных явлений.

«Алгебра, отойди от гармонии» — афоризм, родившийся в спорах лириков и физиков. Тревожные пушкинские строки о Сальери: «...Звуки умертвив, //Музыку я разъял, как труп. Поверил// Я алгеброй гармонию...» (А. С. Пушкин. *Моцарт и Сальери*) нашли современную интерпретацию, стали, пожалуй, лейтмотивом дискуссий о языке, поэтике, эстетике... И не становятся ли позиции Сальери математизированно укрепленными? Неужели наука знает лишь математическую точность? Не определяет ли специфика разных областей человеческих знаний в каждом случае свою специфическую точность?

Точность слова заключена не в $AB=CD$. Что такое отвлеченное, условное АВ или СД: яблоки, карандаши, люди? Точность языковая не отвлечена от реальной действительности, это сама действительность во всей ее конкретности или обобщенности. Разве не точно? не предельно сжато? не кратко? и не все на своих местах в «формуле»: Аня+Саша=любовь? И как избыточно и многословно признание Александра Пушкина Анне Керн:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

А. С. Пушкин. К *** (Керн)

Краткая «формула» — пошлость, а «избыточные» строки — бессмертны.

*

В последнее время принято считать языковую экономию характерной чертой современного языкового состояния. Между тем человеческий язык весь в избыточности, экспрессивно-эмоциональных, ситуативно-стилевых оттенках. Раскроем роман Сергея Залыгина «Южно-американский вариант» («Наш современник», 1973, № 3) и посмотрим, какой речью наделяет писатель своего малосимпатичного героя Мансурова-Курильского: «...ни единого лишнего слова, отсутствие всяких интонаций и даже, кажется, знаков препинания в фразах: «Я — пошел», «Обедать — когда?», «Телефон — звонили».

«Экономный, предельно сжатый» язык Мансурова-Курильского служит, однако, средством отрицательной характеристики и самого героя, и тех нескладных отношений, которые постепенно утвердились между Мансуровым-Курильским и его женой Ириной Викторовной.

Интересно, как писатель демонстрирует перед читателем «экономную» речевую манеру Мансурова-Курильского, как разворачивает речевой портрет. Газетный текст — сообщение, обычно не страдающее многословием, — в устах Мансурова-Курильского претерпевает такую «конденсацию»: «...он, завтракая, читал газету. Читает обычно тоже не только для себя, он при этом окружающим — жене и матери — передает краткую информацию: «Еще три самолета. Сбили. Во Вьетнаме». «Громыко — речь». «Европейская безопасность». «Наши выиграли. У испанцев. Футбол». «Катастрофа. Больше ста человек. Железная дорога. Япония». Такая конспективность сообщений утомительна и не может не раздражать слушателей даже при условии определенной осведомленности, достаточной для расшифровки усеченных фраз Мансурова-Курильского.

Упрощение языка несколько напоминает стандартизацию в области промышленности. «Легко понять, что такое упрощение не обходится без серьезных потерь для выражения оттенков индивидуальной мысли... стесняет эмоциональные движения» (Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955).

Тенденция к экономии звуков, букв, морфем, слов просматривается на разных языковых уровнях, но досадно, когда забывается противоборствующая тенденция избыточности, способности сохранять исторически сложившееся разнообразие форм — и все сводится только к экономии. Иногда такое модное увлечение приводит к абсурдным решениям, которые преподносятся школьникам как истинные. Так, дети одной из литовских школ чаще говорят *мандарин*, *апельсин*, а не *мандаринов*, *апельсинов* (родительный падеж множественного числа). Стоит ли здесь искать «стремление к экономии языковых средств», как полагает автор статьи «Из наблюдений над речью учащихся» Т. П. Колбасова («Русская речь», 1974, № 1, стр. 121)? А может быть, здесь действует аналогия с наиболее распространенным типом формообразования: *яблоко* — *яблок*? *слива* — *слив*? Тем более, что двумя строками ниже автор статьи указывает на противоположное явление — стремление сохранить окончание *-ов*: *киргизов*, *осетинов*, *таджиков*. Напрашивается ответ: вероятно, по аналогии с хорошо известными словами образуются ошибочные в данном случае формы родительного падежа множественного числа *мандарин*, *апельсин* и по аналогии с правильной формой — *литовцев*, *эстонцев*, *белорусов*, *поляков*, *таджиков*, *киргизов* — образуется неправильная — *осетинов*, вместо *осетин*... Неумеренное же увлечение «экономией» не раскрывает источника ошибок, не устраняет его и даже в какой-то степени оправдывает ошибки.

Нулевое окончание и окончание на *-ов* в родительном падеже множественного числа отражают сложный путь формирования современных типов склонения. В древнерусском языке разные группы склонения имен существительных различались по типам основ. Разные типы основ были связаны с разными лексико-семантическими группами. В каждой группе были свои подгруппы. Конец основы в каждом слове был различительным, как бы родовым словообразовательным суффиксом (смотрите об этом: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953; П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1953). Варианты падежных окончаний имен существительных, принадлежащих к разным типам склонения, сохранились в современном русском языке в

пределах одного типа склонений. Действие аналогии, разноречия и ошибки в речи — это все свидетельства взаимодействия истории и живого современного развития нашего языка.

ЭКОНОМИЯ И РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

Экономия речевых усилий воспринимается как особая стилистическая характеристика индивидуальной речи Мансурова-Курильского. Однако такая же экономия речевых усилий прослеживается и как общезыковое явление. Сравните:

— Можно, пожалуйста, Гаврикову Машу? — попросил вежливый, почти мужской голос. Машка могла бы побойться, что не знала никого с таким вежливым голосом.

— Я слушаю.

— Машка, — сказала в трубке и вздохнуло с облегчением (конечно, Колé нелегко было выговорить ту длинную вежливую фразу)... (Зверев. Второе апреля).

Итак, вежливость требует слов, казалось бы, избыточных, ненужных с точки зрения обиходного, фамиллярно-небрежного просторечия. Коля (Коля) и Маша (Машка) — школьники, между собой они изъясняются на полужаргоне, отмечая все, что относится к этикету, что способно выражать разные оттенки речи и «всякие тонкости». Между школьниками как бы принят «по договору» «антивежливый жаргон»: «Колé нелегко было выговорить ту длинную вежливую фразу». Так устанавливается определенная стилизованная «экономия» языковых средств. Между тем, с позиции теории языковой экономии можно оправдать не только школьный жаргон, но и вообще нарушение норм речевого этикета. Вот представьте: эпизод у кассы кинотеатра. Молодой человек подает кассиру деньги и «бросает», «рубит» слова: «Два билета, восемь тридцать, получше там!». Кассир молча протягивает билеты и сдачу. А теперь сравните: «— Пожалуйста, два билета, на восемь тридцать, если можно, получше». Кассир вручает билеты и сдачу: «— Пожалуйста», «— Спасибо».

Однако именно такой диалог, отвечающий всем требованиям нормы и этикета, может показаться «избыточным» или даже вызвать осуждение. В повести Ю. Крелина «Хирург» («Новый мир», 1974, № 5) запечатлена такая бытовая сцена:

Мишкин улыбнулся, подошел к стойке и обратился к буфетчице:

— Будьте добры, дайте, пожалуйста, два пирожка с мясом и, если не трудно, два стакана рислинга.

Сзади раздался тихий и, наверное, пьяный голос:

— Сло́ва в простоте не скажут: пожалуйста, будьте добры, если не трудно — обнаглели совсем.

Мишкин обернулся. За столиком сидели два парня и тоже пили вино.

Между тем, «речевой этикет» выполняет важную функцию в общении: «помогает установить контакт с собеседником. Для того, чтобы обратиться к собеседнику, начать и закончить разговор, а также поддерживать его ведение, необходимо знание речевого этикета» (Н. И. Формановская. Изучение русского речевого этикета. — «Русский язык за рубежом», 1974, № 3).

Можно ли назвать равноценными фразы «два билета, восемь тридцать, получше там» и «пожалуйста, два билета...»? С абсолютной точностью они характеризуют говорящих: человека, считающего вежливое обращение избыточным, и человека, для которого эта «избыточность» — необходимый элемент в общении, как проявление уважения к собеседнику.

КОРОТКО, ДЛИННО ЛИ?

Мера точности зависит не только от того, как сказано (*коротко* или *длинно*), но и от *выбора слова* и его соответствия мысли и чувству. Сравним два текста. Первый текст — профессиональный разговор:

— Бомбардировщика мне сегодня дадут?

— Нет, бомбардировщик еще не пришел. Получишь итальянца...

— Ладно, давай черепаху и доктора в придачу.

— Эй, парень, ты самозванца проработал?..

— Битком.

— ... А короля ты пускал?

— Так его же нахлебником заменили!

Так киномеханики изъясняются с работниками районной кинотеати и между собой...» («Неделя», 1971, № 50).

Речь идет о фильмах: «Хроника пикирующего бомбардировщика», «Итальянец в Америке», «Внимание, черепа-

ха!», «Эксперимент доктора Абета», «Самозванец с гитарой», «Король Лир», «Нахлебник». Для непосвященного эта краткая профессионально-жаргонная речь сливается в поток несочетаемых слов и курьезных ситуаций. Но и для посвященных такая «адаптированная» информация может быть точной и исчерпывающей в пределах очень узкого специфического круга вопросов.

Второй текст тоже профессионален:

Казеннов ушел к себе и через час принес формулировку основного пункта повестки предстоящего заседания Ученого совета. Она звучала так: К вопросу о возможной эффективности отдельных параметров сборности в перспективе применения железобетонных конструкций в промышленном строительстве с учетом суммарных затрат их составляющих, а также коэффициентов принятых капитальных вложений...

— Как, как?

— Значит, правильно,— довольно подумал Казеннов,— сам докладчик с ходу ухватить не может.

Ученый секретарь снисходительно поглядел на руководителя сектором, не оценившего логичной и отточенной формулировки вопроса, и повторил ее.

— Это на каком же языке?— прищурившись, спросил Жебелев.

— Обычный научный язык,— улыбнулся Казеннов,— К вопросу... Можно, конечно, написать и точнее,— продолжал Казеннов,— Скажем: «Некоторые аспекты подхода к вопросу»...

— Не надо точнее,— остановил Жебелев ученого секретаря.

— Я тоже так считаю. Я сторонник простых и понятных выражений... (Барышев. Кривая роста).

Итак, ни краткость, ни многословие не определяет еще само по себе ни ясности, ни точности, ни полноты изложения в любом стиле речи. Пародируя «научный стиль» некоторых ученых работ, насыщенных терминологией («сам докладчик с ходу ухватить не может»), автор раскрывает велеречивость и темную загадочность (даже для посвященных!), казалось бы, однозначного — и тем самым точного и простого — терминологического языка... Как видим, нет одного универсального способа наилучшего выражения наших мыслей и чувств — или экономно, или избыточно. Лучше то, что ситуативно и функционально оправданно.

А. А. БРАГИНА

КРАСНЫЙ, КАК КРОВЬ...

Сравнение предметов по цветовому признаку нередко выражается конструкцией типа *закат, красный, как кровь*. В этой конструкции цвет обозначен именем прилагательным, идея сравнения выражается союзом *как* (реже союзами *словно, будто, точно*), а сравниваемые предметы (субъект и объект сравнения) обозначаются именами существительными.

Прилагательные, употребляемые в сравнительных конструкциях,— обычно качественные, в прямом значении цвета: *красный, белый, черный, зеленый, желтый, синий, коричневый* и т. д. Реже используются прилагательные, обозначающие цвет в его интенсивности, насыщенности, яркости,— это или простые прилагательные: *алый, багровый, пунцовый, рдяный*, или сложные прилагательные типа: *ярко-красный, темно-красный, густо-красный, светло-красный*. Еще реже встречаются в подобном употреблении прилагательные с переносным значением цвета: *кровавый, огненный, рубиновый, малиновый, снежный, молочный, угольный, дегтярный; кроваво-красный, огненно-красный, малиново-красный, снежно-белый, молочно-белый, угольно-черный, дегтярно-черный*.

Любые ли существительные могут входить в состав рассматриваемой конструкции? Группа существительных, являющихся названиями субъектов сравнения (предметов, которые сравниваются), лексически не ограничена: здесь может быть любое существительное, называющее предмет, который имеет определенную окраску, сходную с окраской другого предмета. Группа же существительных, выступающих как названия объектов сравнения (предметов, с которыми проводится сопоставление), определенным образом ограничена. В качестве объекта сравнения обычно избирается общеизвестный или широко известный предмет,

цвет которого является его специфическим, нередко постоянным признаком. При сравнении по цвету *красный* отмечены такие объекты: кровь, огонь, пламя, пожар, зарево, мак, пион, кумач, кирпич, медь, коралл, рубин, гранат, вишня, малина, брусника, рябина, клюква, свекла (бурак), перец, помидор (томат), мясо, говядина, яблоко, солнце. При прилагательных *белый* и *черный* отмечены следующие существительные — названия объектов сравнения: *белый*, как снег, иней, изморозь, сахар, соль, мука, мел, известь, гипс, мрамор, полотно, бумага, стена, пена, кипень, вата, молоко, сметана, сливки, творог, лебедь, гусь, парус; *черный*, как сажа, деготь, смола, уголь, антрацит, агат, ночь, жук, паук, ворон, таракан, грач, сом, чернила, головня, прах, чернозем, вакса, чугун, омут, смородина, маслина, черемуха, арап, негр, цыган.

Если одного существительного бывает недостаточно для обозначения объекта сравнения (или требуется его уточненное обозначение), то в качестве компонента сравнительной конструкции может выступать целое сочетание слов: *красный*, как *раскаленный уголь*, *осенние листья*, *гусиные лапы*, *переспелая малина*, *спелая брусника*, *очень спелый томат*, *свежеобожженный кирпич*, *стручковый перец*, *заходящее солнце*, *вареный рак*; *белый*, как *снежное облако*, *цветок ромашки*, *слоновая кость*, *яичная скорлупа*, *лебединое перо*, *пшеничный хлеб*, *первый снег*, *березовый дым*; *черный*, как *ночное небо*, *обугленный пенёк*, *вороново крыло*, *мартовская ночь*, *каменный уголь*, *закопченная самоварная труба*.

Некоторые предметы в их естественном, природном состоянии имеют один постоянный цветовой признак: снег, молоко, сметана, творог, сахар, соль, мел, известь — носители только белого цвета, а кровь, огонь — красного. Другие предметы реального мира строго определенной окраской не обладают или могут иметь в разное время и в разных условиях различную окраску. Именно поэтому названия одних объектов сравнения встречаются только при определенных названиях цвета: *кровь, огонь, зарево, пожар* — только при прилагательном *красный*; *снег, молоко, сметана, творог, соль, мел, сахар* — *белый*; *сажа, вброн, грач, деготь, чугун* — *черный*. Другие объекты сравнения возможны при названиях разных цветов: *красный*, как *медь*, и *желтый*, как *медь*; *красный*, как *морковь*, и *желтый*, как *морковь*; *красный*, как *вишня*, и *черный*, как *вишня*; *белый*, как *слоновая кость*, и *желтый*, как *слоновая кость*; *белый*, как *глина*, и *рыжий*, как *глина*.

Какой именно будет выбран говорящим или пишущим конкретный объект для сравнения — определяется целым рядом факторов и, прежде всего, назначением сравнения. Сравнение может быть использовано только для уточнения цветового признака предмета. Ведь в материальном мире каждый цвет имеет исключительное

множество тонов и оттенков, различна и степень яркости, насыщенности основного цвета. Уточнить цветовой признак одного предмета можно путем сравнения с цветом другого предмета, заведомо известного всем или многим, знакомого, виденного: «Сейчас он (мыльный пузырь) золоченый,— сказала Рахиль.— А только что он был красный, как пожар» (Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий); «Лицо у немца было белое, как мел,— или после ранения, или ото всего, что только что видел» (К. Симонов. Последнее лето). В приведенных случаях учитывается связь между предметами исключительно по одному общему признаку — цвету.

Однако далеко не всегда выбор объекта сравнения определяется только близостью цветовой характеристики, и далеко не всегда предмет можно сравнивать с другим на основе сходства только по одному общему признаку. Например, теоретически возможное сравнение *белое, как молоко, платье* практически избегается. Это сравнение построено на одном сближающем признаке. Если же при выборе объекта сравнения учитывается его сходство с субъектом сравнения по ряду признаков, то такое сравнение оказывается более образным, более ярким, более «зримым». Например, темные глаза очень часто сравниваются со спелыми плодами: *глаза черные, как маслины (как вишни, ягоды смородины, черемухи)*. В этих сравнениях учитывается, кроме сходства по цвету, сходство в форме (округлость), в размере, учитывается в какой-то мере и блеск.

Светлые волосы издавна сравнивались на Руси со льном: *волосы, косы, борода, брови, голова белые, как лен*, поскольку сравниваемые предметы обнаруживают сходство по свету, по форме и по ряду других признаков (мягкость, шелковистость). Со снегом обычно сравниваются белая ткань и изделия из нее: *полотно, простыня, салфетка, платок, косынка, фартук, платье, кофта, юбка белые, как снег* — здесь принимаются во внимание, кроме цвета, и другие сближающие признаки: плоскостность, протяженность, ослепительность белизны, исключительная чистота.

Такие «текущие» предметы (как вода, ручей, река, море, кровь, сок, наливка, вино, чай, расплавленный металл и другие) обычно сравниваются с соответствующими объектами сравнения: «Придя в земскую, он сел к столу и налил черного, как деготь, чаю» (Шишков. Краля); «... цепная собака Тулун лежит на снегу, в крови... кровь казалась черной, как смола» (Горький. Дело Артамоновых); «Полыхало пламя вагранок, белый, как молоко, металл, искрясь, лился из... ковша...» (Николаева. Битва в пути); «Белая, как сметана, сталь... устремилась по желобу в огромный стальной ковш...» (Б. Полевой. Вернулся). Именно поэтому сравнительный

оборот *красный, как кровь* очень часто оказывается соотнесенным с названиями определенных субъектов сравнения: «... вода стала в калюшке красная, как кровь» (Куприн. Конокрады); «Дедушка и Сергей поочередно макали в соль спелые помидоры, из которых тек по их губам и рукам красный, как кровь, сок...» (Куприн. Белый пудель).

Следовательно, если сравнение используется не только как средство уточнения признака, но и как средство художественной изобразительности, оказываются очень важными многосторонние связи между субъектом и объектом сравнения.

Надо сказать, что «цветовое» сравнение может выражать авторское отношение к субъекту, и в этом случае также далеко не безразлично, что и с чем сравнивается. Отмечено, что сравнение лица человека, его глаз, щек, носа, шеи, ушей по цвету с такими предметами, как: свекла, морковь, помидор, клюква, кирпич — используется как одно из средств выражения неодобрительного отношения рассказчика к литературному герою: «... Сувенир, который с самого начала завтрака пил безостановочно, внезапно поднялся, весь красный, как бурак, со стула и, указывая пальцем на Мартына Петровича, залился своим дряблым, дрянным смехом. — Великодушный! Великодушный! — затрещал он...» (Тургенев. Степной король Лир); «В Гамбринус однажды влетел помощник пристава, толстый, маленький, задыхающийся, с выпученными глазами, темно-красный, как очень спелый томат» (А. Куприн. Гамбринус); «... из кабака выходят с криками, с песнями, с балалайками пьяные-препьяные большие такие мужики... один, еще молодой, с толстою такою шеей и мясистым, красным, как морковь, лицом...» (Достоевский. Преступление и наказание); «Утром скука смертная. Жарко, пыль, пить хочется... На гавани воняет канатом, мелькают какие-то рожи с красной, как кирпич, кожей...» (Чехов. Письмо М. П. Чеховой. 14 июля 1888).

Оттенок неодобрительности замечен в таких, например, сравнительных конструкциях: *красные, как мясо, глаза* и *белое, как творог, лицо*. А такое неожиданное для читателя сравнение *красный, как трамвай* (о человеке) не только выражает определенное отношение к персонажу, но и усиливает комизм ситуации, в которую попал герой произведения: «Юрий был уничтожен. Он сидел красный, как трамвай, не подымая головы, злясь, недоумевая и чувствуя весь свой позор» (Л. Соболев. Капитальный ремонт).

В живой разговорной речи бытового характера круг объектов, избираемых для сравнения по цвету, относительно неширок. Здесь чаще используются сравнения устойчивые, общеупотребительные: *красный, как кровь, как огонь, как мак* (маков цвет); *белый,*

как снег, как полотно, как мел; черны й, как деготь, как сажа, как смола, как ночь и другие. Некоторые устойчивые сравнения подвергаются фразеологизации, приобретая значение интенсивности признака: *красный как рак* (очень красный); *белый как кипень* (очень белый); *седой* (или белый) *как лунь* (совсем седой); *черный, как смоль* (очень черный).

В литературно-художественном повествовании, где сравнение используется как средство изобразительности, круг объектов сравнения чрезвычайно широк и постоянно расширяется. Художники слова, не довольствуясь общеупотребительными или найденными ими и их предшественниками сравнениями, ищут новые объекты для точных, образных и выразительных сопоставлений.

В. И. ОРЛОВА, Т. Н. СЕМЕНОВА

Чебоксары

...Чтобы говорить с народом, надобно прежде всего отречься от всяких преувеличений и быть строгим к самому себе; надо спросить себя: достаточно ли обуздана моя мысль для такого дела? Ничто так не противно народу, как мешанье дела с бездельем и переливание из пустого в порожнее. Он сам никогда не бездельничает, а потому требует и от тех, которые к нему обращаются, чтобы они высказывали ему свое дело прямо и кратко, без подмеси пустых и наносных речей.

М. Е. Салтыков - Щедрин. Рецензия на брошюру «О русской правде и польской кривде». 1863

...Мне отрадно и весело шататься по городским улицам, особенно в базарный день, когда они кипят народом... Мне мил этот общий говор толпы; он ласкает мой слух пуще лучшей итальянской арии, несмотря на то, что в нем нередко звучат самые-странные, самые фальшивые ноты. Взгляните на эти загорелые лица: они дышат умом и сметкою и, вместе с тем, каким-то неподдельным простодушием.

М. Е. Салтыков - Щедрин. Губернские очерки. 1856

ИНЖЕНЕР

ноязычное по происхождению слово *инженер* (*инженеры*) в современном русском языке — одно из наиболее распространенных. Обычное в простом разговоре, оно познается говорящим уже в раннем детстве. Слово широко используется в специальной и художественной литературе, не сходит с газетных страниц. Его распространение определялось конкретными историческими условиями.

В первой половине XVII века в Московском государстве формировали войско: готовились к военному походу с намерением возвратить Смоленск и Дорогобуж с уездами, занятые поляками еще в 1618 году. «Положили нанять иноземцев: сделали шаг решительный», — чего прежде не бывало, — «велели русских ратных людей учить иноземному строю» (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2, т. 9. СПб., 1896). Нанимали за рубежом не только «охочих солдат пеших», но приглашали «в царскую службу» и военных специалистов. Вместе со специалистами-инженерами пришло в русский язык и слово *инженер*.

Еще в XVI—XVII веках людей, занимающихся военно-инженерной работой, называли *розмыслами*. «Известно, что Иван III пригласил на службу несколько иностранных инженеров-розмыслов, а при Иване Грозном упоминаются уже розмыслы из русских» (Ф. П. Сороколетов. История военной лексики в русском языке. Л., 1970).

В Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского (т. III. СПб., 1903) *розмыслъ* — *размыслъ* зафиксировано в значениях 'разум, ум', 'размышление, соображение', 'рассуждение, расчет', 'решение', 'мысль, помышление', 'смысл', 'воображение' (сравните: «... отъ великоты бо и доброты дѣлѣ по размыслѣ и родитель ихъ моудрѣствоу^ктъ^А» (Житие Мефодия. XII век). *Розмыслъ* в значении 'специалист-инженер' свидетельствовало по сути дела об образовании нового слова — омонима. В этих условиях иноязычное *инженер*, иное по звучанию, оказалось более пригодным для использования в языке.

В деловой письменности XVII века *розмыслъ*, по-видимому, уже почти не употреблялось, во всяком случае, помимо *инженер*, можно было встретить лишь *городовой смышленник*, а также *вымышленник*.

«Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (т. II. М., 1967) указывает, что *инженер* заимствовано из немецкого *Ingenieur*, от франц. *ingénieur*: лат. *ingenium* «остроумное изобретение», что посредство польского *inżynier* здесь фонетически невозможно, вопреки Н. А. Смирнову (Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. «Сборник ОРЯС», 1910, т. 88, № 2). Несмотря на замечание М. Фасмера о невозможности заимствования слова в данном звучании через польский язык, С. Гардинер считает правомерным выводить форму *инженер* из польского [см. S. C. Gardiner. German loanwords in Russian (1550—1650). 1965]. Свои доказательства С. Гардинер основывает на данных словаря Линде (*Słownik języka polskiego*, т. II. Lwów, 1855), фиксирующего более раннюю, чем *inżynier*, форму *inżenier*. В документах 1655 года встречаем *идженерь* (Акты московского государства, II. СПб., 1894), что может свидетельствовать и о влиянии английского языка. В. Кипарский отмечал наличие слова *инженер* в русском языке с 1647 года; С. Гардинер находил его в русских текстах примерно с 1634 года; из рукописных материалов, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), узнаем, что *инженер* употреблялось в русской письменности и раньше.

Первоначально оно встретилось в переводных текстах в форме *ингениор* (*ингинор*, *ингинер*) и, по-видимому, употреблялось еще до 1631 года. Так, в рукописных газетах — «курантах» 1631 года, присланных торговым немчином Мельхером Бекманом из Стокгольма, сообщалось о прибытии из Голландии в Ригу «ингениора» Ягана Корнильева, который должен был занять место на службе у великого князя московского взамен инженера, умершего несколько лет тому назад: «...был у великого князя

преж сего за нѣколко лѣтъ ингиениор из Голанские земли и тот умер и для того по тово ингиениора что у нас в городе Риге был на ево мѣсто писали» (Вести-Куранты. 1600—1639 гг. М., 1972).

Форма *ингиениор* не утвердилась в русском языке, в 30—40-х годах XVII века имеется попытка избавиться от этого «варваризма», обозначить понятие, вкладываемое в данное слово, русскими средствами — *городовой мастер, мастер городского дела, горододелец*.

Однако уже в 1631 году наряду с *ингиениор* обнаруживаем *инженер*: «...по тому что я Ян Корнелисенъ фан Роденбурхъ по указу великосилнѣйшего кесаря всеа Росіи сюды к Москве зван инжинером которой всякие крѣпости дѣлает и по тому что я в таком дѣле и славной мудрости с молодых день всегда учился и навикал так что мнѣ мочно перед всѣми великими гсдри тою своею мудростію и мастерством об[ъ]явиться и показатца» (1631. ЦГАДА). К сожалению, не сохранилось иноязычных оригиналов вестей-курантов и оригинала письма Ягана Корнильева, поэтому нет возможности точно сказать о том, с какого языка были сделаны указанные переводы. Мельхер Бекман, посылавший вести из Стокгольма, был «торговым немчином», а как известно, *немчинами* в то время называли многих иностранцев. *Немчином* мог быть голландец, немец, швед, англичанин и другие.

Здесь мало что проявляют и встречающиеся подчас в одном и том же тексте пометы писцов-переводчиков — «немецкое писмо на концу», «перевод с малого листка с латынского письма», «по латыне написано Д [т. е. 4] строки», «латынское», «немецкое». «Латынский» указывает скорее всего на то, что письмо было написано не славянским шрифтом, а латиницей. Противоречивость подобного рода помет предельно ясно выявляется в пояснении к тексту письма Ю. Филимонатуса-корреспондента, подолгу жившего в немецких городах и сообщавшего военные и политические вести из Немецких земель, в котором к фразе «да латынским письмом написано» на поле дана помета — «латынским языком писано» (1642—1644. ЦГАДА). Кстати заметим, что в начале XVII века латынским языком вообще не пользовались для передачи военных и политических известий.

Характер передаваемых М. Бекманом сведений вполне соответствовал тому, что заимствовали корреспонденты-вестовщики из печатных периодических газет, распространенных в Европе, например, из «Post-Zeitung», «Particular Post-Hambürger und Reichs-Zeitung» и других. Поэтому можно предполагать, что указанные «Вести», где упоминается *ингиениор, инженер*, переводились с одного из северноевропейских оригиналов.

В начале XVII века связь Московского государства с Западной Европой особенно по военной линии осуществлялась преимущественно северными путями, в стороне от шляхетской Польши. В курантах читаем, что московский князь для освобождения Смоленска от поляков должен был «к себѣ добрых камитанов да инжениоров добрых принять которые б ратных ево людей к ратному дѣлу понаучали» (Вести-Куранты. 1631).

Итак, первоначально основное значение слова *инженер* ассоциировалось со сферой военной деятельности: *инженер* — ‘строитель городов-крепостей’: «...послати под Смоленскъ для промыслу над Смоленскимъ городом инженеръа городового мастера Яна Корнилова»; «и бью челом об указе и отвѣте о инженере пл(и) городовом мастере потому что такова указу даждаютца» (1643. ЦГАДА); «а инженер... а онъ искусной м(астер) город укреплял» (1644. ЦГАДА).

В грамотках-корреспонденциях Ю. Филимонатуса и Л. Грелла, известных в то время поставщиков сообщений для вестей-курантов, встречаем параллельное употребление слов *горододелец* и *инженер* в вариантах *ынженеръ*, *инженѣръ*, где ударная позиция обозначена буквой ѣ (Л. Васильев. История звука ѣ в московском говоре XIV—XVII вв. «Известия ОРЯС», 1905), *инжинер* с обозначением произношения предударного е:

октябрь 1643 год
и повора и игроков и потѣшниковъ промыслу только вы денег пришлете... а только о *горододѣльце* указ будет...

январь — март 1644 год
про преж помянута *горододѣльца*...

сентябрь 1643 год
пис[ѣ]мо от *инжинера*... а *инженѣръ* дожидаетца еще от вшие княжские млсти указ[а]...

февраль 1644 год
бью челом о *инжинере* об указе...

Характерно также следующее исправление текста грамотки: в предложении «...и прошу подданственной отвѣту от вшеи княжской милости про *горододѣльца*...» слова *про горододѣльца* написаны над зачеркнутым *про инженера* (1631. ЦГАДА). Писец, как видим, предпочел русское слово иноязычному.

Однако значение слова *горододелец* не вмещало всего объема признаков, вкладываемых в слово *Ingenieur*. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля (т. I) приводит его с особой пометой: *горододѣлецъ*, *городоставецъ* стар.— ‘городовой мастер, строитель стен, бойниц, укреплений, военный инженер’.

Как показывают материалы вестей-курантов, существование *горододелец* в указанном значении не было продолжительным, оно быстро уступило место слову более специализированному —

инженер. Поскольку функции инженера определялись прежде всего военными потребностями, то и употребляли его главным образом тогда, когда говорили о военных делах. Позднее это было зафиксировано в словарях и даже в «Арифметике» Л. Магницкого (1703).

В XVII веке *инженер* (или *городовой мастер*, *городового дела мастер*, *горододелец*, а также *городовой смышленик*) «...умѣт дѣлат[ь] каменные и земляные новые города и шанцы (укрепления) и острошки и всякие городовые крѣпости дѣлатъ и укреплять и под города подкопы подводит[ь]» (1631. ЦГАДА); может «...в воинское время великую прибыль чинить... противъ... недругов... тако же и в мирное время прибыльно будет», потому что он «вымышленикъ в той высокославной мудрости которую мудростью многие великие гсдри невеликими людьми великие дѣла чинятъ, когда «с невеликими людьми против великой силы недруга стоят» (там же).

Уже в XVII веке знали профессии — 1658 год: «полуполковника и инженера и гранатного мастера», «маера и инженеръ и подкопнаго мастера» (ЦГАДА), «инженеровъ подкопщиков и огневых мастеровъ» (там же) — 1660 год: призывали «полковниковъ самыхъ добрыхъ, инженеровъ самыхъ добрыхъ огнестрельныхъ мастеровъ разумныхъ» (И. Я. Гурлянд. Иван Гебдон. Комисарнус и резидент). Инженеры строили мосты — 1643 год: «дѣлал я иноземець мостовой образец с чертежами» (1645. ЦГАДА); — 1655 год: «и только уѣздныхъ людей въ уѣздахъ не будетъ кѣмъ мостить мосты, и инженеръ для ради государева стану будетъ ли?» (Акты московского государства, II, СПб., 1894), а в 1697 году люди «училися... бомбардирному инженерству» (Дополнения к актам историческим, т. 12. СПб., 1872). Названия инженерных профессий были связаны с воинскими званиями и складывались из нескольких наименований, соединенных союзом *и*: «полуполковника и инженера и гранатного мастера Албрехта Севиниуса а с ним товарищей маера и инженеръ и подкопнаго мастера Миколая фон Целена да капитана и гранатного мастера Самоила Бомена» (1658. ЦГАДА).

Но деятельность инженера не ограничивалась военными обязанностями, она распространялась на разные стороны жизни людей. Так уже в XVII веке было «прибыльно иметь инженеров и в мирное время». В XVIII веке круг специальностей, обозначаемых словом *инженер*, заметно расширился (в 1712 году в Москве была основана первая инженерная школа). Слово часто встречалось в газетах — «Ведомостях», указах, докладах в Сенате, наказах, личных бумагах Петра I, оно было обычным в сочинениях Ф. Прокоповича, историка В. Н. Татищева и других.

Сама форма слова — *инженер* уже в XVIII веке не казалась необычной, была полностью принята русским языком (подробнее об этом смотрите: Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972).

В настоящее время слово *инженер* принадлежит общелитературному языку, это 'специалист с высшим техническим образованием', область его деятельности не только военная, но и гражданская.

Н. И. ТАРАБАСОВА

Рисунок В. Толстоногова

КОМИССАР

то слово *commissarius* 'уполномоченный' (от латинского *commitere* 'вверять, поручать'; 'возлагать на кого'; сравните: *commissum* — 'поручение, дело') в западноевропейских языках утверждается в XIV—XVI веках как наименование различных должностных лиц, которым вверяется отправление тех или иных служебных обязанностей в государственном аппарате или временных поручений франц. (с XIV века) *commissaire*, немецк.

(с XV века) *kommissar*, шведск. (с XVI века) *kommissarie*, польск. (с XVI века) *komisarz*]. В русской письменности это заимствование в различных вариантах: *комиссар*, *комсарь*, *комиссарий*, *комисариус*, *кумисар* и другие, — встречается с последней четверти XVI века. Едва ли не впервые *комиссар[ие]* свидетельствуется в переводе со шведской грамоты, в которой ругодивский (нарвский) воевода (управляющий городом) извещает царя Федора Ивановича: «...и яз ту вашу грамоту имеючи, наказ, что есми тому дело в комисари учинен, отпечатал и извещаю вам, что моего намялюстившаго короля и государя посланные комисари от некоторых недель готовы, в Колывань (Таллин) приехали; а как им будет известно, как вы нашего рубежа бу-

дете блиско, и они паборзе (вскоре) тотчас будут; и которые те комисарие будут от моего милостиваго короля и государя на то поставленны, и вам то ведомо будет в нашем листе (письме) памяти, которые имена яз вам по хотенью вашим не задержат...» (1585 год. Памятники дипломатических сношений России со Швецией). Здесь *комис[с]арами* именуются уполномоченные, назначенные шведским правительством для ведения переговоров с русскими послами. Формы *комисари*, *комисарие* (множественное число) являются почти буквальной передачей средствами русского алфавита шведского *kommissarie*. Заметим, что в других переводах шведских документов на русский язык к этим же уполномоченным, названным *комис[с]арами*, применяется только русское соответствие — *посол*: «...имена послом, которые посланы на съезд: Клаус Окс..., Пунтус Делегард..., Клаус Белк...» (там же); «...короля установленные великие послы яз Клаус Окс..., Пунтус Делегард..., Клаус Белк...» (там же).

С начала XVII века слово *комис[с]ар* является обычным в «русских» текстах польских грамот, где оно употребляется применительно к польским дипломатическим уполномоченным: «...а по приговору... всех станов (уездов) обоего народу коруны (государства) Полские и великого князства (княжества Литовского) посылаем комисаров (вставка: «и послов») наших, братью нашу... на порубежный зъезд, который... назначен межн Смоленском и Вязмою... в року (году)... 1615-м з Великого Московского господарства (государства) бояре и всякие чины всею землею от себе великих послов на тот порубежный съезд пошлют... Писан (лист) в Варшаве» (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. 1615).

В этих же польских дипломатических документах наблюдаются случаи пояснения слова *комис[с]ар* соответствующим русским термином *посол*, а также случаи именования уполномоченных обеих договаривающихся сторон *послами*: «...мы... на прозбы наших и всех станов коруны Полские и великого княжества Литовского на рубеж межн Смоленска и Вязмы комисаров или послов наших великих выслати обещаи (обещали); и в листе (письме) есмо нашим к вам... писали, што великим послом обом нашим и вашим съезжатца на рубежи...» (там же). Сравните более поздние примеры: «...посылает он, король, полномочного комисара своего воеводу Поморского» (Дипломатические сношения с империей Римской. 1689) и «Апреля в 5-й день приехал в Вену посол полской воевода Поморской» (там же).

Как свидетельствуют памятники права, *комиссарами* и *послами* нередко называются русские уполномоченные, хотя официальным термином в русском дипломатическом языке XVII ве-

ка было словосочетание *великий и полномочный посол*: «Да ныне ж по склонности нас великих государей обои наши великие и полномочные послы и комисары в том же договоре постановили, что то нынешнее постоянное перемирие...» (Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. В сб. «Русская историческая библиотека». СПб., 1897).

В самом конце XVII века рассматриваемое слово и его варианты *комис[с]ариус*, *-ус*, сохраняющие облик латинского *commissarius*, встречаются в трех- и четырехсоставных наименованиях дипломатических агентов: *полномочный комис[с]ариус* и *чрезвычайный посол*, *полномочный посол* и *комис[с]ариус*, *великий* и *полномочный посол* и *комис[с]ариус* и другие. Такая цветистость титулования, применявшаяся в дипломатическом обиходе как по отношению к зарубежным дипломатическим представителям, так и к русским, использовалась с целью придания значительности, авторитетности тем лицам, которые были уполномочены заключить договор большого государственного значения: «...его салтанова величества полномочными комисариусы и чрезвычайными послы, на договоры и постановление мирного дела с совершенною властью назначенными и избранными...» (Договор с Турцией 1699 года. Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I. СПб., 1887); «Пресветлейшаго и державнейшаго великого государя его царского величества московского великой и полномочной посол и комисариус, ясневелможный, думной советник и наместник Болховской, Прокофей Богданович Возницын» (там же).

Дипломатические уполномоченные, специально посылавшиеся на посольский съезд для решения срочных межгосударственных дел, именовались *нарочными комис[с]арами* (подобно русскому составному термину *нарочный посол*): «А нарочного нашего комисара для тех договоров послати нам к вам, за разстоянием места и за долготою времени, неудобно, а вручаем те договоры за нашу сторону чинити вашему цесарскому величеству» (Дипломатические сношения с империей Римской. 1689).

Памятники права XVII века донесли до нас сведения и о других употреблении слова *комис[с]ар*.

Комис[с]ар в западноевропейских странах, например в Австрии, — ‘должностное лицо, приставленное к кому-либо для наблюдения, приема и сопровождения’; в Московской Руси такое должностное лицо называлось *приставом*: «Апреля в 8 день посылал Иван (русский посланник) к цесарю с комсарем с фендриком (цесаревым дворянином) с Яковом Бауром об отпуске челобитную» (Дипломатические сношения с империей Римской. 1617);

«В Вейне городе пристав Яков Баур Ивану сказал...» (там же); «И посланной (русский дипломат), и комнатной комисар (должность придворного чина), и комисар пристав в корету сели» (там же. 1673).

Комис[с]ар — «уполномоченный, торговый представитель, постоянно пребывающий в чужой стране, а также уполномоченный, отправленный в другую страну, по государственным закупкам»: «В прошлом... году от нас посланы великого государя, от нашего царского величества, в Галанскую и Недеерланскую землю под[д]анные для нашего царского величества дела наши царского величества комисар Ондрей Виниус да Иван Мясров...» (В царской грамоте содержится просьба пропустить в Москву задержанное в Риге оружие, купленное в Голландии (1653 год). Русско-шведские экономические отношения в XVII веке, М.—Л., 1960).

Комис[с]ар — «назначенный уполномоченный для установления и разделения границ между государствами, для разрешения пограничных споров»: «Мы порубежные судьи и комисары, князь Федор Лукомской, судья земской Витебской, секретарь его королевского величества, Войт Минский, коммисар и судья порубежный..., съехавшись... с межевыми судьи и коммисары, с стольником Карандеевым да с дьяком... Моплавским, учинили есьми обещание на том...» (Полное собрание законов Российской империи. СПб. 1880).

Слово *комиссар* (*комиссарий*) входило в составные наименования и сложные слова для обозначения воинского чина: «И великие и полномочные послы у генерала — комисария были и обедали» (Дипломатические сношения с империей Римской. 1696); «Того ж числа посещал великих и полномочных послов, генерала и воинского комисария Головина и думного дьяка курфирста Бранденбургского генерал и воинской комисарий дан Келман» (там же).

В Петровскую эпоху оно было известно в следующих сложных словах: *вице-комиссар*, *генерал-криго-комиссар*, *ланд-комиссар*, *обер-комиссар*, *регент-комиссар* и т. п. (Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. СПб., 1910).

В XVIII—XIX веках слово *комиссар* (в написании комисар, коммисар, комиссар, комиссар), согласно данным словарей, употреблялось в следующих случаях: «Комиссар... которому приказана раздача денежная и хлебная в полках» (Лексикон вокабулам новым по алфавиту. 1703—1704); «смотритель над войском, комисар к смотру войска определенный» (Немецко-латинский и русский лексикон. Э. Вейсман. СПб., 1731); «комисар — приставник» (Словарь Нордстета, СПб., 1780). По данным Словаря Академии Российской (ч. 3. СПб., 1792) «Коммиссар — 1. Полковой каз-

начей денежный. 2. Так же называется пристав, к которому поручен казенный какой-либо сбор или препоручено что-либо в смотрение». В Новом словотолкователе Яновского 1804 года (ч. 2) дается общее определение этого слова: «Коммиссар, лат. Сие слово вообще значйт того, кто вышнюю властью избирается и назначается для управления и смотрения за каким-либо делом...» и подробное описание конкретных применений этого слова в различных официально-деловых сферах (указывается, что комиссары могли быть с постоянными и временными функциями). Почти все словари XIX века мало что прибавляют к данным последних двух словарей.

В советский период слово *комиссар* широко используется в официально-деловом языке. С 1917 по 1946 год (до образования министерств) оно применялось для обозначения члена правительства (народный комиссар), стоявшего во главе народного комиссариата. С 1918 до 1942 года (с перерывами) военным комиссаром (военкомом) называлось лицо, особо уполномоченное Коммунистической партией и Советским правительством и отвечавшее вместе с командиром воинской части за ее боевое, политическое, материально-хозяйственное состояние и за выполнение боевых задач. В период с 1935 по 1942 год слово *комиссар* употреблялось и как обозначение персонального звания военно-политических работников в Советской Армии (батальонный комиссар, полковой комиссар, бригадный комиссар, дивизионный комиссар) (Большая советская энциклопедия, т. 22).

Слово *комиссар* продолжает функционировать и в настоящее время в качестве названия различных должностных лиц. Так, военным комиссаром (военкомом) именуется лицо, возглавляющее военный комиссариат (районный или областной комиссариат). Сравните также звания: *комиссар милиции* (1, 2 и 3 ранга), *спортивный комиссар*, *комиссар студенческого строительного отряда*.

В дипломатической сфере известны такие наименования, как *верховный комиссар* (звание, присваиваемое высшим должностным лицам с функциями отчасти административного, отчасти дипломатического характера). «Страны содружества наций обмениваются верховными комиссарами». (См.: Дипломатический словарь, т. I, М., 1971), *высокий комиссар* (звание официального представителя правительства одной из стран Содружества наций при правительстве другой страны этого содружества).

Кроме того, это слово употребляется применительно к уполномоченным, назначаемым правительством или правительствами на определенный срок и являющимся ответственными за международную выставку. Это так называемые *комиссары всемирных*

выставок: «Генеральный комиссар всемирной выставки Пьер Дюпюи дал завтрак в честь делегации Советского Союза» («Правда», 16 августа 1967).

Таким образом, слово *комиссар*, известное по памятникам русской письменности с последней четверти XVI века, до середины XVII века употреблялось для обозначения разных должностных лиц зарубежных стран. Со второй половины XVII века оно используется в названиях русских должностных лиц и входит в состав лексической системы русского языка.

Ф. П. СЕРГЕЕВ

Кишинев

Рисунок В. Толстоногова

БАГРЯНЫЙ И БАГРОВЫЙ

лова с древней основой *багр-* (*багор-*) встречаются в старославянском, болгарском, древнерусском, современных русском, украинском и белорусском языках: старославянские *багръ* «багровый», *багрити* «окрашивать в багряный цвет», *багрѣница* «порфира»; болгарские *багра* «краска», *багрѣн* «темно-красный, пурпуровый», *багрѣ* «красить, окрашивать в темно-красный цвет»; древнерусские *багръ* «красная краска, красный цвет», *багряный*; русского *багор* «густо-красный цвет с синеватым оттенком», *багрѣц*, *багрѣть*, *багровый*, *багроветь*, *багряный* и другие;

украинские *багор* «пурпуровый цвет», *багрѣць* «яркий багровый цвет», *багровий* «темно-красный»; белорусские *багра* «пурпуровая краска», *багровізна* «багровое пятно на теле от удара» и т. д.

Этимологические словари русского языка по-разному объясняют происхождение корня *багр-* (*багор-*) и его производных. Так, в «Этимологическом словаре русского языка» (МГУ, 1965)

сообщается, что существительное *багръ* 'красная краска, красный цвет' заимствовано из старославянского языка.

Толковые словари русского языка слова *багряный* и *багровый* не различают по значению, дают их как синонимы, принадлежащие к разным стилям речи: *багряный* — высокому стилю, *багровый* — нейтральному. Но по В. И. Далю, *багровый* и *багряный* различаются в значениях: *багровый* — червлёный, пурпуровый, самого яркого и густого красного цвета, но никак не с огненным отливом, а с едва заметною просинью...; *багряный* — червлёный же, но менее густой, алее, без синевы; это самый яркий, но и самый чистый красный.

Вследствие того что *багр* не является общеславянским словом, большинство исследователей считает его заимствованием. Так, А. Г. Преображенский называет его словом неизвестного происхождения, считая, однако, возможным сближение с исконно родственным германским *fagra* (*fahra*) 'красивый'. М. Фасмер *bāg(o)r* также относит к неясным словам, отрицая все предшествующие этимологии, хотя и допускает мысль о его исконном родстве с греческим *φῶγω* 'поджариваю', древневерхненемецким *bahhan* 'печь' и диалектным русским *багарь*. Были и другие этимологии: А. С. Львов считает, что *bagъrъ* состоит из усилительной частицы *ba-* и корня *-gъr-* со значением 'гореть'. Известный востоковед К. Г. Менгес убедительно доказывает, что славянское *bagъrъ* восходит к тюркскому *baγur*, *baγug* 'медь'.

Не претендуя на безусловность своего предположения и уточнения, мы склонны думать, что корень *багр-* (*багор-*) в старославянском и древнерусском языках является булгаризмом.

Обратимся к истории. Как известно, в VII веке нашей эры часть булгар переселилась с Северного Кавказа на Волгу и на Дунай. С течением времени дунайские булгары растворились в среде южных славян, придав дунайским славянам свое этническое самоназвание *болгары*. Древнебулгарский язык не был единообразным. Он состоял из различных диалектов. И то, что в формировании современных карачаево-балкарского, кумыкского, башкирского и поволжско-татарского языков принимал активное участие древнебулгарский язык, у ученых не вызывает сомнения (см.: Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969). Однако, возможно, этот процесс проходил в каждом отдельном случае при участии разных диалектов древнебулгарского языка.

В карачаево-балкарском языке *багъыр* наряду со значением 'красная медь' носит значения 'багровый', 'багряный', 'темно-красный цвет': *багъыр бойау* 'багровая краска', 'багровый цвет', 'темно-красная краска'; *багъыр бет* 'багровый цвет', 'багряный', 'багровое лицо'; *багъыр тань* 'багряный рассвет'; *кёкню къыйы-*

ры *багъырланды* 'край небосвода обагрился'; *багъырбаи джылан* 'багровоголовая змея', 'медянка' и т. д. Сравните поволжско-татарское *ба́ктыр* 'рыжий' в словосочетании *бактыр баш* 'рыжие волосы'.

Многозначность карачаево-балкарского *багъыр* наводит на мысль о том, что в нем развились два разных значения: *багъыр* 'красная' медь и *багъыр* 'багровый', 'багряный'. Со значениями 'красный цвет', 'красная краска' слово *багъыр* вошло в старославянский и древнерусский языки.

В современном русском языке *багровый* и *багряный* разошлись не только стилистически, но и семантически. *Багровый* образовано посредством присоединения суффикса относительных прилагательных *-ов* к заимствованному из древнебулгарского языка слову *багъыр* 'красный цвет'; 'красная краска'+окончание *-ый*, а *багряный* (*багъыр* 'красный цвет', 'красная краска'+суффикс *-А* н+окончание *-ый*) является заимствованием из старославянского языка. Межстилевое слово *багровый* носит значение 'густо-красный цвет', 'густо-красная краска', а поэтическое *багряный* — значение 'ярко-красный цвет', 'ярко-красная краска'.

Булгаризм *багъыр* 'багровый', 'багряный', вероятно, проник в древнерусский и старославянский языки непосредственно из древнебулгарского языка в VII—VIII веках н. э., так как большинство тюркизмов, встречающихся во всех славянских языках, вошло в общеславянский язык в древнейшую эпоху.

Доктор филологических наук

М. А. ХАБИЧЕВ

Карачаевск

Рисунок В. Толстоногова

Немолчно раздается говор и шум толпы <...> Вот доносится до вас замысловато-крепкое словцо, но доносится как-то не оскорбительно, а скорее добродушно, так что вам остается только развести руки и подумать про себя: «ведь вот что выдумал человек! даже правдоподобия никакого нет... а ладно!» Рядом с этим крепким словцом слышится действительно добродушный и душевный смех, и раздается острота, но такая меткая и хорошая, что лицо ваше проясняется окончательно, и вы невольно, всем сердцем, всем существом общаетесь к этой внутренней, для равнодушного зрителя навсегда остающейся неразгаданною жизни народа...

М. Е. Салтыков - Щедрин. Тихое пристанище. 1862.

РУССКО- БАШКИРСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Башкирию справедливо называют «котлом языков». В настоящее время в республике, население которой насчитывает около четырех млн. человек, живут представители более 30 национальностей: башкиры, русские, татары, чувашаи, удмурты, марийцы, украинцы, белорусы, немцы, осетинцы и другие, причем русских — $\frac{2}{5}$ всего населения республики, башкир — около $\frac{1}{5}$, татар — $\frac{1}{5}$.

В школах республики ведется обучение на семи языках: башкирском, русском, татарском, марийском, мордовском, удмуртском, чувашском. Газеты и журналы издаются на пяти языках: башкирском, русском, татарском, марийском и чувашском. Радио- и телепередачи идут на башкирском, русском и татарском языках. Таким образом, основные социальные функции в современной Башкирии выполняют башкирский, русский и татарский языки.

Официальные связи русских и башкир начались еще в эпоху Ивана Грозного, когда Башкирия добровольно присоединилась к России (1554—1557 годы). Это крупнейшее политическое событие засвидетельствовано как в русских исторических документах, так и в башкирских *шежере* — родословных. Так, в шежере башкирского племени Юрматы сказано: «На второй день октября русские взяли Казань. После этого Белый-бий стал падишахом. Был 961 год (по современному летосчислению — 1554), когда во все земли были направлены послы с грамотами, которые известили: пусть никто не убегает, и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычаи» (Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960).

В Никоновской летописи под 1557 годом содержится подтверждение того, что после взятия русскими Казани «Государь Иван послал по всем улусам, черным людям ясачным грамоты..., чтобы шли к государю, не бояся ничего, а кто лихо чинил, тем бог мстил, а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним Казаньским царем» (Полное собрание русских летописей, т. 13. М., 1965).

С момента присоединения Башкирии к России начинается переселение русских в благодатный, богатый землями, лесами, пушиной, медом, башкирский край. Причины переселения были разные: русские помещики, например, арендуя земли у башкир, перевозили своих крепостных крестьян; крестьяне из-под Кунгура, Пермской губернии, бежали от раскола. Переселение продолжалось и после отмены крепостного права. Крестьяне направлялись на поиски хорошего заработка, многих переселенцев Башкирия привлекала дешевизной продажных и арендных цен, огромными пространствами свободных земель.

В течение нескольких веков происходило взаимодействие русского и башкирского языков на территории Башкирии. Прежде всего это проявилось в заимствовании башкирами слов русского и вообще славянского происхождения. Конечно, по происхождению это были слова не только исконно русские, но и латинские, немецкие, французские, итальянские, польские.

Наиболее ранние заимствования представлены в башкирских родословных XVI века: книга — *кенәгә*, князь — *кенәз*, купец — *купис*, волость — *вұлыс*, февраль — *фибрал* и другие. Более поздние заимствования также прочно вошли в башкирский литературный язык: *абажур*, *абзац*, *абсурд*, *аванс*, *автобус*, *багаж*, *база*, *базис*, *бакен*, *балет*, *балетмейстер*, *бандероль*, *вагон*, *вальс*, *валюта*, *ванна*, *габардин*, *гастроль* (-гастроли), *гигант*, *дерматин* и многие другие. Довольно большое количество русизмов несет в башкирском языке огромную смысловую нагрузку. Если в русском языке такие слова, как *аванс*, *автобус*, *балет*, *вагон*, *валюта*, *ванна* употребляются только как существительные, то в башкирском языке они выступают в качестве имен существительных и прилагательных.

В башкирской диалектной речи русизмы (в том числе слова интернационального характера) подвергаются значительным звуковым изменениям и форма их в башкирских говорах отличается от литературной: русское *автобус* — башкирское литературное *автöбус*, диалектное *уфтауыз*; русское *кооперация* — башкирское литературное *кооперация*, диалектное *кәпират* и т. п. Некоторые русизмы стали достоянием только диалектной формы башкирского

языка: сенник — *синдэк*, покой — *бакуй*, медогонка — *мизагуй*, паром — *барум* (*бурам*) и другие.

Сфера функционирования русизмов в башкирском литературном языке весьма обширна: экономика, хозяйство, наука, дело-производство, быт, сфера обслуживания и т. д. Часто русизмы применяются в качестве различных терминов: *вальцовка* (техн.), *ария*, *мелодия*, *балет*, *опера*, *театр*, *модаль* (русское *модальность*) — *модальный*, *мелодика*, *метафора*, *алоз* и т. п. 70—80 процентов терминологической лексики башкирского языка представляют собой заимствования из русского, в том числе западноевропейских языков, вошедшие в башкирский язык через посредство русского. В целом социальные функции русского языка в БАССР значительны. По переписи населения 1959 года около восьми тысяч башкир в качестве своего родного языка назвали русский язык. Во всех десяти вузах Башкирии обучение ведется на русском языке. Исключение составляют лишь национальные отделения на филологических факультетах.

Русско-башкирское языковое взаимодействие всегда было и остается теперь двусторонним процессом. Следует учитывать, что до Великой Октябрьской революции башкирский язык находился на положении бесписьменного языка и имел крайне ограниченные социальные функции. Тем не менее, в исторических документах, отражающих взаимные связи русских и башкир в XVI—XVII веках, обнаруживается немалое количество тюркизмов, усвоенных русской официальной деловой речью не без воздействия башкирского языка. Многие тюркизмы (башкиризмы) даются в этих документах без перевода, а это дает основание полагать, что они были полностью освоены и регулярно употреблялись в речи. Например: *аймак* — «группа аулов, объединенных по родовому признаку», *тюба* — «подразделение племени, рода, волости», *сакма* — «след, колея», *саран* — «род полевой лилии, употребляемой в пищу», *аргамак* — «порода рослых верховых лошадей», *коштан* (*куштан*) — «доносчик, ябеда», *ясак* — «налог, пошлина», *ясирь* — «пленник, пленница».

Русско-башкирские языковые контакты послеоктябрьского периода существенно меняются. В Советской Башкирии взаимодействуют и взаимно обогащаются равноправные языки равноправных народов. Если до революции башкирский язык в нерусских учебных заведениях типа медресе не преподавался, то в советское время его функции значительно расширились в связи с созданием письменности, изданием газет, книг, журналов на башкирском языке, созданием национального театра, открытием национальных школ и отделений в педучилищах и вузах. Среди русского населения появились билингвы — люди, умеющие свободно общаться

на башкирском (или татарском) языке. Их больше в сельской местности, прежде всего в двуязычных селах, где контакты с башкирами (татарами) постоянны. Увеличению числа билингвов в русском и башкирском населении способствует наличие смешанных браков, число которых неуклонно растет. В речи русского населения отмечается довольно много заимствований из башкирского и татарского языков. В русских говорах Башкирии нами зарегистрировано около 250 тюркизмов. Если же учесть количество тюркизмов, отмеченных в русской периодике, издающейся в Башкирии, то их количество увеличится в полтора — два раза. В русских говорах Башкирии бытует немало тюркизмов, связанных с различными наименованиями продуктов питания (*бухма* — «разновидность пирожков», *катла́мка* — «слоеный сладкий пирог-рулет», *куйма́к* — «блинчики, оладьи», *майшки* — «мучные сдобные шарики, которые обычно подаются к чаю») или сельскохозяйственной терминологией (*арка́лык* — «чересседельник», *бага́н*, *бага́нки* — «столб; жердь для метания стога», *бастры́к* — «прижим, гнет для затягивания сена на телеге», *саба́н* — «плуг с двумя лемехами» и т. п.).

Любопытны записи этимологических толкований заимствованных слов. В двуязычных селах БАССР широко известен тюркизм *чаба́та* (*саба́та*) — «лапоть, лапти». Вот как объясняет происхождение его один из жителей Караидельского района БАССР: «Русский, татарин и мариец сплели из лыка обувь, а как назвать ее не знают. Решили так: каждый бросит в воду эту обувь, как она упадет, так и назвать. Русский бросил, а она в воду — ляп — назвал лапти, татарин бросил, упала ребром — чап — назвал чабата, а вот как мариец сказал, не помню».

Тюркское происхождение слова *аршин* многими уже не осознается, так как оно активно употребляется в речи русских, полностью освоено и вошло в лексический состав русского литературного языка.

В огромном количестве представлены башкирские и татарские слова в произведениях С. Т. Аксакова и В. И. Даля, которые хорошо знали быт и нравы башкир и татар, поскольку сами длительное время жили среди них. Анализ тюркизмов, встречающихся в произведениях русских писателей, представляет интерес для ученых тюркологов. Так, например, Г. С. Амиров посвятил одно из своих исследований изучению тюркских лексических элементов в произведениях С. Т. Аксакова, И. Р. Емельченко исследовал тюркизмы в произведениях В. И. Даля.

Все приведенные здесь факты еще раз убеждают в необходимости дальнейшего изучения живого разговорного народного языка, богатства которого неисчерпаемы.

Л. Л. АЮПОВА

ВАШКА И ВАГА

Пути этимологизации географических названий бывают весьма тернисты. Даже в тех случаях, когда объяснение кажется очевидным, задача может иметь ряд разных ответов, среди которых трудно найти истинный. А как быть с «темными» словами, нередко вообще отсутствующими в словарях?

На этот раз речь пойдет именно о таких словах, названиях двух крупных рек русского Севера — *Вашке* и *Ваге*. Название реки *Вага* упоминается в «Этимологическом словаре русского языка» М. Р. Фасмера, где приводится мнение А. И. Соболевского о связи этого названия с чешским гидронимом (речным названием) *Váh* (приток Дуная), который здесь же признается германским заимствованием. Однако о германском субстрате (остатках прежнего языка) на русском Севере нет никаких данных, и эта версия не может быть принята.

Начнем с гидронима *Вашка*: так по-русски и по-комизырянски называется наиболее значительный приток Мезени, впадающий в нее слева. В словарях коми-зырянского языка, составленных Ю. Вихманом и Д. Р. Фокош-Фуксом, название *Вашка* возводится к русскому *Вашка*, но происхождение русского слова остается без объяснения.

Предположим, что в слове *Вашка* элемент *-ка* — словообразовательный суффикс русского происхождения. Это основывается, во-первых, на том, что субстратный элемент *-ка* в топонимике русского Севера неизвестен и, во-вторых, на том, что суффикс *-ка* весьма обычен в чисто русских названиях рек, особенно небольших: *Бобровка*, *Каменка*, *Северка*, а также в гидронимах с древними основами: *Игремка*, *Кернежка*, *Муромка*. Хотя *Вашка* — весь-

ма значительная река, она все же намного уступает Мезени. Уже поэтому появление суффикса *-ка* в гидрониме *Вашка* закономерно. Кроме того, исторические памятники свидетельствуют о том, что некогда суффикс *-ка* встречался и в названиях других весьма значительных рек, сравните: *Пинежка* наряду с *Пинега* (крупный приток Северной Двины).

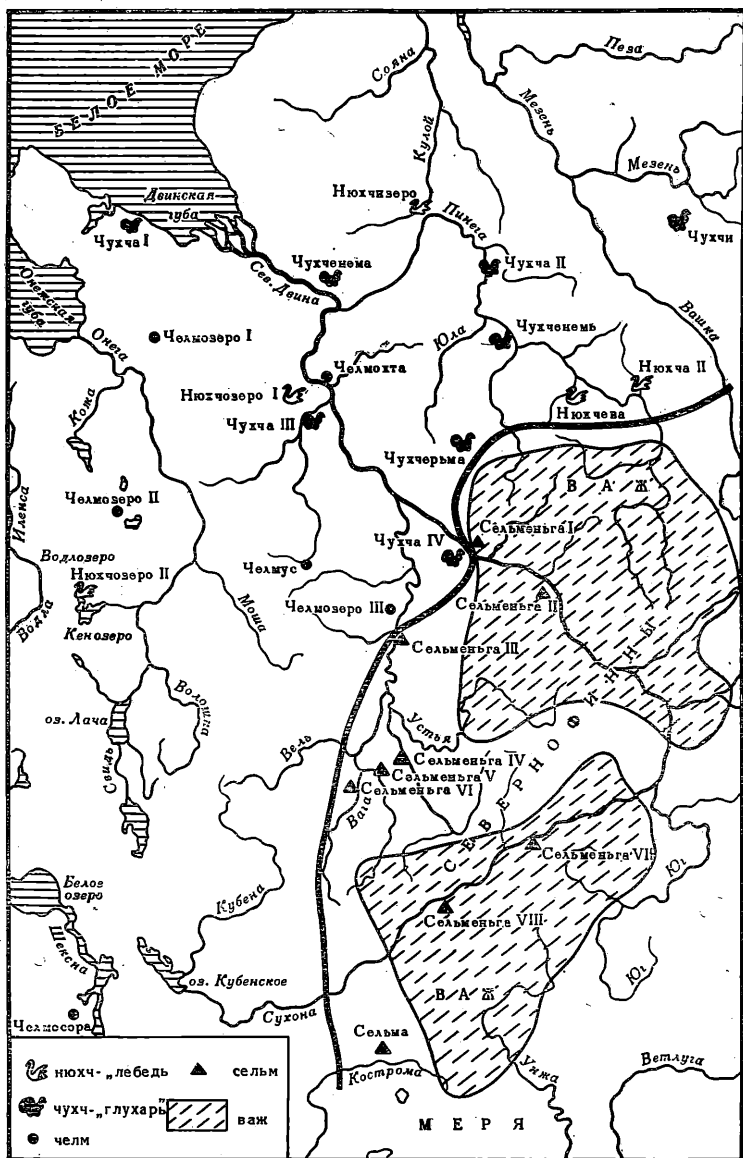
Можно допустить, что *-ка* в таких речных названиях, как *Вашка*, *Вятка*, входит в состав древнейшей основы, то есть приведенные названия являются чистыми основами. Но это предположение менее вероятно, чем решение о членении названий *Вашка*, *Вятка* на субстратные основы *Ваш-*, *Вят-* и русский суффикс *-ка*, который, по-видимому, может употребляться даже в названиях крупных рек, если только они являются притоками еще более значительных.

Учитывая, что перед русским суффиксом *-ка* в равной мере допустимы основы *Важ-* и *Ваш-*, но *Ваш-* ни в топонимике русского Севера, ни в коми-зырянском языке не находит сколько-нибудь убедительных соответствий, а *Важ-*, наоборот, их имеет, мы в дальнейшем будем исходить из основы *Важ-*. К тому же, в некоторых документах, в частности, в грамоте 1471 года (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI веков. Т. III. М., 1964, № 15), *Вашка* фигурирует как *Важка* с *ж* вместо *ш* (перед *к* допустимо *ж > ш*, но не *ш > ж*).

Возможны два пути этимологизации.

Русское *Вашка* восходит к коми-зырянскому *важ* 'старый', которое изменилось в *ваш-* перед русским по происхождению суффиксом *-ка*. В этом случае гидроним должен значить 'старая (река)'. Такая этимология как будто бы подтверждается существованием села *Важгорт* (коми-зырянское 'старый дом') в верховьях реки *Вашки*, однако это толкование сомнительно в плане семантической мотивированности. «Старой (рекой)» можно назвать старицу или курью, но не крупнейший приток.

Гидроним *Вашка* восходит к севернорусскому термину финно-угорского происхождения *важ-* (ср. коми-зырянское *вож-* 'приток' или марийское *вож*, *важ* 'корень'), который изменился в *ваш-* перед русским суффиксом *-ка*. Географический термин *вож* весьма обычен в современной коми-зырянской гидронимике (*Косвож* 'сухой приток', *Войвож* 'северный приток'), а *важ* в свою очередь очень характерен для названий юго-восточной части новгородского Заволочья (*Кестваж*, *Ратваж*, *Соваж*, *Ухваж*). Так как в бассейне *Вашки* много древнейших речных названий лишь по употреблению ставших коми-зырянскими (*Пучкома*, *Цебьюга* и другие), можно предположить, что и в топониме *Вашка* законсервирован

более древний (до коми-зырянский) финно-угорский речной термин, тем более, что зона сплошного распространения *важ* примыкает с юго-запада непосредственно к верховьям реки *Вашки* (см. карту).

Если предлагаемая этимология гидронима *Вашка* верна, то первоначально название этой реки означало просто 'приток' **Важ*. Оно закономерно изменилось вследствие усвоения на русской почве: **Важ* > **Важ-ка* > *Вашка*.

Второй путь этимологизации гидронима *Вашка* (из субстратного *важ* 'приток') более обещающий, чем первый. В этом случае название села *Важгорт* может сопоставляться непосредственно с древним гидронимом **Важ* 'дом на реке Важ' с последующей народной этимологией названия населенного пункта к коми-зырянскому *важ* 'старый'. Нельзя, впрочем, исключить и случайность созвучия гидронима *Вашка* и топонима *Важгорт*.

Итак, можно предположить, что современный коми-зырянский гидроним *Вашка* через русский язык восходит к древнему финно-угорскому оригиналу **Важ*, имеющему значение 'приток'. Русское посредство, очевидно, объясняется длительным контактом коми-зырян и русских в бассейне *Вашки*, нижнее течение которой (от села Кеба до устья) давно освоено русскими.

Обратимся теперь к *Ваге*, крупному левому притоку Северной Двины. Здесь дело обстоит и проще, и сложнее. На первый взгляд, наиболее убедительным будет сопоставление этого гидронима с финским *вако*, эстонским *vagu*, вепсским *vago* 'борозда', которые считаются балтийским заимствованием (ср. литовское *vaga* 'борозда', 'русло', 'фарватер'). Такая семантика вполне удовлетворительна, но трудно сказать, с финскими или балтийскими источниками мы встречаемся в данном названии, тем более, что и *Двина* толкуется как из финских, так и из балтийских языков. А вот дальше можно наблюдать интересные превращения: наряду с *Вага* в русских говорах зафиксирована уменьшительная форма *Важка*, которая закреплена и в названии одного из притоков *Ваги* в ее верхнем течении *Вашка* < *Важка*. Тем самым для гидронима *Вашка* (приток Мезени) следует допустить еще один путь возникновения: *Вага* > *Важка* > *Вашка*. С другой стороны, ничто не мешает предполагать, что развитие шло по пути **Важ* > *Важка* > *Вага* (подобно тому, как из немецкого *Flasche*, польского *flaszka* возникло русское *фляшка*, *фляжка* > *фляга*). А это означает, что *Вага* и *Вашка* могут восходить к одному источнику **Важ*! Остается добавить, что *Вага* с запада ограничивает район гидронимов на *важ-*, как бы зажатый между *Вагой* и *Вашкой* (см. карту). Правда, в исторических документах приток Северной Двины регулярно именуется *Вага*, а не *Важка*, что должно предполагать мирное развитие *Вага* > *Важка* >

Вашка. Тем не менее, все рассмотренные варианты развития теоретически вполне возможны, свидетельствуя о больших трудностях, возникающих при этимологизации собственных имен.

А. К. МАТВЕЕВ

К Р О М Ы

В настоящее время большой интерес у исследователей вызывает происхождение географических названий, в частности названий городов, рек. Чаще всего это иноязычные названия на территории Советского Союза. Интерес к таким загадочным названиям вполне понятен. Но при этом незаслуженно обойденными оказываются этимологически прозрачные — собственно русские, восточнославянские или общеславянские названия на территории нашей страны, хотя «прозрачность» их иногда оказывается мнимой и выяснение действительного их значения требует довольно длительных лингво-исторических разысканий.

Одним из таких примеров является название города *Кромы* (в настоящее время — село Орловской области). Город Кромы, основанный в 1595 году, занимает значительное место в русской истории. Под Кромами, в Комарицкой волости, вспыхнуло восстание под предводительством И. Болотникова и именно там, под Кромами, отряды Болотникова нанесли серьезное поражение войскам царя Василия Шуйского и начали свое победное продвижение к Москве.

До настоящего времени нет удовлетворительного объяснения названия *Кромы*. В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» пишет, что название города Кромы значит «ткацкий стан». В таком значении слово *кромы* известно во владимирских говорах русского языка. Но подобное объяснение не кажется убедительным: город Кромы никогда не имел никакого отношения ни к ткачеству, ни к ткацким станкам.

В «Кратком топонимическом словаре» (М., 1966) В. А. Никонова для названия *Кромы* приводится два возможных значения: «крепость» и «граница». Но с первым значением «укрепление,

крепость, кремль» название Кромы связать нельзя, во-первых, потому, что название это первоначально относилось к реке — *Кромá*, а затем уже было дано и городу, поставленному на ней, в виде производной формы — *Крѣмы*. Впервые название *Крома* встречается в писцовой книге 1594 — 1595 годов по Орловскому уезду. В этой писцовой книге упоминается только река *Крома*, а населенный пункт с аналогичным или похожим названием отсутствует. Правда, название *Кром* встречается в Воскресенской летописи под 1147 годом: «И поиде ко Крому на Изяславичъ» (О Святославе). Здесь не уточняется, название ли это реки или города, но, независимо от того, вопрос об упоминании названия *Кром* в 1147 году решается отрицательно. Дело в том, что Воскресенская летопись составлена не ранее XVI века, а в более ранних летописях, например в Ипатьевской, при описании этого же похода Святослава название *Кром* отсутствует. Вероятно, оно было внесено в текст Воскресенской летописи не ранее XVI века, когда собственно и появился сам город. Особенно важно учесть тот факт, что в XVI веке была тенденция править более ранние летописные тексты при их переписке. Во-вторых, *Кромы* никогда не имели сильного крепостного укрепления, как некоторые другие города, например, Псков, Новгород. *Кромы* как пограничный пункт Русского государства сильны были не крепостными сооружениями, а большим количеством войска, несшим в Кромах «береговую» и вблизи *Кром* «сторожевую» службу.

Вероятнее всего, название *Кромы* происходит от слова *крома* «край, рубежная полоса, граница». В этом значении слово *крома* и его производные *кромка*, *кромина*, *кромница* были распространены, по свидетельству В. И. Даля, повсеместно. В «Словаре русских говоров Среднего Урала» (Свердловск, 1971) слово *крома* приведено как «край, конец чего-л.» В современном русском языке слово *кромка* «продольный край ткани, узкая полоска по краю ткани» сохранилось в сочетании *кромка льда*, и как специальное слово у плотников — «продольный край доски». В швейном производстве употребляется *покрѣмка* «край ткани». Слово *кромина* и *кромница* в литературный язык не вошли и в настоящее время воспринимаются как диалектизмы. Однокоренными словами с *кромка* являются: *крѣме*, *скрѣмный*, *укрѣмный*.

И название реки и название города известны и в другой форме — *Кром*: в указанной выше писцовой книге для реки приведены две формы *Крома* и *Кром*, в «Книге большому чертежу» (под редакцией К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950) река имеет формы *Кром*, *Крома* и *Кромы*, а на карте генерального межевания России, составленной в XVIII веке, и река и город приведены в форме *Кром*.

Происхождение названия *Кромы* от слова *крома* 'рубеж, край, граница' убедительно подтверждается и историческими данными. По свидетельству многих историков, например, С. М. Соловьева в «Истории России с древнейших времен» (М., 1959—1966); И. И. Смирнова в «Кратком очерке истории восстания Болотникова» (М., 1953) река Крома находилась на самой южной границе Русского государства с так называемым Диким Полем, откуда постоянно совершались набеги на русские города, расположенные по Оке, и даже на Москву. Река была своеобразной границей, на которой еще до постройки города было городище, и на это городище регулярно высылались «сторóжи» — наряды сторожевой службы из городов Карачева и Орла. О характере этого городища ничего не известно, возможно, оно было создано как укрепленный пункт на берегу реки Кромы незадолго до основания города, а поскольку оно находилось на реке Кrome, то и получило название *Кромское*.

Значение реки как границы и рубежа еще больше возросло, когда на ней был поставлен город Кромы (на месте Кромского городища), имевший в конце XVI века большое стратегическое значение. Город Кромы официально так и назывался «украпный город», то есть «окраинный», «пограничный». Среди других «украинных» городов (Белева, Болхова, Дедилова, Карачева, Новосиля, Орла и других) он был самым южным, самым пограничным.

Известны и другие случаи, когда реки на южных окраинах русского государства и населенные пункты на этих реках имели такие же названия, например в XVI веке в Каширском уезде: река Кромница, река Кроминка, река Кромница и на ней деревня Кромница.

Г. П. СМОЛИЦКАЯ

В состав большого числа древнерусских рукописей, так называемых кормчих книг, входит сочинение «Вопрошание Кириково» — памятник XII века, в котором затрагивались вопросы религиозных обрядов и церковных постановлений, выносились на обсуждение различные житейские правила и привычки. «Вопрошание» характеризует автора как человека не просто грамотного, а пытливого и деятельного. Никаких био-

графических данных о нем не имелось. Но в 1828 году митрополит Евгений опубликовал материал, названный «Сведение о Кирике, предлагавшем вопросы Нифонту». Так было открыто древнерусское произведение «Учение им же ведати человеку числа всех лет», написанное в 1136 году. Его автором был 26-летний дьякон Кирик, domestic (то есть регент) церкви Антониева монастыря в Новгороде.

КИРИК НОВГОРОДЕЦ

Личность новгородца Кирика во многом остается загадочной. Н. В. Степанов в 1909 году сделал попытку нарисовать его художественный образ. Она заслуживает внимания как пример, иллюстрирующий события примечательного для Новгородской истории дня — 19 июля 1136 года, когда новгородцы ждали приезда нового князя вместо прежнего. Вот что писал об этом Н. В. Степанов в статье «Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и I Новгородской летописям» (Чтения в Обществе истории древностей российских, 1909, М., кн. 4, стр. 38).

«В тот день утром, к приезду князя, на восточной стороне горизонта было солнце, а на западной стороне неба виднелась белесоватая луна 19-ти почного возраста. День, вероятно, был ясный. Настроение жителей было приподнятое. Они выгоняли Всеволода и ожидали приезда нового князя Святослава. Вероятно, приготавлилась торжественная встреча с крестным ходом, на встречу вышли монахи Антониева монастыря, этой только что построенной святыни Новгорода (построен около 6624 года). Во главе монастырского хора стоял domestic Кирик, худой, строгого и болезненного вида монах («худ бо есмь и болен» говорит он про себя в «Вопрошании Нифонту»).

Несмотря на свои 26 лет, он много занимался, писал свою статью «Учение им же ведати человеку числа всех лет...». Голова

его непрерывно занята. Он полон мыслями. Стоять праздно в ожидании князя он не может. Кирик наблюдает, думает, фантазирует. Видит ясное небо, на нем солнце и убывающая 19-ти ночная луна. Картина была замечательная! Оба светила присутствовали на торжестве встречи; еще замечательнее, что 19-ое число книжного месяца приходилось в 19 день небесного месяца.

Как отказать себе в удовольствии, и, возвратясь к себе в келью, под влиянием пережитого, не написать всего им наблюденного: описать положение солнца над горизонтом, выразив его по личным его, Кирика, соображениям в часах, отметить число ночей, прожитых луною, а кстати, чтобы вылить наружу полноту своих ощущений, как не пристегнуть сюда и „августовских календ“, которые он тоже знал!».

Рассказ Н. В. Степанова нуждается в пояснении. Слова «19-ое число книжного месяца приходилось в 19 день небесного месяца» означают следующее: на Руси с введением христианства в конце X века был принят так называемый юлианский календарь, основанный на солнечном годе. Начало фразы «19-ое число книжного месяца» соответствует дате 19 июля 1136 года по юлианскому календарю. Месяцы лунного года равны промежуткам между соседними новолуниями. Счет дней по солнечным (книжным) и лунным (небесным) месяцам, вообще говоря, не совпадает. В редком

случае сутки текущего «книжного» месяца, например, 19 июля 1136 года, могли прийти на те же по счету (девятнадцатые) сутки соответствующего лунного месяца. Нуждаются в разъяснении выражения «Луна 19-ночного возраста» и «августовские каланды». «Луна 19-ночного возраста» — речь идет о фазе луны, это — фаза луны спустя 19 суток после новолуния. Днем она исчезает с небосвода, но от этого не перестает существовать, а, следовательно, «расти». Утром 19 июля 1136 года, когда уже взошло солнце, луна в фазе, соответствующей ее 19-суточному «возрасту», еще могла быть видна.

В Древнем Риме первый день месяца получил особое название — *Calendae* (календа). Отсюда название — календарь. Известное выражение «до греческих календ» означает срок, который никогда не наступит, так как в греческом календаре календы не менялись. Н. В. Степанов говорит об «августовских каландах», как о чем-то «пристегнутом», то есть как бы лишнем. Действительно, в древнерусской хронологической практике датировка каландами встречается очень редко.

Летописный отрывок, на который ссылается Н. В. Степанов, таков: «М(с)ця июля в ѿ̑ пре(ж) дѣ каланда авгу(с)» (Новгородская харатейная летопись. М., 1964). Л. В. Черепнин в «Русской хронологии» (Л., 1944) следующим образом комментировал этот фрагмент: «...Каландами в Риме называли первые числа месяцев, причем календный счет велся не вперед, а назад. Приведенный летописный текст следует понимать в том смысле, что 19 июля является 14-м днем до августовских календ, т. е. до 1 августа». По-видимому, следует понимать: до 1 августа включительно, так как от утра 19 июля до утра 1 августа пройдет 13, а не 14 суток. Существо идеи римских календ заключается в уплате процентов по долгам 1-го числа каждого месяца. Очевидно, это можно было делать весь день. Липу, которое вело счет по календам, было важно знать, сколько осталось дней до уплаты процентов. Утром 19 июля в его распоряжении, включая день 1 августа, имелось 14 дней, а не 13. Вероятно, число 14 в летописном тексте учитывает эту возможность.

Краткие суммарные данные о творчестве Кирика приводятся Н. Н. Дурново во «Введении в историю русского языка»: «Кроме упомянутой выше Хронологической статьи [«Учения...» — Р. С.], нескольких летописных статей в Новгор(одской) летописи, может быть, переделки и продолжения Летописца Никифора..., ему принадлежат так назыв[аемые] Вопрошания Кирика». В этот перечень не вошла «Хронологическая таблица», расположенная в рукописях перед «Учением», авторство которой, по-видимому, следует приписать Кирику.

Если все перечисленное принадлежит одному лицу, то Кирик был выдающимся писателем и ученым XII века, обладавшим знаниями во многих областях: теологии, хронологии, летоиспании, средневековой вычислительной математике, греческой, болгарской и русской историографии. Однако не исключено, что к этому наследию «приложило руку» несколько лиц. Кто поручится, что в Новгороде примерно в одно время не могли жить, например, два Кирика, имевшие прямое отношение к церковной жизни и носившие одинаковые (или очень сходные) имена, и теперь принимаемые за одного человека? Большое значение для решения вопроса о творческом вкладе Кирика в науку имеет написанное им «Учение». «Учение» сохранилось в трех списках: Погодинском XVI века, Мазуринском XVIII века и Румянцевском — XIX века. Мазуринский список состоит из пяти пунктов, посвященных пяти единицам счета времени: году, месяцу, неделе, дню и часу. Здесь указывается, как выразить время, прошедшее от «сотворения мира», до года написания трактата (1136), в каждой временной единице. Этот текст входит и в остальные два списка, являясь их начальной частью.

В Румянцевском списке после раздела о счете времени идет часть, посвященная понятиям церковного календаря, в которой сообщается, например, об индикте — 15-летнем цикле. В средневековых текстах, помимо года, встречается также указание его порядкового номера (индикта) в пределах текущего пятнадцатилетнего цикла. В этом разделе говорится также о более сложных вопросах: солнечном, лунном и великом «кругах». В чем смысл этих понятий?

Церковь нуждалась в надежном календаре для своевременного отправления праздников. Некоторые праздники «перемещались» по временной шкале. Например, важный религиозный праздник пасха «подвижен». Его начало приходится на первое воскресенье вслед за весенним полнолунием, наступающим не ранее 21 марта (по старому стилю) и не позднее 18 апреля. Поэтому первый день пасхи бывает не ранее 22 марта ($21+1=22$) и не позже 25 апреля ($18+7=25$). Полный цикл «блужданий» дня пасхи в границах этого промежутка длится 532 года; затем порядок перемещений повторяется. Период в 532 года называется «великим кругом», он связан с солнечным и лунным «кругами» (28- и 19-летними циклами). Если перемножить последние числа, то получится величина длительности «великого круга» ($28 \times 19 = 532$), что неслучайно. Дело в том, что в календарном году содержится 52 недели и один или два дня, в зависимости от того, простой год или високосный. В этой связи всякий день недели юлианского календаря (например, первое

апрельское воскресенье), перемещаясь по различным числам, совершит периодический цикл в 28 лет. Луна точно в такой же фазе, в какой она была в день, например, 2 апреля, будет находиться вновь 2 апреля через 19 лет. Если 2 апреля приходилось на воскресенье, то в той же фазе луна будет в воскресенье 2 апреля через 532 года. Итак, вычисление дня пасхи представляет собой довольно сложную математическую задачу.

Сложность ведения церковного календаря привела к использованию в практике особых таблиц. Не исключено, что для определения дней церковных праздников в 1136 году Кирик мог воспользоваться готовыми таблицами (например, византийскими).

В Румянцевском списке имеется заключительный текст, где сообщается, что трактат написан в 6644 (=1136) году Кириком, при этом перечисляются всевозможные связанные с этим годом календарно-хронологические сведения. Например: сколько лет осталось до седьмого тысячелетия, сколько прошло солнечных, лунных и великих «кругов». Сообщается, что 6644 год — високосный, а также на какой день в нем приходится пасха, благовещение и петров день. В заключительной части указывается, что сочинение писалось в Новгороде, приводятся данные о тогдашних правителях: византийском царе Иоанне, новгородском князе Святославе Ольговиче и архиепископе Нифонте. В конце дается возраст Кирика во всех единицах счета времени: в годах, месяцах, неделях, днях и часах. Сведения первых двух частей приводятся в заключительной части в сжатом виде, что указывает на определенную практическую применимость этих данных.

Весь материал Румянцевского списка содержится в Погодинском списке. В последнем есть еще дополнительная статья «О дробном делении часа», которая расположена после второй части перед заключительным текстом «Учения». В этом фрагменте речь идет об оригинальной системе разделения часа на более мелкие части. Древнерусская система строилась по пятиричному принципу: каждая следующая единица составляла пятую часть предыдущей; всех мелких частей было семь. Самая мелкая древнерусская единица счета времени была меньше в 20 раз (округленно) нашей секунды.

Дополнительный текст, вероятно, не входил в первоначальный вариант «Учения», как его замыслил Кирик, а был в него вставлен еще в XII веке или добавлен позже. Этим объясняется существование различных по объему списков «Учения». Румянцевский список соответствует первоначальному варианту, Погодинский — дополненной редакции трактата, а Мазуринский является недописанной копией, содержащей общую всем спискам первую часть. Вывод о том, что в первоначальный вариант «Уче-

ния» не входил фрагмент «О дробном делении часа», подтверждается композиционной структурой произведения. Содержащиеся в Погодинском и Румянцевском списках первые две части «Учения» имеют теоретическое назначение, а заключительная часть — прикладное. В таком виде трактат Кирика производит впечатление законченности и полноты охвата темы об использовании данных о единицах времени и церковном календаре. Достигается это тем, что данные о единицах счета времени и сведения о теоретических основах календаря приведены в систему. Затем дается суммированная информация применительно к задачам хронологической практики. Фрагмент же «О дробном делении часа» выпадает из этой композиции, так как в заключительной части «Учения» о нем ничего не сказано. Наблюдения В. В. Иванова над стилем памятника также говорят в пользу высказанного мнения. В тех его частях, которые соответствуют предполагаемому первоначальному варианту, предпочтение отдается безличным оборотам. В дополнительном тексте по Погодинскому списку употребляются личные формы глаголов настоящего времени: разумѣти велью, азъ повѣдаю и другие.

Если первоначальный вариант «Учения» соответствовал Румянцевскому списку (что кажется достаточно вероятным), то произведение Кирика служило практической цели и было доказательством знаний автора в области церковной хронологии. Кирику удалось избежать неточности приводимых данных, излишней перегруженности сведениями, композиционной рыхлости.

Возможно, Кириком созданы не все приписываемые ему сочинения, а только некоторые из них. Окончательное решение вопроса зависит от историко-лингвистического исследования этих текстов в комплексе. Опыт изучения В. В. Ивановым языка Погодинского списка «Учения» показывает, что задача очень сложна, но перспективна. Огромный интерес и внимание к хронологии, как средству точного изложения событий, можно считать особенностью творчества средневекового писателя — ученого Кирика. Очевидно «Учение» было задумано им в качестве своеобразного средневекового трактата, аналогичного современным научно-популярным произведениям.

Р. А. СИМОНОВ
Рисунок В. Толстоногова

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

Памятники письменности представляют собой первостепенный источник наших познаний об истории народа и одновременно об истории его языка.

Памятники письменности — это рукописные книги разнообразного содержания, различные документы: официальные — грамоты, частные — письма. К письменным памятникам следует также отнести надписи, сделанные на различных предметах, обнаруженных в процессе археологических раскопок — сосудах, крестах, камнях, пряслицах (грузиках для веретен) и многих других вещах. Надписи на предметах являются ценным дополнением к памятникам письменности, их значение для воссоздания истории языка и культуры не менее важно.

С возникновением в XI веке Киевского государства, объединившего в своих границах большинство раздробленных до того времени восточнославянских племен, сложилась древнерусская народность, имевшая единый язык. Официальное принятие в X веке христианства на Руси способствовало ее приобщению к новой, передовой для того времени, христианской цивилизации, обладавшей высокоразвитой письменностью. Для совершения богослужений необходимо было множество книг, так же как и для приобщения к христианству нужна была обширная проповедническая литература. Имелись и другие, не носившие традиционно религиозного характера сочинения.

С принятием христианства на русскую землю из Болгарии был принесен алфавит и обширная литература. Вся эта литература могла функционировать на Руси потому, что древнерусский язык, на котором говорили наши предки, общий для русских, украинцев

и белорусов, был близок старославянскому, имевшему в то время уже обширную письменную традицию. Памятники церковно-религиозной литературы, переведенные с греческого на старославянский, переписывались древнерусскими писцами. Однако ни от IX, ни от X веков у нас не сохранилось непосредственных письменных свидетельств. Первые дошедшие до нашего времени рукописные книги относятся лишь ко второй половине XI века. Количество известных сейчас славянских, в том числе древнерусских рукописей, написанных в XI—XIV веках, составляет около 1500 экземпляров в нашей стране и значительно меньше в других странах.

Малочисленность дошедшего до нас древнерусского книжного фонда объясняется тем, что много книг погибало от пожаров, стихийно возникавших и выжигавших целые города. Гибли книги и от нашествия врагов, также безжалостно уничтожавших все на своем пути. В такие тяжелые времена оплотом обороны от врагов служили церкви и монастыри, их каменные стены являлись более или менее надежной преградой врагам и огню. В них-то и сосредоточивались различные ценности, в том числе и книги.

Рукописи и надписи писались кириллицей, одной из старославянских азбук; другая азбука — глаголица — также была известна древнерусским писцам, но менее распространена.

Древнейшие дошедшие до нас книги в основном церковно-богослужебные. Для службы в церкви пользовались обычно несколькими книгами: евангелием, служебными минеями, псалтырью, апостолом и некоторыми другими. По содержанию различаются евангелия тетр или четвероевангелия (их текст распадается на четыре части, в порядке изложения его четырьмя евангелистами) и евангелия апракос (от греческого слова *ἄπρακτος* 'недельный', в которых те же чтения расположены по дням недели, когда тот или другой отрывок должен произноситься при богослужении, начиная с пасхи). Служебные минеи — сборники, в них содержатся тексты богослужений на каждый месяц. Псалтырь — книга псалмов, использовалась также в качестве своеобразного учебника-хрестоматии при обучении грамоте и т. д.

Материалом, на котором написаны древние рукописи, был пергамен. Это — кожа различных животных, чаще всего телят, выделанная соответствующим образом. Получался очень прочный белый гладкий, удобный для письма материал, имевший большую ценность. О ценности этого материала можно судить по тому, что иногда рукописный текст смывался или соскабливался с пергамента и затем по смыслу или соскобленному писался другой, представлявший больший интерес или важность для писавшего. Рукописи, написанные по смыслу или соскобленному пергамену, называются палимпсестами, от греческих слов *παλιν* — 'опять, снова'

и ѿω — «скоблю». Пергамен обычно разрезался на листы, сшивавшиеся в тетради по восемь листов (16 страниц). Приготовленные для письма листы линовались металлическим или костяным тупым инструментом, похожим на шило, после предварительной разметки циркулем. Затем писец приступал к письму. Писал он обычно гусиным пером. Чернила, которыми написаны рукописи, в большинстве случаев имеют бурый оттенок. Приготавливались они из дубовых орешков с добавлением железа. Для заголовков и начальных букв отдельных статей — инициалов — чаще всего употреблялась красная краска — киноварь. С обычаем писать заголовки красной краской связан термин «красная строка», то есть, буквально, строка, написанная красным. Для миниатюр (рисунков) заставок, орнамента, а также инициалов, украшавших отдельные листы рукописной книги, использовались и другие краски различного состава. Наиболее богатые рукописи украшались золотом.

Старинные книги были написаны уставом — старейшим древнерусским почерком. Буквы устава крупные, красивые, четкие, имеющие геометрическую форму, без наклона. Текст писался без разделения на слова.

Чаще всего книги писались в монастырях, где нередко создавались своеобразные школы «книжного рукоделия». Писание книг обычно вменялось монахам в обязанность. Кроме того, в конце XI века, сначала в Новгороде, а затем и в других городах, складывается ремесло «книжных списателей», которым занимаются и мирские люди. Искусство создания книг на Руси было очень высоким. Писцы и художники вкладывали все свое умение и труд в эту работу. Об этом можно судить по самим древнерусским книгам, написанным с любовью и тщанием. Это относится не только к самому письму и миниатюрам, но и к переплету. Известны роскошно украшенные книги, написанные на великолепно выделанном пергамене. Заставки, инициалы и миниатюры этих книг необыкновенно изящны. Переплеты таких рукописей украшены золотыми или серебряными угольниками, эмалью и драгоценными камнями.

До нас дошло несколько записей в различных древнерусских книгах, свидетельствующих об уважении и любви к книжному слову. Так, в Летописи под 1037 годом — время княжения Ярослава Мудрого, одного из просвещеннейших князей древней Руси — имеется такая похвала ученью книжному: ...«Велика бо бывает полза от ученья книжного... Се бо суть рѣкы, напоюще вселенную, се суть исходяща мудрости, книгам бо есть неизщетная глубина, сими бо в печали утешаеми есмы».

Древнейшая сохранившаяся датированная книга — Остромирово евангелие, написанное в 1056—1057 годах. Название свое оно получило по имени новгородского посадника Остромира, для которого

*Остромирово евангелие
1056—1057 г. Инициал*

оно было написано. Писал его дьякон Григорий, сообщивший в приписке, оставленной в конце евангелия, о начале своей работы (21 октября 1056 года) и конце (12 мая 1057 года). На переписывание этой большой рукописи он потратил неполных семь месяцев. Текст Остромирова евангелия написан в два столбца. Инициалы сделаны художником, так же как и заставки. Помещены в нем три миниатюры с изображением евангелистов Иоанна, Луки и Марка. Лист, предназначенный для изображения евангелиста Матфея, остался незаполненным. Для рукописей, имеющих миниатюры, принято название «лицевые», то есть с изображением лиц, иллюстрированные. Особенно интересны инициалы Остромирова евангелия. Из переплетений, составляющих букву, выступают головы птиц, животных; из верхних частей букв В и Р выглядывают лица. Буквы нарисованы яркими красками с позолотой.

Место написания Остромирова евангелия неизвестно, переписчик дьякон Григорий его не указал. Мнения ученых по этому вопросу расходятся: одни считают, что оно было написано в Новгороде, другие — в Киеве. Неясным остается и его местопребывание до XVIII века, до того момента, когда оно обнаружено в Москве. В 1720 году Остромирово евангелие отправлено из Москвы в Петербург, в связи с указом Петра I о собирании «рукописных книг», где следы его опять надолго затерялись. Лишь в 1805 году оно было обнаружено в гардеробных комнатах Екатерины II и в 1806 году

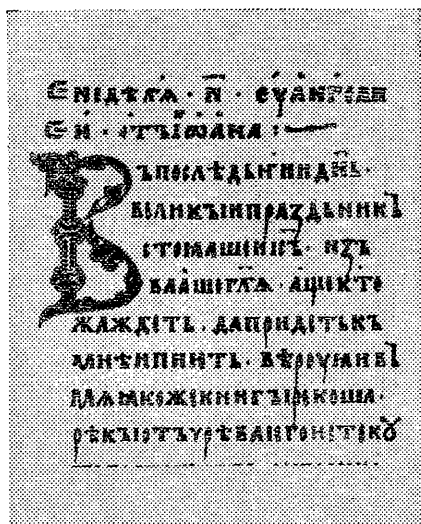
помещено в Отделе рукописей Публичной библиотеки. В 1932 году Остромирово евангелие похищено ворами, прельстившимися его драгоценным переплетом. Взяв переплет, воры забросили рукопись на один из шкафов. В настоящее время рукопись реставрирована, расплетена и хранится в специальной застекленной витрине.

Замечательным памятником письменности является также «Мстиславово евангелие», написанное, скорее всего, в Киеве (об этом нет соответствующей записи) в 1115—1117 годах для князя Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха, писцом Алексой. По содержанию это тоже евангелие апракос. Мстиславово евангелие, по мнению ученых, является наиболее точным славянским переводом евангелия апракос, содержащим чтения в наибольшей полноте. Среди сохранившихся с древнейших времен евангелий преобладающими являются евангелия апракос. Объясняется это их богослужебным характером, по ним велась церковная служба, и они должны были быть в каждой церкви. Мстиславово евангелие написано на хорошо выделанном пергамене четким красивым уставом в два столбца. Буквы и заставки украшены золотом. В книге помещены изображения четырех евангелистов. Рукопись заключена в роскошный старинный (но не XII века) переплет с золотыми бляхами, жемчугом, драгоценными камнями и эмальями.

Что же могут дать исследователю языка такие древние рукописи, как евангелия? Ценность их заключается в том, что они довели до нас из глубины веков тексты, написанные на родном языке. За прошедшие 900 с лишним лет язык этот не мог не измениться. Переписывая евангелия, переведенные с греческого языка на старославянский, писец старался сохранить текст подлинника без изменений. Так как язык переписываемой рукописи был близок его собственному, он неумышленно мог что-то заменить в переписываемом тексте, включив более употребительное и понятное из своего родного языка. Кроме того, переписчики книг иногда невольно вносили в рукописный текст присущие их языку особенности местного говора, позволяющие определить место написания рукописной книги. Сведения эти, собираемые по крупницам, необходимы как для воссоздания истории литературно-книжного языка, так и для истории народно-разговорного языка, со всеми его диалектными особенностями, более полные записи которого в пергаменной письменности мы напрасно пытались бы найти.

В некоторых вопросах свидетельства древних рукописей — единственный источник сведений по истории русского языка, так как местные особенности языка современных народных говоров, часто уходящие своими корнями в далекое прошлое, не сохранились, а родственные русскому языку другие славянские языки также полностью утратили отмеченные памятниками черты древ-

*Мстиславово евангелие
1115—1117 гг. (Инициал
написан ляпис-лазурью,
киноварью и золотом)*

него языка. Поэтому отражение речи писцов в текстах богослужебных книг представляет для историка языка особую ценность.

Замечательным свидетельством существования на Руси в древности обширной бытовой письменности, отражающей живую народную речь, явилось открытие археологами под руководством А. В. Арциховского в 1951 году новгородских берестяных грамот. В настоящее время количество их составляет 527 экземпляров. Обилие найденных берестяных грамот, принадлежавших рядовым новгородцам, писавшим о своих повседневных делах и заботах, говорит о широте распространения грамотности в те далекие времена.

Большое количество найденных берестяных грамот показывает, что на бересте велась не только бытовая переписка (частные письма на бересте преобладают), обнаружены также и деловые, хозяйственные документы: челобитные, списки должников, завещания и т. п.

Первая извлеченная из земли археологами грамота оказалась плотным грязным свитком бересты, на поверхности которой были видны четкие буквы. Эти буквы сохранились для читателя благодаря способу их написания: они были выдавлены на поверхности куска бересты каким-то тонким, но не очень острым предметом, чем-то вроде костяного шпильца. Если бы текст на бересте был написан чернилами, то вряд ли он дошел бы до нас, пролежав века в сырой земле. Впоследствии археологи обнаружили множество инструментов, предназначавшихся для письма на бересте. Они сделаны из кости, металла или дерева, выполнены в виде

стержней с отверстием, по-видимому, для подвешивания к поясу. Сейчас берестяные грамоты хранятся в Государственном историческом музее и в Институте истории АН СССР.

Березовая кора как материал для письма, на котором писали чернилами, известна еще до обнаружения археологами новгородских берестяных грамот. Бересту использовали для написания различных документов и книг, причем для книг березовая кора иногда расщеплялась на тонкие волокна; листки некоторых берестяных книг просвечивают, как папиросная бумага. Книги и документы, написанные чернилами на бересте, известны на Руси с XIV века.

Тексты сохранившихся полностью грамот, найденных во время археологических раскопок в Новгороде, невелики. Часть грамот представляют собой фрагменты, на других имеются лишь отдельные буквы. Почти все они не имеют дат.

Время написания новгородских берестяных грамот впервые было определено их первыми исследователями и издателями А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым. Датировались они в соответствии с данными археологии, в зависимости от обнаружения их на глубине определенного по своему характеру культурного слоя, соответствующего тому или другому веку. Палеографический и лингвистический анализы в ряде случаев позволили уточнить датировку берестяных грамот, предложенную археологами и историками.

На обложке помещен фрагмент одной из наиболее древних берестяных грамот, найденных в 1951 году. Она датируется XI—первой половиной XII века. Это частное письмо от Гостяты к Василью, написанное на куске березовой коры длиной в 25,5 см и шириной в 9 см. В начале письма поставлен крест, текст не разделен на слова. Здесь же помещена прорись этой грамоты, точная копия, сделанная художником, передающая особенности ее написания. Содержание грамоты учеными толковалось по-разному. Если имя Гостята считать женским, то смысл письма — жалоба жены на бросившего ее мужа; если Гостята мужчина, то письмо, по всей вероятности, написано сыном; жалующимся на отца, лишившего его наследства. Кроме того, прочтение четвертой строки письма, в зависимости от членения сплошного текста на слова, может быть неоднозначным.

Текст грамоты

От Гостяты к Васильви. Еже ми отьць даялъ и роди съдаяли
а то за нимъ а нынѣ вода новую жену а мѣнѣ не въдасть ничъ
то же избивъ руки пустилъ же мя а иную поялъ доеди добръ
сотворя

Перевод

От Гостяты к Василью. То, что мне отец дал и родственники дали [осталось] за ним. Ныне, взяв новую жену [он] не отдаст мне ничего. Далее возможны толкования: избил по рукам, или: развелся со мной, а другую взял; или: расторгнув брак, выгнал меня, а другую взял. Смысл выражения «в руки пустил» неясен. Ни в каких других письменных памятниках оно пока не встретилось. Последняя фраза: приезжай, будь добр.

Перед нами полностью сохранившееся частное письмо, вероятно, не представлявшее ничего загадочного для новгородцев, живших в XI—XII веках. Современный читатель, даже хорошо знакомый с большим количеством ранних новгородских письменных текстов, не всегда может найти в них соответствующие аналогии и проникнуть в смысл написанного.

Ознакомление с памятниками письменности канонического содержания и бытовой письменностью берестяных грамот помогает представить состояние древнерусского языка XI—XIV веков во всем его богатстве и разнообразии.

(Окончание следует)

Н. П. ПАНКРАТОВА

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Рукописи для публикации в журнале должны быть представлены в двух экземплярах, напечатаны на машинке через два интервала и подписаны автором.

После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес и телефон.

Объем статьи не должен превышать 8—10 страниц машинописи. Все цитаты должны быть тщательно выверены автором по источникам; ссылки даются в тексте, а не в подстрочных примечаниях.

Материалы, не принятые к печати, редакция не возвращает.

«БОРОДИНО» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

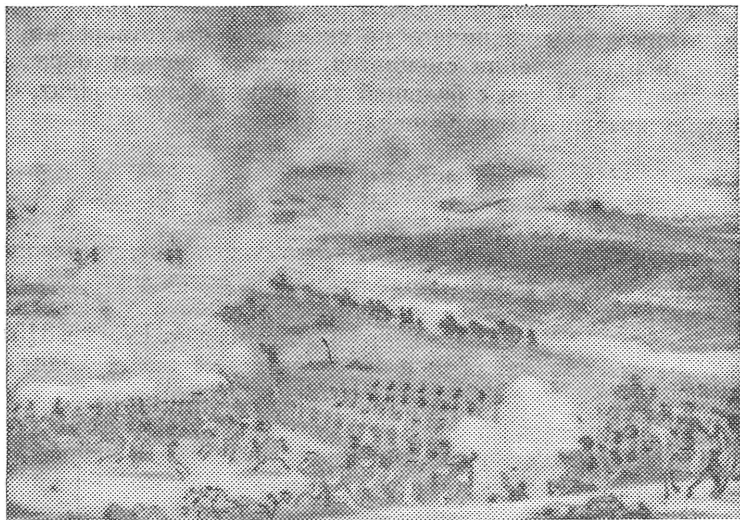
Война 1812 года была поистине великой войной. Россия вышла из нее победительницей.

Гордостью наполнились сердца тех, кто с горячей любовью относился к своему народу, верил в него. Среди них был Михаил Юрьевич Лермонтов, который еще семнадцатилетним юношей написал стихотворение «Поле Бородина» (1830—1831). Это был его первый отклик на величайшее событие в истории отчизны.

Стихотворение «Поле Бородина» раскрывает юношеский, романтический образ автора, восторженно откликнувшегося на великое событие. А через шесть-семь лет, уже зрелым художником, Михаил Юрьевич создает бессмертное «Бородино», выразив в нем все свои думы и чаяния о настоящем и прошлом России, о великой роли русского народа в истории своей страны. «Бородино» Лермонтова было откликом на славную годовщину — 25-летие Отечественной войны.

«Вся основная идея стихотворения, — писал Белинский о „Бородине“ — выражена во втором куплете, которым начинается ответ старого солдата, состоящий из тринадцати куплетов:

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Бородинский бой. Рисунок с натуры А. Мамонова (фрагмент)

Эта мысль — жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел» (В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IV. М., 1954).

Оба стихотворения — и «Поле Бородина», и «Бородино» — объединяет великая патриотическая мысль, которую в первом выражает «вождь», а во втором — «полковник»:

«Поле Бородина»

И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали,
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

«Бородино»

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

Романтическая, несколько отвлеченная фигура вождя, о котором больше ничего не сказано в стихотворении, в зрелом произведении сменяется реалистическим образом полковника. О нем с большой любовью говорит солдат, от имени которого ведется повествование:

Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

Народная, солдатская любовь к этому человеку выражена в разговорной лексике. *Хват* — бойкий, ловкий, удалой человек, с пометой разг. — такое объяснение этому слову дано в «Словаре русского языка» в 4-х томах (т. IV, стр. 815).

Выражение «он спит в земле сырой» тоже восходит к фольклору.

В «Бородине» чувства автора выражены в словах солдата, рассказывающего «про день Бородина», в «Поле Бородина» повествование ведется от имени автора. Этот прием дает возможность в первом стихотворении создать обобщающий образ русского солдата, который выражает чаяния и стремления, глубокий патриотизм, боевой дух, бесстрашие, верность долгу всего русского народа — победителя в страшной схватке с наполеоновской армией. Глазами солдата смотрит автор на поле битвы, гордится русскими богатырями: «Богатыри — не вы!»; «Уж постойм мы головою за родину свою!»; «Вам не видать таких сражений!...»; «Рука бойцов колоть устала, И ядрам пролетать мешала Гора кровавых тел»; «Изведал враг в тот день немало, Что значит русский бой удалый, Наш рукопашный бой!..». Устами солдата рассказывает М. Ю. Лермонтов о происходившем: здесь и *богатыри* — народный былинный образ, и фразеологический оборот *постоять головой*, характерный для разговорной речи, и эпитеты, выражающие эмоциональное отношение автора: *бой удалый, кровавые тела*.

В «Поле Бородина» прием передачи содержания от имени автора позволяет нам глубоко почувствовать противоречивые переживания юного Лермонтова: ужас, отчаяние при виде гибели людей и в то же время гордость победителя, свидетеля русской славы. Все эти чувства наполняют его ум и сердце:

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомя, леденю весь.
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.

Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
Перекрестился я.
Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщения тряслася,
И пуля смерти понеслася
Из моего ружья.

Обращаясь к павшим, он говорит:

Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремит Бородино.

Глубина переживаний поэта выражена ярким, образным языком его стихотворения (здесь и метонимия: «Что Чесма, Рымник и Полтава?», «Все громче Рымника, Полтавы Гремит Бородино», и антитеза: «Там души волновала слава, Отчаяние было здесь», и гипербола: «Рука бойцов колоть устала, И ядрам пролетать мешала Гора кровавых тел», «Живые с мертвыми сравнялись»). В последнем выражении гипербола усилена антитезой *живые и мертвые*.

В типично романтическом, возвышенном стиле предстает перед читателем конец стихотворения:

Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
Изгладится оно.

Глас, очи — устаревшие поэтические слова, характерные для возвышенного стиля.

Неясным представляется и выражение *сыны полночи*, как неясен и образ вождя, ведущего их в бой. Метафорическое выражение *небес погаснут очи* придает отвлеченной картине, созданной в этих строках, особое величие.

Картина боя передана в обоих стихотворениях по-разному. Стихотворение «Поле Бородина» состоит из шести строф, «Бородино» — из четырнадцати. Большой объем второго стихотворения позволил Лермонтову полнее дать панораму Бородинского сражения. Но главное различие — в характере повествования, в выборе языковых средств, которыми пользуется автор.

В «Поле Бородина» события характеризуются несколько расплывчато и не всегда достаточно выразительно, в «Бородине» язык безупречен, картины предстают перед глазами подобно полотнам живописца. Сравним:

«Поле Бородина»

Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумела буря до рассвета;
Я, голову подняв с лафета,
Товарищу сказал:
«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика, как песнь свободы».
Но, вспоминая прежние годы,
Товарищ не слышал.

«Бородино»

...И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.
Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И далее:

«Поле Бородина»

Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар неожиданный
На батарею прилетел.

«Бородино»

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.

В стихотворении «Поле Бородина» Лермонтов выражает глубокую тоску по свободе, слыша в буре ее песню, создавая романтический образ бури — борьбы.

В «Бородино» рассказ солдата-артиллериста захватывает читателя динамичным, взволнованным тоном повествования. Языковые средства «Бородина» намного богаче и главное — они служат реалистическому повествованию, яркому воплощению мысли о величии русского национального характера. Простодушный солдат выразительным народным языком остро и метко характеризует «день Бородина». Он использует яркую метафору, передавая нетерпение воинов в ожидании боя:

...Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?

Наконец, пришло время битвы: «И вот нашли большое поле: Есть разгуляться где на воле!». Как щедро, размашисто охарактеризована русская удаль в этих словах! Народные выражения следуют одно за другим: «У наших ушки на макушке!», «Французы тут как тут», «Постойка, брат мусью!», «Что толку в этакой безделке?», «Уж мы пойдем ломить стеною».

А сколько образных сравнений использует Лермонтов, вкладывая их в уста солдата: «Сквозь дым летучий Французы двинулись, как тучи»; «Носились знамена, как тени». Метафоры позволяют Лермонтову сделать язык ярким, образным, убедительным: «*угощу* я друга», «*сверкнул* за строем строй», «картечь *визжала*», «*считать* мы стали раны, Товарищей считать». Богато «Бородино» и эпитетами: *схватки боевые*, *плохая доля*, *дым летучий*, *бой удалый*; *могучее*, *лихое племя*. Динамичность, живость повествования в «Бородине» создается благодаря обилию глаголов и глагольных форм в тексте (деепричастий, кратких страдательных причастий, полных причастий). В какой-то мере это характерно и для «Поля Бородина». Но в «Поле Бородина» преобладают сложносочиненные предложения, а в «Бородине» использовано все богатство синтаксических средств русского языка.

Т. В. НАПОЛЬНОВА

ТЕКСТОВОЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ЗАНЯТИЙ ПО ПУНКТУАЦИИ

На каждом этапе работы при обучении пунктуации (объяснение нового правила, закрепление его на первом уроке, дальнейшее закрепление этого правила, повторение и закрепление знаний и навыков, углубление и проверка знаний и т. д.) необходим такой материал, который своими грамматическими особенностями отвечает требованиям именно этого этапа работы.

Так, например, к правилу — употребление двоеточия и тире при однородных членах с обобщающим словом — целесообразно подобрать такие примеры-предложения, в которых обобщающие слова выражены различными частями речи, одним словом, сочетанием слов и занимают не только первое место после перечисленных однородных членов. В процессе повторения правил постановки двоеточия и тире в предложении с обобщающим словом при однородных членах разнообразие примеров должно постепенно нарастать и усложняться.

Объясняя новое пунктуационное правило, следует привлекать для анализа такие примеры-предложения, которые не перегружены знаками препинания на неизучаемые правила, а знак препинания на объясняемое правило выступает яснее, не заслоняется другими знаками.

Отрабатывая навыки правильного выделения запятыми обращений, мы использовали следующий текстовый материал: «Андрей, сегодня состоится демонстрация молодежи»; «Товарищи! Мы поднимаем сегодня наше знамя ра-

зума, правды, свободы» (А. М. Горький); «Расти, цвети и силу множь в Стране Советов, молодежь!» (С. Васильев); «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия!» (А. С. Пушкин); «О Волга! После многих лет я вновь принес тебе привет» (Н. А. Некрасов); «Он был, о море, твой певец» (А. С. Пушкин); «Поэта дом опальный, о Пушкин мой, ты первый посетил» (А. С. Пушкин).

Но при закреплении изученного правила соответствующий знак препинания должен выступать в более сложной пунктуационной ситуации, то есть вместе с другими знаками препинания (на изученные правила) в одном и том же предложении. Например: «С добрым утром, милый город, сердце родины моей!» (В. И. Лебедев-Кумач); «Как я люблю, Кавказ мой величавый, твоих сынов воинственные нравы, твоих небес прозрачную лазурь и чудный вой мгновенных, громких бурь!» (М. Ю. Лермонтов); «Дробись, дробись, волна ночная, и пеной орошай брега в туманной мгле» (М. Ю. Лермонтов); «Куда ты, светлый ручеек, стремишься? Чего в долине ищешь той? Постой, поговори со мной» (А. А. Фет); «Простите, мирные долины, и вы, знакомых гор вершины, и вы, знакомые леса; прости, небесная краса, прости, веселая природа» (А. С. Пушкин).

И чем больше временной интервал между первоначальным изучением конкретного правила и его закреплением, тем больше необходимо усложнять текстовой материал другими знаками препинания на изученные правила. Вот примеры текстового материала для подобного закрепления правил постановки двоеточия и тире в бессоюзном сложном предложении:

«Растение — живой организм: оно питается, растет и размножается»; «У разных растений строение органов различно. Все органы имеют большое значение в жизни растений: при помощи одних органов растение питается, при помощи других — размножается»; «В первые дни своей жизни проросток может жить без почвы: он питается органическими и минеральными веществами, заключенными в семени»; «Стебель является важным органом растения: он выносит листья к свету; по стеблю идет передвижение питательных веществ в растении»; «И услышал весь мир слова великие, простые: врага отбросила Москва, и спасена Россия» (А. Т. Твардовский); «Впереди пробирался старшой, подавая команду осторожным движением руки: поднимет руку над головой — все тотчас оста-

навливались и замирали; вытянет руку в сторону с наклоном к земле — все в ту же секунду быстро и бесшумно ложилось; махнет рукой вперед — все двигались вперед; покажет назад — все медленно пятились назад» (В. Катаев); «Читатель, басни сей мысль самая простая: равенство в любви и дружбе — вещь святая» (И. А. Крылов); «Путь Украины — гордый путь, орлиный: с Москвою дружит Киев триста лет» (В. Бычко).

При повторении и проверке усвоения пунктуационных правил, изученных в последнее время (будет ли это предупредительный, объяснительный, выборочный или контрольный диктант, будет ли это изложение или пунктуационный разбор — все равно), необходимо подбирать такой материал из отдельных предложений и связного текста, который бы охватывал основные вопросы пунктуации, изученные раньше, с включением новых. Именно с учетом этого должны строиться все упражнения по пунктуации. И это в значительной мере является уже условием, обеспечивающим правильную постановку повторения, закрепления и учета знаний, что, в свою очередь, обеспечивает высокую грамотность учащихся.

Кстати, следует отметить, что в период работы над пунктуацией, забота об орфографической грамотности учащихся не должна покидать учителя ни на одну минуту. Поэтому весьма целесообразно сочетать решение пунктуационных и орфографических задач, используя один и тот же текст.

Изучение пунктуации, а также закрепление навыков пунктуации разнообразными тренировочными упражнениями могут и должны проводиться как на отдельных предложениях, так и на связных текстах (в зависимости от надобности).

Первоначальное изучение пунктуационного правила (объяснение, вывод правила) в большинстве случаев может и должно идти на материале отдельных предложений. Однако в редких случаях объяснение нового правила может идти только на связном тексте (например, правила употребления многоточия, сочетания вопросительного и восклицательного знаков).

Первоначальное закрепление знаний большинства правил можно проводить как на материале отдельных предложений, так и на связных текстах. Но связные тексты следует подбирать такие, которые были бы достаточно насыщены знаками препинания на правила, изучаемые в дан-

ный момент. Для контрольного диктанта по целому ряду разделов лучше взять связный текст, который ближе к естественным условиям письменной речи.

На материале отдельных разрозненных предложений можно проверить знание правил, но нельзя основательно проверить умение применять эти правила при письме в связной речи. Учащихся мы вооружаем теми знаниями, которые нужны в жизни. В жизни же значительно чаще приходится записывать связные мысли. Поэтому проверять умение учащихся применять пунктуационные правила целесообразно на материале связного текста.

Каждый конкретный этап работы требует соответствующего для себя материала. Если первоначальное изучение и закрепление тех или иных правил может и должно проводиться на материале отдельных предложений и связного текста, то на втором этапе тренировочных работ по закреплению уже основательно повторенных, систематизированных правил пунктуации нужно обращаться преимущественно к связным текстам, но основательно насыщенным знаками препинания на необходимые правила с достаточным их разнообразием. Значительное место должны занимать и собственные связные тексты учащихся (изложения, сочинения и прочие самостоятельные творческие работы учащихся).

Разумеется, текстовый материал должен способствовать решению не только обучающих, но и познавательных, и воспитательных задач. Передовые учителя, мастера педагогического дела, в своей практической работе всегда учитывают это. Так поступают учителя-словесники 166-й школы Ленинграда А. П. Мясникова и В. И. Барботкина на своих занятиях по русскому языку. Приведем ряд примеров, которые они использовали в процессе изучения пунктуации при однородных и обособленных второстепенных членах предложения:

«Школьную парту сконструировал не инженер, а врач — русский ученый-медик Федор Федорович Эрисман»; «Более ста лет назад, в 1863 году, в Лондоне по первым рельсам, проложенным под землей, прошел паровичок, таща за собой цепочку вагонов»; «Детской игрушке, найденной археологами на территории Древней Персии и хранящейся сейчас в Лувре, насчитывается три тысячи лет»; «Барьер, образуемый коралловыми рифами у северо-восточного побережья Австралии, достигает 22000 метров»; «Летучие рыбы, встречающиеся в тропических морях, спасаясь от хищников,

выскакивают из воды и „пролетают“ при благоприятном ветре до двух-трех метров»; «Не только морские, но и сухопутные птицы перелетают без отдыха через Тихий океан»; «Родина кофе — Африка. Культивируют кофейные деревья во многих странах: Бразилии, Колумбии, Индии».

Действительно, использование таких примеров дает возможность не только изучать синтаксис и пунктуацию, но и расширять познания учащихся об окружающем мире, развивать у них интерес к предмету.

Ленинградская учительница Васильева А. Н. (школа № 236) обладает большим опытом воспитательного воздействия на учащихся с помощью текстового материала, который она привлекает на занятия по синтаксису и пунктуации.

Приведем ряд примеров, использованных ею на своих уроках:

«Станция „Луна-9“, выполнившая намеченную программу исследования Луны, есть новое выдающееся достижение советской науки и техники»; «Встают ряды домов, снимаются леса, и, кто в Москве хотя бы месяц не был, тот ахнет, увидав, какие чудеса воздвигли люди под московским небом»; «Социализм принес советским людям все: и образование, и просвещение, и право на труд, на отдых. Ничто не тяготеет над советским народом: ни страх безработицы, ни боязнь нищеты. В нашей стране забота о человеке, забота о благе человека — вот что является высшей целью партии и государства. Везде: в промышленности и сельском хозяйстве, просвещении и здравоохранении — советские женщины находятся в первых рядах строителей коммунизма».

Как видим, эти и подобные им примеры помогают учительнице не только изучать с учащимися пунктуацию при однородных членах предложения, при обособленных второстепенных членах предложения и в сложноподчиненном предложении, но и воспитывать учащихся в духе патриотизма.

Стало быть, возможно и нужно подбирать такой текстовой материал для занятий по русскому языку, в частности по пунктуации, который, кроме решения обучающих задач, в той или иной мере способствует решению познавательных, воспитательных задач.

На уроках русского языка учащиеся осмысливают строй литературного языка, грамматические законы, а на уроках литературы знакомятся с лучшими образцами литературной речи. Поэтому на уроках по изучению пунктуа-

ции, как и вообще на уроках русского языка, необходимо чаще привлекать тексты лучших произведений русской классической и советской литературы, которые отличаются глубоким идейным содержанием, большими художественными достоинствами и стилистическим совершенством. Целесообразно брать тексты из тех произведений, которые уже изучены или изучаются в данное время.

Однако следует приводить примеры из научной и деловой речи (из газетных, журнальных статей и т. д.).

Всякий текстовый материал должен быть ясным, понятным, убедительным, образцом правильной русской речи.

Профессор А. Ф. ЛОМИЗОВ

ХРОНИКА

Заседание Международного комитета славистов

По приглашению Комитета славистов ГДР в Берлине и Баутцене со 2 по 8 сентября 1975 года состоялось очередное, XVII пленарное заседание Международного комитета славистов (МКС), в котором приняли участие слависты 23 стран. Советскую делегацию представляли следующие ученые: вице-председатель МКС, председатель Советского комитета славистов (СКС) академик М. П. Алексеев (руководитель делега-

ции), член МКС, председатель Белорусского комитета славистов член-корреспондент АН БССР М. Р. Судник, заместитель председателя СКС член-корреспондент АН СССР Д. Ф. Марков, ответственный ученый секретарь СКС доктор филологических наук А. Н. Робинсон, старший научный сотрудник Секции общественных наук Президиума АН СССР кандидат филологических наук В. С. Барахов.

На заседании был заслушан и одобрен отчетный доклад секретариата МКС о VII Международном съезде славистов (Варшава, 1973), а затем МКС приступил к основной задаче — разработке и утверждению научной тематики VIII Международного съезда славистов, который намечено провести в Югославии (Загреб — Любляна) летом 1978 года. По предложению советской делегации и при поддержке славистов других стран был расширен проект

тематики съезда славистов, составленный руководством МКС. Особое место во всех секционных заседаниях VIII Международного съезда славистов займет творчество Л. Н. Толстого, 150-летие со дня рождения которого будет отмечаться в 1978 году. (Полный утвержденный текст тематики съезда опубликован в журналах: «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1975, № 6 и «Вопросы языкознания», 1976, № 1.)

На заседании также обсуждался вопрос о деятельности международных славистических комиссий, работающих под общим руководством МКС. Академик М. П. Алексеев представил отчеты трех комиссий, работающих в Советском Союзе, которые получили общее одобрение: Общеславянского лингвистического атласа (председатель член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов), Балто-славянских отношений (председатель академик Литовской ССР К. П. Корсакас) и Истории славистики (председатель член-корреспондент АН СССР Д. Ф. Марков).

Для участников совещания МКС были организованы интересные экскурсии в музей Пергама, в Баутцен — город сербо-лужицких славян, дом-музей Г. -Э. Лессинга, в Дрезденскую картинную галерею. В Берлине в честь участников совещания устроили приемы: вице-президент АН ГДР академик В. Калвейт, ректор Университета имени А. Гумбольдта профессор Д. Вирбергер, в Баутцене — мэр города В. Мюллер.

На следующем, XVIII заседании МКС, которое намечено провести 5—11 сентября 1976 года в Мюнхене (ФРГ), на основании тем докладов,

выдвинутых национальными комитетами славистов, будет утверждена окончательная программа VIII Международного съезда славистов.

Н. М. Волкова

Международный семинар русского языка

Каждой осенью, вот уже двенадцать лет подряд, Союз журналистов СССР и факультет журналистики Московского университета им. М. В. Ломоносова проводят Международный семинар русского языка для журналистов социалистических стран. За эти годы на семинарах побывало около 500 работников газет, журналов, информационных агентств, телевидения и радиовещания из Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, Чехословакии и Югославии.

В сентябре 1975 года в Москве проходил очередной, XII Международный семинар работников печати братских стран по изучению русского языка, в работе которого приняли участие 72 журналиста. Программа семинара была очень разнообразной и богатой по своему содержанию.

Сейчас, когда весь советский народ готовится достойно встретить XXV съезд КПСС, особый интерес у журналистов социалистических стран вызвали лекции, которые были посвящены этому важному событию в жизни нашей страны, задачам советской печати в связи с развернувшейся подготовкой к съезду. С докладом

перед журналистами братских стран «Задачи советской печати в подготовке XXV съезда КПСС» выступил заведующий сектором газет Отдела пропаганды ЦК КПСС И. А. Зубков. Инструктор Отдела пропаганды ЦК КПСС В. А. Алексеев прочитал доклад «Советская печать и социалистическое обновление».

Ведущие преподаватели МГУ и Академии общественных наук при ЦК КПСС профессора Я. Н. Засурский, А. В. Западов, Б. Д. Дацюк, Б. И. Есин, А. Г. Бочаров, В. А. Ковалев, Д. Э. Розенталь, доценты А. В. Калинин, Э. Г. Бабаев выступили перед слушателями с лекциями по актуальным проблемам теории журналистики, литературы и языкознания. Были прочитаны лекции о редакторской деятельности В. И. Ленина, о борьбе с буржуазной идеологией, о современной советской литературе, о зарубежной коммунистической печати, о публицистике Салтыкова-Щедрина, о творчестве Л. Толстого и Достоевского, о лексике современной русской газеты, об основных тенденциях развития современного русского литературного языка.

Ежедневно проводились практические занятия по русскому языку, которые вели преподаватели кафедры стилистики русского языка С. В. Светлана, А. Б. Аникина, В. И. Кононова, Г. С. Шалимова, Т. В. Шанская. За месяц учебы на семинаре журналисты лучше узнали русский язык, нашу страну, ее культуру, историю, печать, промышленность, сельское хозяйство, повысили свое профессиональное мастерство.

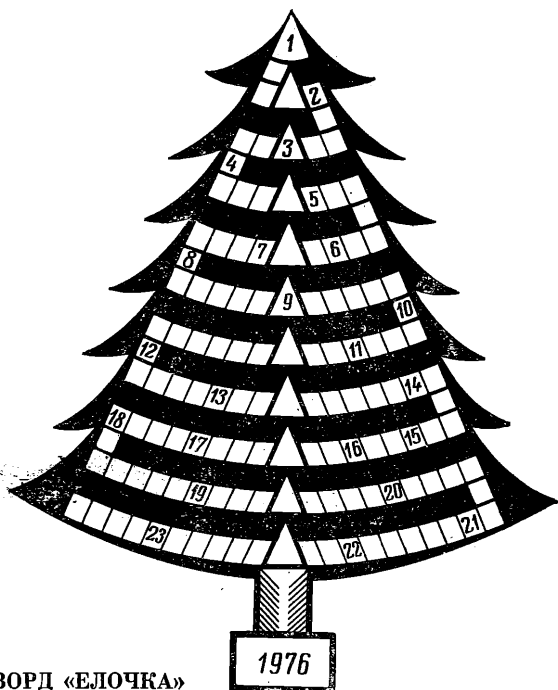
Журналисты познакомились с работой редакций газет «Правда», «Известия», «Ли-

тературная газета», журналов «Новое время», «Крокодил». Они побывали в Останкинском телецентре и во Всесоюзном радио, в московских театрах и музеях. Особый интерес у журналистов вызвали экскурсии на завод «Компрессор», в совхоз «Коммунарка», в один из подмосковных колхозов, где прошли теплые и дружеские встречи с рабочими и работниками сельского хозяйства. Журналисты ездили в Ленинград, где познакомились с историей и героическим прошлым, с замечательными музеями города. Слушатели посетили старинные русские города Владимир, Суздаль, Загорск.

Все эти наблюдения легли в основу письменных работ, написанных на русском языке, в которых журналисты говорили о том, что они видели в СССР, что на них произвело самое сильное впечатление. Письменные работы были обсуждены на занятиях семинара, в ходе обсуждения возникли интересные дискуссии по профессионально-журналистским, стилистическим и редакторским вопросам.

Чувства всех участников семинара хорошо выразил польский журналист А. Яблоновский: «Трудно написать обо всем, что я увидел в Москве, чем я был восхищен. Москва — это город, о котором можно говорить и писать без конца. Надеюсь, что хотя бы часть моих впечатлений я использую в своей журналистской работе, в беседах с коллегами. Месяц занятий на курсах был полезен не только для изучения русского языка, но и для знакомства с общественной и культурной жизнью Советского Союза. Этого я никогда не забуду».

А. Вомперская

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Фамилия (наследственное имя семьи) у русских, хотя и существует несколько веков, но долго оставалась привилегией только меньшинства. У крепостных крестьян «уличные фамилии» возникали, но не признанные официально и не записанные, они менялись, у одной семьи оказывалось их несколько. Даже и позже в стране были миллионы бесфамильных. По нашему действующему закону фамилия обязательна для каждого.

Почти все фамилии не избраны самими носителями их, а даны со стороны. Одни возникали стихийно, другие записаны канцелярским или иным начальством. Конечно, никто не может отвечать за фамилию, полученную его прапрадедом. Да и нет какого-либо соответствия между человеком и его именем: Дураков может быть очень умным, а Мудрецов — глупцом. И сами имена Дурак, Мудрец, от которых пошли эти фамилии, не характеризовали их носителей. Имена, кажущиеся сегодня оскорбительными, в прошлом не были такими. В старинных документах обычны записи: «свидетель Дурак показал» или «по приказу покойного мужа и господина моего Негодяя дарю в монастырь деревню». Первоначально так называли, чтобы обмануть злых духов, охотящихся за детьми: хорошего заберет, а негодяя (то есть непригодного) оставит родителям. А затем эти имена стали только именами: сегодня, давая имя Андрей или Елена, никто даже не задумывается: а что значили эти имена?

Многие ли знают: откуда взялась и что означала при своем возникновении их фамилия? Можно сказать без ошибки, что объяснить происхождение большинства фамилий даже и ученым нелегко, а иногда и невозможно. Особенно коварны кажущиеся

самыми легкими: Дорожкин, Дворников, Волков, Мамонтов, Телегин. Как будто совершенно прозрачны: «Ну, конечно, от хорошо известных нарицательных *дорожка, дворник, волк, мамонт, телега*». А это как раз неверно!

Обычно интерес к фамилии ограничен вопросом «из чего?». Но если даже известна действительная основа, этого совершенно недостаточно для понимания, — все вопросы еще впереди: «почему?» и «как?». Да именно от ответа на них зависит и решение «из чего?». Первый Щукин был ли рыбаком или торговцем рыбой, любил ли есть щук или чем-то был похож на щуку? Фамилия возникла не из нарицательного *щука*, а из нецерковного мужского личного имени Щука, впервые *щукин* — отчество в форме краткого притяжательного прилагательного, которое отвечало на вопрос «чей?». В абсолютном большинстве русские фамилии произошли из отчеств. Однако напрасно представлять отчества в современной форме *-ич, -ович, -инич*. До середины XVIII века именоваться с *-ич* разрешалось только самым высшим чинам. Еще и в середине XIX века основная масса населения обходилась отчеством в форме краткого притяжательного прилагательного на *-ов, -ин*. И на вопрос об имени и отчестве демократ Базаров отвечает: Евгений Васильев (Отцы и дети). Для любителя безразлично — Казанцев или Казанский, а это фамилии совершенно разного типа: фамилия Казанцев одного происхождения не с Казанский, а с Иванов, Кузнецов, Зайцев, Уральцев. Этимологически — это отчества, тогда как фамилии на *-ский* (тоже прилагательные, но не притяжательные, а относительные) выражали совсем иные отношения. Не различать этого, значит, путать барана с бараниной, а баранину с баранкой.

Не менее важна история фамилии: где распространена, в какой социальной среде, насколько часта. Это не интересовало пенкоснимателей, спекулировавших на любительском интересе: «А что значила?». Объяснить значение того слова, от которого образована фамилия — не единственная и даже не главная задача. Не менее важна судьба фамилии, ее связь с определенными социальными слоями, ее географическое распространение и многое другое. В популярном журнале по языкознанию особенно важно на примерах фамилий показать процессы словообразования, исторические и диалектные черты лексики и фонетики. Конечно, нет нужды делать все это по каждой фамилии. Да и не по каждой фамилии можно заполнить всю эту «анкету»; география русских фамилий едва затронута исследователями, частотность фамилий почти полностью неизвестна. Моим сплошным подсчетом 400 тысяч носителей разных фамилий предшествовал единственно

лишь подсчет Б. Г. Унбегауна (22 тысячи жителей по книге «Весь Петербург» 1910).

Пожалуй, самое трудное здесь — отобрать те немногие, какие можно поместить на этих страничках, из всего необъятного множества фамилий. Собранные мной сто с лишним тысяч фамилий, хотя и охватывают (как показали проверки) больше $\frac{9}{10}$ всего русского населения, но составляют едва ли одну десятую часть всех фамилий у русских: грандиозно количество фамилий, принадлежащих всего лишь нескольким человекам, а фамилии «миллионщицы» (Ивановы, Смирновы, Кузнецовы и несколько других) единичны. В словник своего «Словаря русских фамилий» (точнее — фамилий русского населения), я отобрал 70000 фамилий. Нет надежды на издание этого словаря — он составил бы три тома в объеме наших энциклопедий. Отбор немногочисленного для публикации в журнале — стремление показать разнообразие фамилий. Могущее показаться случайным, обусловлено планом отбора: дав фамилию Васильев, можно поэтому опустить многие фамилии от других канонических (то есть установленных господствовавшей православной церковью) имен; указав в заметке диалектную основу, в других предпочтительно дать примеры иного происхождения и т. д.

Необходимо еще учитывать, что 2200 фамилий на букву А уже опубликованы мной как «Опыт словаря русских фамилий» в сборниках «Этимология» с 1970 по 1975 год; дальше фамилии Арсланов и до конца буквы А выйдут в следующем томе (1976), здесь приведены некоторые из них и фамилии на последующие буквы. При их отборе исключены рассмотренные в словарице Ю. А. Федосюка «Русские фамилии» (М., 1972), к которому читатели могут обратиться; исключения составляют те случаи, когда, на мой взгляд, его объяснение спорно или крайне недостаточно. По условиям популярного журнала, естественно, текст статей Словаря значительно изменен, очень многим пожертвовано, в частности, библиографией.

Арутюнов — переоформленная русским суффиксом *-ов* армянская фамилия Арутюнян (из армянского *арутюн* 'воскрешение, возрождение').

Аршинников — этимологически отчество «сын аршинника»; в прошлом *аршинник* — 'торговец тканями' (мерой служил аршин); раннее из до-

шедших до нас свидетельств — в документе 1683 года по г. Дедилов, но это могла быть еще не фамилия, а отчество.

Асадов — образованное русским суффиксом *-ов* отчество из мужского личного имени Асад (араб. 'лев' переносно 'богатырь, могучий'), распространенного исламом у му-

сультанских народов Кавказа, Поволжья, Средней Азии и т. д. Фонетический вариант того же имени с оглушением конечного согласного стал основой фамилии Асатов.

Асланов — отчество с русским суффиксом *-ов* из тюркского мужского личного имени Аслан, в основе которого *аслан* 'лев' (из *арслан*, выпадение *р* произошло еще в тюркских языках, например, в азербайджанском).

Астапов — образованное суффиксом *-ов* отчество из обиходной формы Астап (Остап) от канонического мужского личного имени Евстафий (греч. 'устойчивый, постоянный'). Из других форм того же имени развились фамилии: Астапенко(в), Астапкин, Астафичев, Астафьев, Астахов, Асташев, Асташенков, Асташкин, Асташков, Евстафьев, Останин, Останкин, Остапов, Остапушкин, Осташев, Осташков, Стафеев, Стахеев и многие другие (некоторые — результат контаминации с другими именами, например Стахей). В России XVI—XVII веков преобладало написание с начальным *О*.

Бабаков — исторически отчество от прозвища или нецерковного мужского личного имени Бабак, основой которого могло быть или название крупного грызуна в степной полосе или тюркское слово (сравните: татарское *бабакай* 'дедушка'), но есть еще и чешское *babak* 'бука, страшилище'. В Харьковской области есть три села Бабаки, в Сумской — два села Бабаково.

Бабин — отчество от нецерковного мужского личного имени Баба; это имя было частым в Польше с XIV века; фамилия или еще отчество Бабин нередко в докумен-

тах: новгородский крестьянин Ивашко Бабин — 1495 год; московский домовладелец Григорий Бабин — 1504 год; шуйский торговый человек, Федор Бабин — 1634 год; тогда же Осина Бабин в Тотме. Не исключено значение 'сын бабы' — то есть повивальной бабки (акушерка того времени).

Бавин — отчество от прозвища Бава, из диалектного *бава*, значения которого были различны: 'медлительный, мешкотный' (псков., твер.), 'обилие, довольство' (рязан.), 'забава' (орлов., курск.).

Бабкин — притяжательное прилагательное от прозвища Бабка, имеющего много значений в русских говорах (см. «Словарь русских народных говоров», в. 2, Л., 1966). Не исключено именование *бабкин* в значении 'сын повивальной бабки' (акушерка). Документирована фамилия с XVI века.

Багасв — отчество от прозвища Багай из диалектного *багай* 'шалун, озорник'.

Багин — вероятно, отчество от прозвища Бага. Но о нарицательном *бага* есть лишь единственное упоминание — запись Ф. Виноградова по Горбатовскому уезду Нижегородской губернии 1850 года (в архиве Географического общества, Ленинград): 'воображаемое страшилище, которым пугают детей'.

Бадыгин — отчество от прозвища или именования отца по занятию: на Средней Каме *бадыга* означало 'торговец лошадьми', но и 'плут, обманщик' (Л. И. Чагина. Материалы для областного словаря Волгокамья. В сборнике «Вопросы теории и методики изучения русского языка», вып. 5, Казань, 1965).

Базулин — отчество от прозвища; диалектное *базула* 'ша-

лун, озорник' зафиксировано во многих говорах северной Москвы; ранняя документация фамилии (или еще отчества) — Ивашко Базулин в городе Севске, 1663 год.

Бакланов — отчество от прозвища (или нецерковного мужского личного имени) Баклан, в основе — нарицательное *баклан*, которое в разных диалектах означало 'чурбан' с переносным значением 'большан' (поволж., сибир.), 'большая голова, головастый', еще известней птица *баклан*. Имя документировано с конца XV века; фамилия или еще отчество — Семен Бакланов в Казани 1565 год. Лучшее исследование о фамилии Бакланов: Н. Н. Бражникова. История говоров Южного Зауралья по данным фамилий (в сборнике «Антропонимика». М., 1970), где очерчен ареал бытования: Север, средняя полоса Европейской России, Сибирь.

Баландин — отчество от прозвища (или нецерковного мужского личного имени) Баланда, документированного еще с 1492 года (примеры — в словаре Н. М. Тупикова, с. 38). Попытки объяснить прозвище из названия еды *баланда* (С. Б. Веселовский, Ю. А. Федосюк) все же менее убедительны, чем приведенный Н. Н. Бражниковой диалектный вятский глагол *баландать* 'плескаться в воде, возиться в грязи'; она же в архивных документах Зауралья зафиксировала момент рождения фамилии: 1702 год. «Никишке Баланде чулки штаны дано» (1707); «Никифору Баландину ко христову дню сапоги даны».

Балдин — отчество от прозвища или нецерковного мужского личного имени Балда, известного не только по бессмертной сказке Пушкина, а

и по многим документам. Наричательное *балда* означало 'толстая дубина', переносно 'глупец'. Ранняя документация фамилии: торговый и промышленный человек Титко Федоров Балдин — в северных таможенных книгах 1651 года, в XX веке фамилия записана в Карсунском уезде Симбирской губернии.

Баранов — отчество от нецерковного мужского личного имени Баран (как Волк, Заяц и другие), частого у русских в XVI—XVII веках; в Польше имя Баран документировано с 1249 года.

Барановский — фамилия документирована в Польше с 1391 года, связана с названием местечка Баранов, каких несколько. Аналогично фамилия позже возникла на Украине (в СССР 15 населенных пунктов: Баранівка, Бараново) и в Белоруссии.

Баратаев — фамилия грузинского происхождения. Одна ветвь старинного грузинского рода Бараташвили (к которому принадлежал выдающийся поэт Н. Бараташвили) в начале XIX века переселилась в Россию и преобразовала свою фамилию по преобладающей модели русских; грузинская фамилия — от мужского личного имени Барат — 'новолунне' и *-швили* 'рожденный, ребенок' (компонент *-швили* второй по частоте в фамилиях Восточной Грузии).

Барашков — отчество от уменьшительной формы, которая возможна или из именования отца по занятию (*бараш* в XVI веке означало княжеского работника «шатерничего») или из прозвища (например, кудрявого человека, иначе — польское *baraszkі* 'забавы, шалости', 'балагурство'); фамилия наиболее часта в Северном Поволжье, от-

куда распространилась на Среднюю Волгу; торговые люди Бараниковы многократно документированы в Ярославле XVII века.

Басалаев — отчество от прозвища или нецерковного мужского личного имени Басалай, зафиксированного, например в XVI веке, — Басалай иванов сын Нелединский (в «Дворцовой тетради»). Наричательное *басалай* 'шумливый' и 'повеса' (в северных говорах), 'щеголь' — у В. И. Даля с пометой Вохма — местность на северо-востоке Костромской губернии; именно в Вохме по документам конца XIX века мне встретилась фамилия Басалаев; наличие ее в Томской области послужило В. В. Палагиной еще одним доказательством участия переселенцев из севернорусских губерний в формировании томского говора. В документах иногда Босолаев.

Батюшков — частая фамилия (или еще отчество) в Московском государстве XVI века, тогда же встречается и фамилия Батюшкин, по реже; Ф. И. Буслаев в своей «Исторической грамматике» отметил, что более ранняя форма *батюшко* дала прилагательное *батюшков*, более поздняя форма *батюшка* дала прилагательное *батюшкин*.

Батраков — отчество от нецерковного мужского личного имени Батрак: предки боярина Батрака Вельяминова (начало XVI века), от которого пошла боярская фамилия Батраков, конечно, происходили не из батраков, — пример, показывающий беспомощность наивных попыток мнимосоциальной сортировки фамилий (Холопов, Смердов, Князев, Графов и т. п. безусловно не означали холопов, смердов, князей, графов),

Бахтияров — отчество от заимствованного у татар мужского личного имени Бахтияр, ираноязычного происхождения — 'счастливый'; у русских это имя нередко к XV веку, с середины XVI века известна и фамилия Бахтияров.

Благинин — притяжательное прилагательное (в функции отчества «чей сын?») предполагает прозвище или имя Благиня; В. И. Даль указывал в южных и западных русских говорах глагол *благать* 'ублажать, угождать, упрощать'; фамилия документирована в селе Каменный Яр, Астраханской губернии в 1840 году (Астраханская область, арх., ф. 687, сп. 6, № 16) — в низовьях Волги был значителен приток южнорусского и западнорусского населения.

Благой — фамилия сохранила архаичную форму (как Толстой), в документах — с начала XVI века; в диалектах еще живо прилагательное *благой* с самыми различными значениями 'хороший, добрый', 'плохой, капризный, уродливый', но выходит из употребления.

Близнюков, Близняков — отчество от именования отца: украинское *близнюк*, польское и белорусское *близняк* 'близнец', в среднерусских говорах 'сосед, товарищ'.

Богдашкин — отчество от уничижительной формы Богдашка из мужского личного имени Богдан. Уничижительная форма с -ка была обязательной для всей массы непривилегированного населения в XVI—XVII веках, а в отношении крепостных крестьян и народов Поволжья и Сибири держалась и в XIX веке.

Божков — отчество от уменьшительной формы Божко из мужского личного имени

Богдан, частого у русских и украинцев в XVI—XVIII веках, у болгар Божко стало самостоятельным мужским личным именем.

Борковский — фамилия украинского происхождения — от названия населенного пункта Борки, Борков, Борковка (их в Украинской ССР — 19).

Бражников — исторически отчество «сын бражника». Возможны различные пути возникновения фамилии: 1) по занятию отца — бражник, производитель браги (один из любимых хмельных напитков Московской Руси) или продавец браги; 2) от прозвища Бражник «любитель выпить»; 3) от нецерковного мужского личного имени Бражник (неоднократно документировано в XV—XVI веках, например, Бражник Ондреев сын Дирин — 1571 год).

Братухин — отчество от прозвища Братуха, возникшего из диалектного нарицательного *братуха*, которое в различных говорах означает «двоюродный брат», «сводный брат», «друг, товарищ», «брат».

Будённый — из южнорусского диалектного и нарицательного *будёный* (от *будни* «рабочий день») «повседневный, привычный».

Бузунов — отчество от прозвища Бузун; в основе прозвища диалектное (вологодское) *бузун* «буян, драчун», в других диалектах — «соль», но это менее вероятно для именования.

Булатов — отчество от нецерковного мужского личного имени Булат, в прошлом частого у татар и других тюркоязычных народов, из персидского *булат* «сталь», имя служило пожеланием мальчику стать крепким как сталь; фамилия документирована с XVI века.

Булыгин — отчество от прозвища Булыга (в документах с XVI века) из нарицательного со значением «грубый, неотесанный», переносным из первоначального значения «валун, крупный камень» (олонецк.).

Бурмистов, Бурмистров — отчество от именования отца по занимаемой должности: в XVIII—XIX веках *бурмистр* (из этого — искаженное *бурмист*) — «назначенный помещиком управляющий из крепостных крестьян», из немецкого *Burmeister* «старший над крестьянами».

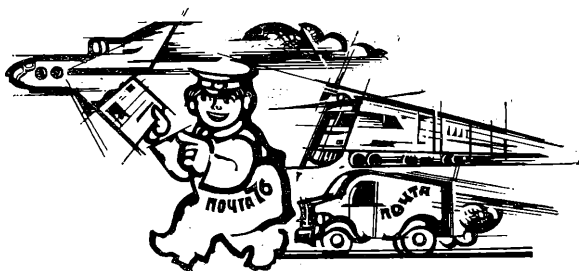
Бухонин — отчество от прозвища Бухоя из диалектного *бухоя* (по Далю — тамбовское) «толстяк»; фамилия в документах с 1628 года.

Буянтуев — фамилия, возможно, от монгольской или тюркской основы *байантуй* «богатый пир»; фонетическое изменение — под влиянием переосмысления по звуковому сходству с русским словом *буян*.

Бывшев, Бывших — происхождение этих фамилий трудно объяснить, несмотря на связь их со словом *бывший*, от которого образованы эти притяжательные прилагательные. Возможно, их прояснит приведенный В. И. Далем диалектный глагол (костром., новгород.) *бывшиться* «умереть», *бывшев* — «сирота», сын умершего (сравните известную в прошлом русскую фамилию Мертвого — прилагательное в родительном падеже единственного числа); в Северном Заповжье и Сибири часты фамилии на *-их* (прилагательное в родительном падеже множественного числа) — там фамилия с тем же значением возникла в форме Бывших.

(Продолжение следует.)

В. А. НИКОНОВ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

НАМ ПИШУТ

В редакцию журнала пришло письмо от сербки, ученицы гимназии в Белграде Марины Маркович. Содержание письма заинтересовало нас. Думаем, что оно будет интересным и для наших читателей.

«Я ученица гимназии в Белграде и изучаю русский язык. Написала об этом короткий очерк, в основу которого положила случай, происшедший со мной в Москве два года назад. Назвала я его „Мой первый экзамен по русскому языку“».

МОЙ ПЕРВЫЙ ЭКЗАМЕН ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Когда я поступила в начальную школу, в нашем классе преподавали русский язык, но вскоре мои родители переехали в другой город и я перешла в новую школу, в которой русский язык не преподавался. Мне было очень жаль, что пришлось прервать изучение русского языка, который мне с первых же уроков очень понравился.

Я решила тогда, с согласия родителей, изучать язык частным образом. Перед новыми уроками я очень волновалась. За один год в прежней школе я познакомилась с русским языком очень поверхностно и получила лишь основные понятия о нем. И потому к моей радости, что буду его изучать, прибавлялось опасение, что я осрамлюсь своим весьма скромным знанием языка.

Я и теперь помню, как прошел мой первый новый урок. К тому времени все мое прежнее знание языка почти улетучилось, и на уроке я делала много ошибок: плохо читала, неправильно ставила

ударения, знала мало слов, писала с большим числом грамматических ошибок. Пришлось много заниматься. К этому меня обязывало и данное мною обещание хорошо учиться, которое я старалась сдерживать.

Конечно, не шло все гладко. Трудно было научиться правильному произношению, наладить хорошие отношения с безударными *о, е, я*, овладеть правилами грамматики и узнавать, что многие схожие слова имеют разное значение. Помню, как довольно продолжительное время я путала глаголы *ехать* и *есть* и говорила, например, очень часто, что «мы едем вкусное мороженое» и «едем на море». Я вначале прощалась с «Здравствуйте» и была очень удивлена, узнав, что это не наше «Здраво», которое говорится и при встрече, и уходя. На первых уроках преподаватель очень редко хвалил меня. Я была горда, когда постепенно стала все чаще слышать от него похвалу: «Молодец, Марина».

Мне нравился русский язык, я усердно готовила уроки и старалась изучить язык как можно полнее. Внимательно слушала в кино русскую речь советских фильмов, на нашем телевидении не пропускала советские телефильмы и следила за серией «Русский язык», в которой так *симпатично* знакомили нас с русским языком Лариса и Женя, слушала грампластинки с русскими песнями и романами. Все это давало мне новые материалы, исправляло мое произношение и пополняло мой речевой фонд. Теперь, после пяти лет изучения, я думаю, что хорошо овладела русским языком. Конечно, я и теперь иногда ошибаюсь, но знаю, что ошибок у меня становится все меньше и меньше. Два года тому назад я сдала и один *необычайный* для меня экзамен по русскому языку. Вот как это случилось.

Во время летних каникул я вместе со своей школой была на экскурсии в Москве. Я этой поездке *весьма* радовалась, потому что очень хотела видеть страну, язык которой изучала. Эта поездка была и очень полезна для меня, так как кроме того, что увидела *многое* и *интересное*, я могла использовать свое знание русского языка. Мои одноклассники, не знавшие языка, были очень довольны этим обстоятельством, и, когда у нас было свободное время, они всегда просили меня повести их на прогулку по городу, во время которой я помогала им *при разных покупках*, спрашивала прохожих, где находится какая-нибудь улица или площадь, где *станция метро или автобуса* и т. д. Иногда в вагоне городского транспорта я помогала им разменять у пассажиров деньги на билеты. Одним словом, была их гидом, и они всегда охотно ходили со мной по городу.

В Москве мы жили в гостинице около ВДНХ. Однажды я с группой школьников поехала оттуда в центр города в магазин

«Детский мир». Нам сказали, что надо будет *сойти* на последней остановке, но мы, конечно, не были уверены, что знаем, когда она будет. Поэтому в вагоне я решила спросить, где нам надо *сойти*. Я вспомнила, как я учила на одном уроке похожие фразы и старалась все слова сказать правильно, чтобы не сплеховать перед незнакомой женщиной, к которой решила обратиться.

— Простите,— сказала я,— скажите, пожалуйста, где надо *сойти* вблизи Центра?

— Еще будут три остановки.

— Нам надо долго еще ехать?

— Нет, минут десять.

— Значит, скоро будем в Центре?

— Да, очень скоро.

— Большое спасибо!

Все сказала я правильно и с хорошим русским произношением и было видно, что незнакомая женщина посчитала меня русской девочкой, приехавшей из провинции. Но когда я начала переводить своим одноклассникам на сербскохорватском языке свой разговор по-русски, женщина удивленно посмотрела на меня и ~~спро~~спросила:

— На каком языке ты еще говоришь?

— На сербскохорватском.

— А откуда ты его знаешь?

— Он мой родной язык. Я югославка из Белграда.

— Значит, ты не русская?— искренне удивилась она.— Ну, девочка моя, кто бы мог подумать! Ты так хорошо говорила по-русски.

От такой похвалы я сильно покраснела, а в моей голове молнией пронеслась мысль, что ведь это был мой первый серьезный экзамен по русскому языку и что я его сдала.

Не скрою, хвалили меня и позже. Но все позднейшие лестные отзывы уже не были мне так дороги, как похвала, которую я услышала в Москве, в вагоне троллейбуса № 48, по дороге в Центр.

Марина Маркович

•

Редакция «Русской речи» получает большое количество писем, в которых читатели сообщают свое мнение о содержании журнала, о публикуемых материалах, предлагают темы, задают вопросы, делятся впечатлениями о прочитанных новых книгах и т. д.

Большой интерес читатели проявляют к вопросам культуры русской речи, правильного произношения и ударения. Об этом пишут: Н. А. Ильина (Ленинград), Т. Н. Калёшева (Богородск, Горь-

ковская область). Д. С. Русанов (Хабаровск), В. Ф. Матвеева (Днепропетровский), Г. Г. Гармаш (Ростовская область) и другие.

А. Лукьянов из поселка Советский Марийской АССР пишет о необходимости вести постоянную настойчивую борьбу против засорения русского языка, в частности против употребления в разговорной речи без надобности сочетания *в общем-то*.

По-прежнему вызывают беспокойство читателей ошибки в рекламе. Авторы объявлений мало заботятся об их стиле. Большую подборку таких объявлений, в которых допущены грамматические ошибки, стилистические неточности, прислал доцент Батумского пединститута М. Б. Шониа. Наш постоянный читатель учитель Ульяновской школы № 42 А. А. Ульянин пишет о разном, встречающемся в печати, в написании географических названий, наречий и др.

По многочисленным просьбам читателей в журнале начиная с № 2 1975 года открыт новый раздел «Наши консультации» (консультируют член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов и заведующий сектором культуры русской речи Института русского языка АН СССР, заместитель главного редактора журнала «Русская речь» Л. И. Скворцов), продолжается публикация статей Р. И. Аванесова о русском литературном произношении, печатаются статьи о русских фамилиях. С этого номера в журнале начинается публикация словаря русских фамилий.

Учительница-пенсионерка Т. П. Никольская (Валдай, Новгородская область) в своем письме-отклике на статью В. Г. Гомазкова «Похвала пословице» («Русская речь», 1975, № 1), высоко оценивая статью и разделяя ее основные положения, обращает внимание на то, что «теперь пословицы мало входят в жизнь семьи и общества».

Научный сотрудник Института элементоорганических соединений АН СССР И. Г. Филатов (Москва) считает, что необходимо чаще издавать словари новых слов. «Поначалу все нуждающиеся в толковании новых слов (а это не только представители гуманитарных наук, но и естественных, и точных), — пишет И. Г. Филатов, — смогли бы довольствоваться хотя бы одной-двумя страничками под названием „Страница неологизмов“, печатаемой в научно-популярном журнале „Русская речь“, где давались бы не только интерпретация, но и этимология и орфография их».

В нашем журнале сообщалось о подготовке в Словарном секторе Института языкознания АН СССР (Ленинград) очередного выпуска словаря-справочника «Новые слова и значения» по материалам прессы и литературы 70-х годов (см.: И. Ф. Протченко. Институт русского языка АН СССР — в помощь средней и высшей

школе.— «Русская речь», 1974, № 6). Первое издание этого словаря (по материалам прессы и литературы 60-х годов вышло в 1971 году).

Как и в предыдущие годы, редакция получает много писем с просьбой объяснить происхождение и историю топонимов, микротопонимов (географических названий). Нам пишут: Н. И. Ершов (Челябинская область), В. М. Медведев (Свердловск), В. Крымов (Тульская область), А. Щеглов (Московская область), М. Борец (Куйбышевская область) и другие.

Написанием и образованием прилагательных, географических названий и производных от них наименований интересуются Л. В. Быкова (Выборг), И. Ф. Красенюк (Ленинград), В. Локонов (Кызыл, Тувинская АССР), Н. Г. Сардак и Г. Ф. Акимова (Пятигорск) и др.

В «Русской речи» постоянно печатаются и будут печататься статьи о топонимах в разделах «Из истории слов и выражений», «По карте России», «Культура речи», «Почта „Русской речи“» (см. например: В. М. Мокиенко. Народная этимология географических названий.— 1974, № 1; Н. Д. Русинов. Город Углич и Угличье Поле.— 1974, № 4; В. А. Горпинич. Прилагательные от составных топонимов.— 1974, № 6; А. В. Барандеев. Неупорядоченное написание.— 1975, № 1).

Вопросов, предложений, критических замечаний в письмах читателей много. Большинство из них серьезны и помогают редакции в составлении перспективных планов журнала, в определении тем, наиболее интересных для читателей «Русской речи».

Редакция благодарит всех авторов писем и ждет в этом году новые предложения, критические замечания как о содержании, так и об оформлении журнала.

ЧИТАТЕЛИ ОБСУЖДАЮТ И УТОЧНЯЮТ

Редакция получает письма, в которых читатели сообщают свое впечатление о статьях, опубликованных в нашем журнале.

История слов и отдельных выражений, вопросы словообразования представляют постоянный интерес у наших читателей. Они предлагают свои этимологии, присылают новые сведения, уточнения, дополнительные примеры, наблюдения и т. д.

В № 6 за 1974 год в разделе «Почта „Русской речи“» была опубликована заметка Т. С. Коготковой «Фуражная корова». В ответ на эту публикацию мы получили отклики читателей.

ФУРАЖНАЯ КОРОВА

«Фуражная корова» — это термин зоотехнический, применяется только в животноводстве и является специальным. Понятия «фуражная корова» принято в сельскохозяйственном производстве и сельскохозяйственной статистике как совершенно ясное, понятное для всех работников сельского хозяйства. Запасы кормов во всех сельскохозяйственных предприятиях определяются на фуражную корову, то есть на ту, которую надо кормить и запастись на зиму на нее корма. В этом случае обезличиваются коровы и другие сельскохозяйственные животные, продуктивные и непродуктивные (коровы дойные и сухостойные, скот на откорме и т. д.).

Фуражная корова — это та, на которую рассчитываются корма и удои при производстве молока. Это среднестатистическая единица, обязательное понятие в сельскохозяйственном производстве.

Н. П. Гонобоблев
Орджоникидзе

Свои замечания о современном употреблении выражения *фуражная корова* в практике совхозного и колхозного производства прислали также В. Полякова (Ульяновск), И. С. Дударенко (Пятихатский район Днепропетровской области), А. А. Любашевский (Рубцовский район Алтайского края), А. Д. Коледова (Барнаул).

ВСЯКОЕ ЛИ НОВОЕ СЛОВО ЛУЧШЕ СТАРОГО?

Интересная статья М. А. Бакиной «Новообразования в современной поэзии» («Русская речь», 1975, № 2) заканчивается вопросом: «... для чего понадобилось авторам вводить в текст стихотворения новое слово, в то время как для обозначения данного явления в языке уже существует общелитературное слово? В ряду других ответов можно предположить следующий: стремление к обновлению привычных и часто повторяемых слов, замене их новыми и поэтому более выразительными, свежими и необычными».

Однако не всякое новое слово более выразительно и свежо, чем старое. Все зависит от того, как звучит новое слово, русское

ли оно, не будет ли оно инородным телом в структуре русской литературной речи.

М. А. Бакина привела много новообразований в современной поэзии. Среди них есть интересные находки, есть много слов, оставляющих читателя равнодушным, и есть слова, которые вызывают... недоумение, например наречие *дамоклово*, изобретенное поэтом А. Вознесенским. После *дамоклово* — запятая, за нею хорошее русское наречие *неумолимо*. Только не ясно, являются ли наречия *дамоклово* и *неумолимо* равноправными однородными членами предложения, или *неумолимо* — синоним *дамоклово*, поставленный для облегчения понимания этого нового необычного наречия. Но это не имеет значения. И в том и в другом случае я, например, не понимаю, что значит *дамоклово*.

Есть много выражений, подобных выражению *дамоклов меч*, и все они — идиомы: *авгиевы конюшни*, *ахиллесова пята*, *зевсов гнев*, *новое ковчег*. Их буквальное значение давно забыто. Можно ли образовать от них наречия *авгиево*, *зевсово*, *ахиллесово*, *новое*? Конечно, нельзя.

М. А. Бакиной понравилось наречие *высотно*, придуманное поэтом Е. Евтушенко, но поскольку в русском языке есть прилагательное *высотный*, это не очень хорошее новообразование.

У Коренева два наречия *сонно* и *сосенно* тоже являются краткими формами от прилагательных *сонный* и *сосенный*. *Сонно* мне понравилось — звучно и понятно, а *сосенно* не вызвало никаких ответных эмоций; что значит *сосенно*, осталось для меня загадкой. Коренев придумал наречие *нарзаново*, которое «пузырьково шипит». Но есть и другие минеральные воды, которые пузырьково шипят. Стало быть, можно надеяться, что мы вскоре прочтем стихотворение, в котором встретим наречие *боржомово* или *эссенуково*.

Я думаю, что все эти и им подобные придуманные и надуманные, мертвые, но отнюдь не эмоциональные слова не только не улучшают, а, наоборот, резко ухудшают русский литературный язык. Как много у нас пишут и говорят о чистоте русского языка и как мало борются с его засорением, со всеми этими *дамоклово*, *нарзаново*.

М. Лейканд,
переводчик
Москва

№ 3 за 1975 год в разделе «Почта „Русской речи“» опубликована заметка В. А. Меркуловой об истории происхождения слова *белка* в русском языке (стр. 158). М. С. Медведев из Архангельска сообщает другую точку зрения об этимологии этого слова. М. С. Медведев прислал также дополнительные примеры к статье Ж. Ж. Варбот «Жухнуть».

БЕЛКА

Мех белки попал на Русь не с юга Красноярского края, а с европейского Севера через новгородских колонизаторов. Следовательно, корни слова *белка* надо искать там. До сего времени в говорах Архангельской области можно услышать: бела горница (комната, в которой нет русской печи); белы штаны; бела рубаха; белы руки, глаза; бело белье (*бело* в значении «чистое»). И белка делилась на *белу* (чистую) с серым — зимним мехом, очистившуюся от рыжей шерсти (выкуневшую) и *векишу* — летнюю белку с рыжим неполноценным мехом (из ветши — неполноценная, с изъяном). А так как мех белки ценился только серый — зимний, то и зверька стали называть *белкой* за ее ценный мех, по типу *сёра* — *сёрка*, *сйва* — *сйвка*. И только в диалекте осталась *векиша* со старым значением «летняя белка», а затем постепенно кое-где стала просто *белкой* без разделения на летнюю и зимнюю.

Оценщики меха обращают внимание на мездру, ибо от того, как она очищена от жира и остатков мяса с тушки зверька, зависит сорт шкурок, но не меха. И цвет мездры не мог дать имя белке, так как идеально белой мездра не бывает, но чистой от посторонних примесей, и это могло иметь значение. Но, повторяю, белой она названа за чистоту меха, и не исключено, что в каких-то говорах было и *бела* — «чистая по мездре».

ЖУХНУТЬ

В заметке Ж. Ж. Варбот о слове *жухнуть* (1975, № 3) нет упоминания о северных говорах европейской части СССР. А ведь только в архангельских говорах есть: *жухнуть* (утрачивать свежесть, вянуть), *пожухнуть* (завянуть), *жухлый* (вялый, больной), *жухнули* (провалились в болото, в грязь, под лед), *жахнуть* (ударить, выстрелить), *жавака* (мямля), *жавак*, *жавачка* (все, что можно положить за щеку и жевать: смола, кусок глины, вар, воск, хлеб и т. д.).

М. С. Медведев
Архангельск

В статье Л. Н. Федосеевой «Ностальгия» («Русская речь», 1975, № 3) было показано, что употребление этого слова за последнее десятилетие сопровождается изменениями в его семантике и синтаксических связях. «Хотелось бы добавить несколько соображений, проливающих дополнительный свет на факты, приведенные в этой статье,— пишет Б. С. Шварцкопф.— К этому побуждает и то обстоятельство, что в словаре-справочнике журналиста „Трудности русского языка“ (изд-во МГУ, 1974) употребление конструкции *ностальгия по чему* квалифицируется как неправильное».

НОСТАЛЬГИЯ

Изменения, наблюдаемые в семантике слова *ностальгия*, в основном связаны с действием одной из общих закономерностей развития значений в языке — от конкретного к абстрактному, а точнее — с развитием в плане «место → время». На значение этого процесса обращал внимание академик В. В. Виноградов, характеризую формирование временных предлогов в русском языке: «... предлогов, выражающих значение времени, меньше, чем предлогов с пространственными значениями. Временные значения совмещаются с пространственными и развиваются на их основе» (В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.— Л., 1947).

В результате такого сдвига слово *ностальгия* вместо значения «тоска по родине» в ряде случаев начинает обозначать 1) тоску по (утраченному) прошлому, по прошедшему или 2) тоску по чему-либо в прошлом: 1) «... ясно видно, насколько тонка грань между подлинным историзмом и ностальгией по прошлому» («Искусство кино», 1969, № 3); «Это что — ностальгия по детству?» («Искусство кино», 1972, № 2); 2) «... война (освободительная война!) — это не только кровь, страдания и смерть, но еще и высшие взлеты человеческого духа... А человеку свойственна грусть о прекрасном — на то он и человек. И странная, непонятная для других болезнь — „фронтальная ностальгия“ — всю жизнь будет преследовать ветерана...» («Новый мир», 1971, № 11; ср. в статье Л. Н. Федосеевой: военная ностальгия); «... пронзительная ностальгия по утраченным временам и нравам...» («Литературная газета», 24 марта 1971, пример из словаря-справочника «Трудности русского языка»).

С этими значениями существительного может соотноситься и прилагательное *ностальгический*: «Было несколько ностальгических или иронических воспоминаний о детстве» («Искусство кино», 1970, № 1).

Здесь обращает на себя внимание и употребление при слове *ностальгия* предлога *по*, который позволяет присоединять слова и словосочетания, указывающие на «прошедшее» или на «нечто в прошедшем». Этот новоприобретенный показатель синтаксической связи (*ностальгия+по...*) таит в себе в конечном счете и возможность присоединения самых различных слов и словосочетаний. Благодаря этому открывается опасность еще большего отхода значения слова *ностальгия* от первоначальных его границ: «тоска по родине — тоска по прошлому — тоска по чему-либо в прошлом — вообще тоска по чему-либо...».

Об этом, например, свидетельствуют такие примеры: «Ностальгия по примитиву» («Литературная газета», 6 февраля 1974); «Она повернула отчасти из ностальгий по юности...» (Евтушенко. Снег в Токио); или из словаря-справочника «Трудности русского языка»: «Эта ностальгия по радиопередачам...» («Литературная газета», 15 октября 1969). Хотя приведенные примеры и немногочисленны, но они сигнализируют о возможности утраты словом *ностальгия* специфического, ограничительного семантического признака (*ностальгия* — тоска «по родине» или даже переносное «по прошлому», «по чему-либо в прошлом»), и о расширении (а не сужении, как думает Л. Н. Федосеева) значения слова *ностальгия* — до синонимии слову *тоска* вообще (*ностальгия по...* — *тоска по...*).

То же показывают и некоторые случаи употребления прилагательного *ностальгический*: «В „Трех сестрах“... чисто русская „ностальгическая“ военная музыка оказалась как нельзя более уместной» («Юность», 1969, № 11) — здесь слово *ностальгическая* должно быть, очевидно, истолковано как «вызывающая чувство тоски» (приближается к случаю «ностальгического предчувствия утрат», где *ностальгическое* рассматривается Л. Н. Федосеевой как синоним к *тоскливое*); «Старательно коллекционируются наряды середины тридцатых годов... ностальгическая наивность тех отдаленных костюмов и вывесок» («Искусство кино», 1973, № 9) — здесь вообще *тоска* в значении прилагательного не ощущается, и *ностальгическая*, по-видимому, означает «относящаяся к прошлому».

Насколько нормативны описанные случаи? Ответ на этот вопрос не вызывает особых затруднений, когда мы имеем дело с «крайними случаями». Так, традиционному (а следовательно, нормативному) значению «тоска по родине» противостоит наиболее резкий отход от него: *ностальгия* — «тоска по чему-либо вообще» и *ностальгический* — «относящийся к чувству тоски» или «относящийся к прошлому»; такое употребление явно выходит за пределы литературной нормы.

Значительно сложнее оценка слова *ностальгия* «тоска по прошлому, по чему-либо в прошлом» (и соответствующего ему при-

лагательного). Конечно, и здесь налицо отступление от традиционного (нормативного) значения 'тоска по родине'. Кроме того, такое употребление вовсе не является необходимым, и материал наблюдения дает нам ряд примеров этого: *любовь к прошлому, тоска по невозвратному прошлому* (в статье Л. Н. Федосеевой); «Модная сейчас в странах Запада тоска по прошлому...» («Литературная газета», 6 ноября 1974).

В то же время нельзя упускать из виду, что перед нами — результат закономерного процесса, происходящего в языке в настоящий момент. Временное значение *ностальгии* есть следствие процесса развития «место → время», характерного для единиц разных уровней языковой системы. При этом само значение (и традиционное 'тоска по родине', и временное) обуславливает тот факт, что употребление слова *ностальгия* свойственно в основном узкой книжно-письменной сфере литературного языка, а еще уже — его публицистическому стилю. К такому заключению пришла Л. Н. Федосеева, это подтверждают и приведенные здесь примеры.

Необходимость внимательно прислушиваться к совершающимся в языке изменениям и учитывать сферу этих изменений побуждает исследователя-современника к осторожности в оценке явления, находящегося в «точке излома», останавливает лингвиста от безусловного осуждения (и тем более от запрещения!). Однако и нельзя еще признать значение слова достаточно нормативным («допустимым»), даже в публицистическом стиле литературного языка, так как не стабилизировалась сама новая норма, не «созрела» (по выражению Л. В. Щербы), но созревает — буквально на наших глазах.

О том же могут свидетельствовать и «ощущения» самих пишущих при употреблении слова *ностальгия* (и *ностальгический*); в одних случаях это выражается постановкой кавычек при слове, в других — формулой-оговоркой *своего рода*: «... я привел слова Ф. И. Тютчева, слова сожаления о канувших в Лету античных временах. Эта своего рода *ностальгия*, стремление возвратить утраченную ясность мировосприятия, по-видимому, свойственны человеку во все времена» («Новый мир», 1972, № 6).

Кандидат филологических наук
Б. С. Шварцкопф

А. А. БУСЛАЕВ

В № 5 за 1974 год «Русской речи» было опубликовано письмо А. А. Шахматова А. А. Буслаеву. Многие наши читатели просят подробно рассказать об адресате этого письма — А. А. Буслаеве. Ниже мы помещаем биографическую справку об А. А. Буслаеве, написанную его женой — Марией Александровной Буслаевой.

Алексей Александрович Буслаев, правнук Ф. И. Буслаева, родился в 1897 году, окончил гимназию в 1914 году и по семейной традиции поступил на историко-филологический факультет Московского университета на славяно-русское отделение. Ученик Д. Н. Ушакова, позже — А. А. Шахматова. В 1919 году окончил университет, в 1921 году продолжил обучение в университете на факультете общественных наук, который окончил в 1922 году.

В 1915 году один из членов-учредителей Московского лингвистического кружка (в 1921—1922 годах — его председатель); с 1916 — член Московской диалектологической комиссии Академии наук; в 1918 году участвовал в Комиссии по определению границ по говорам в связи с подписанием Брестского договора о мире. В 1921—1923 годах — ученый секретарь редакционной коллегии первого толкового словаря современного русского языка, организованного по личному указанию В. И. Ленина (неокопченное предприятие; работа была начата вновь в конце 20-х годов, в 1935—1940 годах вышел в свет «Толковый словарь русского языка» в четырех томах под редакцией профессора Д. Н. Ушакова). С 1924 года — старший научный сотрудник Академии художественных наук (по комиссии изучения формы), где была принята к печати его статья «Учение Штейнтала и Потебни о внутренней форме языка». После смерти А. А. Шахматова А. А. Буслаев закончил работу по теме «Некоторые синтаксические явления в языке Лаврентьевской летописи», предложенной Шахматовым, и читал ее в Лингвистическом кружке.

С 1927 года — ученый секретарь «русского словаря» академического центра Наркомпроса. Позже по заданию Наркомпроса преподавал русский язык и литературу в рабочих аудиториях города Москвы и выполнял литературные работы по заданиям Издательства энциклопедического словаря; с 1942 года — сотрудник Комитета по радиоинформации и радиовещанию (сначала дежурный контролер, затем — старший контролер, а с 1948 года — начальник Отдела контроля за союзными радиопередачами). Умер в 1964 году.

М. А. Буслаева

ЧИТАТЕЛИ СООБЩАЮТ, ДОПОЛНЯЮТ...

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Известный отечественный языковед Ф. И. Буслаев в «Исторической грамматике русского языка» писал: «К особенностям древнего и областного языка принадлежит способность придавать окончание сравнительной степени некоторым существительным, через посредство предполагаемых произведенных от них прилагательных; например, от *берег* в архангельском наречии *бережее* (ближе к берегу), как бы от прилагательного *бережий* (бережный); потому там же говорится и *берёжнее*, в том же значении. От *скот* — *скотее*, от *зверь* — *зверее*, то есть от прилагательного *скотий* и *зверий*». В журнале «Знание — сила» (1975, № 2) Е. Хелимский пишет: «Где-нибудь на берегу Северной Двины можно услышать такое: — Зачем *речее* гребешь? Держи *бережее!*».

Формы сравнительной степени от существительных, по свидетельству диалектологов, широко распространены в русских народных говорах: *вор* — *ворее*, *горе* — *горее*, *беда* — *бедее*. Они употребляются также в языке художественной и др. литературы, чаще всего в стилистических целях. Например: «Место службы — в центре. Москва, чего уж *центрее*» (М. Кольцов); «Пусть деревня найдет гармониста *гармонистей* моего парня» (А. Прокофьев); «При поверхностном сравнении письма Маркса к Бракке от 5 мая 1875 года и рассмотренного выше письма Энгельса к Бебелю от 28 марта 1875 года может показаться, что Маркс гораздо *более „государственник“*, чем Энгельс...» (В. И. Ленин. Государство и революция).

В. В. Виноградов в книге «Русский язык» так писал об этом явлении: «... В современном русском языке предметные и отчасти глагольные основы приобретают все более сложные качественные оттенки. (Ср. выражения такого рода: *он более специалист, чем ты...*). Грамматическое господство имени существительного и глагола покоится на процессе все большего качественного усложнения самих понятий предмета и действия — состояния» (II изд. М., 1972).

И. Л. Николаев,

доцент Таджикского университета имени В. И. Ленина

УТЛЫЙ — УШЛЫЙ

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера приведено слово *утлый* с необычным значением — «ученый, дрессированный (о собаке)». Оно рассматривается в отдельной статье

(*утлый* II) и отчленено от *утлый* I 'дырявый'. М. Фасмер не объясняет происхождение данного прилагательного, указывая лишь, что оно «едва ли связано с предыдущим», то есть с *утлый* I. При документации слова он ссылается на «Смоленский областной словарь» В. Добровольского (1914). Мысль М. Фасмера о несопоставимости *утлый* II и *утлый* I кажется нам бесспорной: нет никаких семантических оснований для их объединения. Однако и любая другая попытка этимологической интерпретации данного слова была бы обречена на неудачу, так как, по-видимому, такого прилагательного *утлый* 'ученый' не существует; очевидно, здесь спутаны две графически близкие буквы *т* и *ш*, и реальным следует считать не *утлый*, а *ушлый* 'ученый'.

Слово *утлый* 'ученый' помещено только в словаре Добровольского (и отсюда взято Фасмером), а *ушлый* в значении 'опытный, знающий, умелый' зафиксировано в целом ряде словарей. Так, в «Словаре русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Обь» (Томск, 1967) читаем: «*ушлый* 'хитрый, опытный, ловкий'», а в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля (изд. 2) находим следующее замечание: «*ушлый* говорят иногда вместо *дошлый*». Одним из значений прилагательного *дошлый*, согласно Далю, является 'опытный, сведущий, знающий, наторелый, бывалый, тертый, битый, смышленный, способный; дока: мастер своего дела'.

Существует значительное число слов, проникших в научный лингвистический обиход, но на самом деле не существующих. Эти слова возникают в результате описок, опечаток и неправильного прочтения. К таким словам и относится *утлый* в значении 'ученый', которое является искажением реально существующего *ушлый* 'опытный, знающий'.

И. П. Петлева,
научный сотрудник
Института русского языка АН СССР

О ЧИРСКОМ ГОВОРЕ

Чирской говор — это говор юго-западной части Волгоградской области, по станице Нижне-Чирской, бывшей в пору существования Войска Донского административным центром Второго Донского округа. Говор имеет интересную особенность, отличающую его от всех других донских говоров Волгоградской области.

Для большинства донских южнорусских говоров характерна утрата категории среднего рода и переход среднего рода в женский: *моя пальто, прямая ведро, сырая мясо*. В чирском говоре

наблюдается, наряду с этой чертой, оформление некоторых существительных женского и мужского рода по образцу среднего, на -*б*: *метло*, *копно*, *стено*, *нурё* (нора), *звездо*, *блесно*, *стрело*, *струно*, *скуло*, *стебло* (стебель), *чехло* (чехол), *дерно* (дерн), а также «переоформление» существительного среднего рода *стреля* в *стремено*. Следует заметить, что это явление известно чирскому говору, видимо, в более широком объеме, нежели другим южнорусским говорам.

Очень необычна, своеобразна форма *нурё* (нора). В говоре все формы этого слова и уменьшительные от него образованы с корнем -*нур*:- *нўрка*, *нўрька*, *нўрочка*; в *нурё* залезла, в *нурё* живут; *нўри*, *нўрья*, много *нурь*, *нурев*, *нўрьев*, *нўрей*, в *нўрах*.

А вот форма *метлб* (метла) распространена не только в речи сельских жителей (кстати, она характерна и для некоторых других донских говоров), ее можно услышать и в речи горожан.

В прошлом формы женского и мужского рода на -*о* в чирском говоре были очень широко распространены, что подтверждают беседы со старыми людьми. В настоящее время такие формы, как *звездб*, *стрелб*, *блеснб*, *стеблб*, сохраняются лишь в речи старшего поколения. Однако слова *метлб*, *копнб*, *нурё*, *стенб*, *дернб*, *чехлб* (особенно первые четыре) можно часто услышать в речи местных жителей любого возраста.

Большинство школьников знают и используют в речи оба варианта слов: *метла* и *метло*, *копна* и *копно*, *нора* и *нурё*, *стена* и *стено*. Однако в обиходном общении преимущество остается на стороне форм с -*б*. А некоторые учащиеся, как это ни странно, не знают литературных форм.

Имена существительные женского и мужского рода, оформленные по среднему, воспринимались ранее и сейчас воспринимаются малограмотным населением как существительные женского рода. Прилагательные и числительные при них употребляются в женском роде: Одна *веш'ерняя* *звяздб*; одна *звяздб* на небе; *метлб* большая, *ракитовая*, *березовая*; одна *стоит* *копнб*; в *большуя* *копнб*; *какая* *плохая* *стенб*; *глухая* *стянб*; одна *стенб*; *Славочка*, ты всю *стенб* *исчертил*; одну *стенб* *надо* *побелить*; *прямая*, *боковая* *нурё*; одна *маленькая* *нурё*; одна *стримянб*. Замечаются эти существительные личным местоимением женского рода: «*Мятлб* *нужно* *связать* *да* *и* *мечь* *ей*. *Она* *же* *все* *выгрябайть*»; «*Мятлб* — *из* *ракитника* *её* *делаютъ*»; «*На* *диван* *её* *надеваютъ*, *ш'ихло*».

Изменяются эти существительные чаще не по 1-му, а по 2-му склонению, характерному для существительных мужского-среднего рода: Род.— у *копнб*; нет *метлб*; эта *рама* *стоит* у *стенб* (наряду с вариантом у *стинё*), у *стинб* *сидеть*; Да *т.*— к *стянб*; В *п.*— ударили в *стенб*; одну *стенб*; возьми *метлб*; в *стремёнб* не до-

ставала; сено сложили в копнó; «Когда косють, сено слаживають в копнó, потом в большие ко́пны, в скирды, в стох»; «Лиса в нурѣ залезла и не вылезаеть»; Твор.— Метлóm во дворе метуть; Мятлóm всё сметаю; Дярднóm обкладывали клев; Под стянóm ляжить, пойди возьми.

Очевидно, в связи с тем, что в настоящее время под воздействием литературного языка в говоре восстанавливается категория среднего рода, грамотное население начинает воспринимать слова с характерным окончанием -ó, -'ó относящимися к именам среднего рода и производит соответствующее «литературное» согласование с ними: одно метло; большое метло; одно копно; какое дерно; льняное чехло; одно стено, одно стремено; мне осталось одно стено побелить. Или допускаются варианты: валочки в копно; получается *большое копно*, потом *другая, третья* и т. д. Некоторые представители местного населения используют в речи параллельные формы: одна стена и одно стено, большая метла и большое метло.

Интересно, что процесс образования форм существительных женского и мужского рода в формы на -ó в чирском говоре не утрачен, он продолжается. В настоящее время получила широкое распространение форма *рулѣ* (от *руль*): «Держись за рулѣ»; «Шофер держится за рулѣ».

Р. И. Кудряшова
Волгоградский пединститут

ИНТЕНСИВНОСТЬ

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» слово *интенсивность* дано в следующих значениях: 1) сила, напряженность; 2) яркость, густота (о цвете, краске); 3) свойство, качество *интенсивного* (дающего наибольшую производительность). В технической литературе это слово означает также «количественное содержание явления в отношении какой-либо характеризующей его величины». Так, *интенсивность процесса* (физического, химического и других) — это количественное содержание процесса в отношении скорости его протекания (интенсивность процесса тем больше, чем больше скорость его протекания); *интенсивность потока вещества* — количественное содержание потока в отношении его расхода (интенсивность потока тем больше, чем больше его расход); *интенсивность воздействия* — количественное содержание воздействия в отношении его силы и т. д.

В рассматриваемом значении слово *интенсивность* является литературным эквивалентом таких понятий, как *скоростность процесса*, *расходность потока*, *сильность воздействия* и т. п. Например:

«Скорость выгорания углерода зависит от интенсивности подачи кислорода. Содержание кислорода в ванне приближается к равновесному уже через несколько минут после окончания продувки» (Б. Н. Ладыженский, В. П. Тунков. Выплавка стали в машиностроении) — здесь *интенсивность* означает количественное содержание подачи кислорода в отношении ее величины и продолжительности; «Следует отметить увеличение интенсивности переноса тепла к подвижным частицам. Это обстоятельство можно объяснить свободной ориентацией и вращением частиц в потоке, приводящими к ранней искусственной турбулизации всего пограничного слоя у поверхности частицы» (Н. И. Сыромятников, Л. К. Васанова, Ю. Н. Шиманский. Тепло- и массообмен в кипящем слое) — *интенсивность* означает количественное содержание процесса переноса тепла в отношении скорости его протекания.

Данное значение слова *интенсивность* включает в себя частные значения этого слова, приведенные в 17-томном Словаре: об интенсивности цвета, краски можно говорить как о количественном содержании цвета, краски в отношении их густоты, яркости; об интенсивности труда можно говорить как о количественном содержании труда в отношении его производительности п т. п.

*М. Е. Зелькинд,
преподаватель
Московского института нефтехимической
и газовой промышленности
имени И. М. Губкина*

Обзор писем читателей подготовила Ю. Ф. Хаустова

«РУССКАЯ РЕЧЬ» ОТВЕЧАЕТ —

● НАСТАВНИК

Изменения в экономической, политической и культурной жизни, происшедшие в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции, оставили заметный след в русском языке. Появились новые слова: *партилет, трудовень, комбайн, трактор, кинопередвижка* и другие, старые слова: *советы, солдат, офицер, генерал, адмирал, министр* — стали со временем осмысливаться и восприниматься по-новому. Труд в СССР стал делом чести, делом славы, делом доблести и геройства. Лучших людей производства народ стал называть ударниками, стахановцами,

новаторами, передовиками, рационализаторами, ударниками коммунистического труда, победителями социалистического соревнования, наставниками.

Л. И. Брежнев в речи на XVII съезде Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи 23 апреля 1974 года сказал: «В рабочем классе зародилось новое замечательное движение — движение наставников молодых рабочих. Наставники — это кадровые рабочие, обладающие высоким мастерством, богатым жизненным опытом, и, я бы сказал, талантливые педагоги. Они по доброй воле, по призванию души учат молодежь трудолюбию, мастерству, воспитывают ее на героических традициях нашего славного рабочего класса».

Если мы обратимся к литературе прошлого, к энциклопедическим справочникам и толковым словарям русского языка, то увидим, что слово *наставник* было известно еще в древнерусском языке. Одним из первых помещает это слово в «Материалы для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневский: «*Наставник* — руководитель, учитель». Слово *наставник* включает в свой Толковый словарь В. И. Даль: «*Наставник* — учитель или воспитатель, руководитель».

В художественной литературе XVIII — XIX веков *наставник* употребляется как самостоятельно, так и в составе словосочетаний — *классный наставник*, *домашний наставник*:

Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Пушкин. 19 октября (1825)

«Карштен Брант, первый наставник Петра в кораблестроении, тоже не был, конечно, посвящен слишком глубоко в теорию морского и корабельного дела» (Добролюбов. Первые годы царствования Петра Великого); «Наш классный наставник и учитель латинского языка... объявил нам, что о результатах экзаменов мы узнаем 2 июня» (Вересаев. В юные годы).

В прошлом веке слово *наставник* употреблялось в переносном значении: «Самые действительные наставники народов суть законы государственные: они образуют и, так сказать, воспитывают народы, и по ним нравы, обычаи, понятия, вид свой и деятельность свою получают» (Пестель. Русская Правда); «Малютка растет; он уже бегаёт по комнате, лепечёт несвязные слова... Воспитание его окончено; природа была первым его наставником, время довершит остальное» (Григорович. Петербургские шарманщики).

До Великой Октябрьской социалистической революции в мужских гимназиях и реальных училищах были *классные наставники*. Они назначались по одному в каждый класс из преподавателей с наибольшим числом уроков, *наставниками* также считались директор и инспектор. Классные наставники должны были наблюдать за учебой и нравственностью учеников.

Звание *домашнего наставника* присваивалось только лицам, окончившим курс учения в высших учебных заведениях. После Октябрьской революции, когда в специальном декрете от 10 (23) ноября 1917 года Советская власть официально отменила все до того существовавшие в России сословия и сословные привилегии, а также все гражданские чины и звания, из активного словарного запаса советских людей уходят, например, такие слова и выражения: *государь, великий князь, граф, фрейлина, гувернантка, классная дама, пансион, кадетский корпус, юнкерское училище, наставник, классный наставник* и многие другие.

Словари русского языка советского периода зафиксировали этот процесс. Так, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова слово *наставник* сопровождается стилистическими пометами «книжное» и «устарелое». Следует обратить внимание, что эти пометы сопровождают и слова *наставница, наставничество*.

В 50-е годы XX века слово *наставник* обретает вторую жизнь. Оно начинает употребляться, во-первых, в высоком стиле речи и, во-вторых, обозначать того, кто передает другим свои профессиональные знания, свой жизненный опыт: «А. С. Пушкин — наставник писателей классиков братских литератур» («Правда», 5 июня 1949); «Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов были идейными наставниками выдающихся композиторов и музыкальных критиков» (Очерки истории Ленинграда); «К своему XII съезду Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи пришел сплоченным, как никогда, вокруг Партии и ее Центрального Комитета. Коммунистическая партия — мудрый учитель и наставник молодежи» (Приветствие XII съезда ВЛКСМ Центральному Комитету КПСС. 1954); «Его дед работал машинистом в железнодорожном депо при большой узловой станции. Отец Николая был уже машинистом-наставником» (Б. Полевой. Золото).

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» слово *наставник* помещено без какой-либо стилистической пометы. Действительно, слова *наставник, наставничество* сейчас знают все. Движение наставничества родилось в 1964 году в Ленинграде и связано с именем С. С. Витченко из объединения «Электросила». Он создал свою бригаду из 20 подростков.

Всю душу, волю, настойчивость, весь жизненный опыт рабочего, воина, коммуниста вложил он в их воспитание.

В 1971 году Президиум Ленинградского областного совета профсоюзов и бюро Ленинградского обкома ВЛКСМ утвердили Положение о наставничестве на ленинградских предприятиях и о введении почетного звания «Наставник».

Почин С. С. Витченко был подхвачен на многих предприятиях нашей родины и в братских социалистических странах. Наставник — это тот, кто наставляет на правильный жизненный путь, учит других своему мастерству. В 1975 году Президиум ВЦСПС и Бюро ЦК ВЛКСМ утверждают положение о почетных знаках «Наставник молодежи» и «Лучший наставник молодежи», которыми награждаются наставники, добившиеся наилучших результатов в обучении и воспитании молодых рабочих и колхозников.

В современном русском языке слово *наставник* продолжает употребляться и в другом плане. Например, если хотя бы подчеркнуть большое мастерство тех, кто занят воспитанием, обучением, то их называют наставниками. Это уже не официальное почетное звание, а слово высокого, торжественного стиля речи: «Признанием большой общественной значимости труда учителя со стороны Коммунистической партии и Советского правительства является награждение более 250 тысяч учителей орденами и медалями. Сегодня радостная весть переполняет наши сердца! 70 лучших из лучших наставников молодежи удостоены звания Героя Социалистического Труда» (Материалы Всесоюзного съезда учителей. 1968).

Новое, девятое издание «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (М., 1972) показывает, что слово *наставник* сейчас означает «учитель, руководитель, воспитатель». Слово это может встретиться читателю в сочетаниях типа *наставник сборной команды, капитан-наставник, классный наставник*.

В современном русском литературном языке значительно расширился круг сложных слов и словосочетаний со словом *наставник*: *бригадир-наставник, мастер-наставник, тренер-наставник, совет наставников, лаборатория наставников*.

Слова *наставник, наставничество*, как и слова *ударник, станокановец, новатор, новаторство*, связаны с нашим социалистическим строем, неотделимы от него.

В. Н. Сергеев

● ПРОМЫШЛЕННЫЙ И ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ

Инженер из Гаваны (Куба) Р. Фернандес спрашивает: «Какая разница между словами *промышленный* и *индустриальный*?».

В языке нередки случаи, когда одновременно и на равных правах для обозначения одного и того же явления или предмета функционируют русское и заимствованное слово, например: *нелепость — абсурд*, *земельный — аграрный*, *вывоз — импорт*, *орошение — ирригация*, *печать — пресса*, *союз — ассоциация*, *отрывок — фрагмент* и т. п.

Различие между такими словами обычно не смысловое, а стилистическое — заимствованные слова характеризуют, как правило, речь книжную, официальную или специальную, а русские свойственны обиходной речи. Но между ними могут быть и некоторые смысловые различия, обычно касающиеся масштаба или значительности обозначаемого явления. Так, разница между словами *союз* и *ассоциация* заключается в том, что второе обозначает более крупное объединение, часто международного характера.

Соответственные различия можно усмотреть и в словах *промышленный* и *индустриальный*, которые являются относительными прилагательными к существительным *промышленность* (область общественного производства, охватывающая добычу природных богатств и дальнейшую их обработку, а также отдельный вид этой области производства) и *индустрия* (высокоразвитая промышленность, общественное производство или отдельные виды производства, в которых широко применяются техника, машины).

Такое различие в значениях отмечает только «Словарь синонимов русского языка» (Л., «Наука», 1971, т. 2), в то время как все толковые словари современного русского языка и БСЭ считают значения рассматриваемых слов тождественными (*индустрия* — то же, что *промышленность*).

«Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах, кроме основного, приводит второе, устарелое значение слова *промышленный* — «промысловый» (*промышленный народ*, *промышленные занятия* и т. п.). Это значение мы во внимание не принимаем, так как оно вышло из употребления и не соотносится со словом *индустриальный*.

Итак, словари рекомендуют употреблять прилагательные *промышленный* и *индустриальный* как синонимы: *промышленный рабочий* и *индустриальный рабочий*; *промышленный район* и *индустриальный район*; *промышленный центр* и *индустриальный центр* и т. п.

Однако анализ современных материалов дает возможность установить заметные смысловые различия между этими словами.

Промышленный относится к кругу понятий, связанных с процессом производства, с непосредственной работой промышленного предприятия и может иметь следующие значения: «используемый в промышленности, в производстве» — *промышленная нефть, промышленная электроника, промышленные алмазы*; «осуществляемый в процессе производства» — *лабораторные и промышленные испытания приборов*; «являющийся отходом производства» — *промышленная вода, промышленная гарь*.

Во всех этих случаях прилагательное *индустриальный* было бы неуместным. Оно употребляется в более отвлеченном значении и тяготеет к кругу понятий, связанных с мощной техникой: *индустриальная база социалистической экономики; индустриальные методы строительства*. Сравните также: «Я буду писать роман *индустриальный*, о новой советской металлургии и о нашей рабочей молодежи» (Фадеев. Письмо А. Ф. Колесниковой); «Фабрики и заводы отчуждают часть извечной природы под *индустриальный пейзаж*» (Грибачев. Природа и мы); «В Пролеткульте господствовал канонический *индустриальный мотив* горна и вагранки, молота и наковальни» (Федин. Горький среди нас). Возможно, в будущем употребление этих слов еще более дифференцируется (об изменении сочетаемости и значения слов *индустрия* и *промышленность* см.: «Русская речь», 1967, № 3, стр. 62).

Различие в употреблении рассматриваемых слов заключается также в том, что слово *промышленный*, активно вошедшее в речевое употребление в конце XVIII века для обозначения новых экономических понятий (см.: «Русская речь», 1972, № 4, стр. 133), закрепилось в языке в ряде устойчивых терминологических сочетаний: *промышленный капитализм, промышленная революция, промышленный переворот*.

Таким образом, не зафиксированные словарями смысловые различия между прилагательными *промышленный* и *индустриальный* сводятся к следующему: 1) *промышленный* относится к процессу производства и сочетается с конкретными существительными, а *индустриальный* — к технике и сочетается с абстрактной лексикой; 2) только прилагательное *промышленный* входит в терминологические сочетания, обозначающие понятия экономики.

Г. Н. Складаревская

Ответ (См. «Русская речь», № 6, 1975, стр. 127—128)

В творческом методе, в художественном мышлении Ю. Нагибина сказалось, в определенной степени, общее направление поисков изобразительности, характерное для всей современной психологической прозы.

Итак, какими же художественно-языковыми средствами решает автор столь сложную и тонкую задачу, как реконструкция душевных состояний и восстановление внутреннего облика реально существовавших лиц?

1. Автор использует *внутреннюю речь* (воспроизводит ход рассуждений героя с самим собой) как средство обнажения того сокровенного, потаенного, что послужило основой внешних действий и поступков. Причем *внутренний монолог* может переходить во *внутренний диалог*. В сущности весь текст дан как сочтание, как переплетение внутренней речи героя и авторского повествования, часто без видимого разделения голосов автора и героя, например: «Ему было знойко, сыро, невыносимая тоска сдавила сердце. Неужели опять начинается? Господи, а ведь это куда хуже, чем в муках воображения. Неужели конец?»; стилистический прием *углубления*, который может быть представлен или как своеобразная *градация характеристик по восходящей*: «ему опять плохо, совсем плохо»; или как *художественно обусловленное расчленение* текста: «... это что-то другое, из ужаса, тоски, безысходности. И распирающий ком внутри...».

Душевное состояние героя рассказа обычно дается в своеобразных *отражениях*. Пейзаж, окружающая среда — все это компоненты эмоционального фона, на котором вырисовывается центральный персонаж.

Психологически осмысленный пейзаж становится важным фактором в развитии внутреннего, глубинного действия. Отсюда субъективно-эмоциональное восприятие среды: «дожди отслезились», «необлетевшая жестяная сирень», «жухлые травы», «... тускнел серый, с прижельтью, куций декабрьский денек, что выгорает, так и не вспыхнув», «В туманом повитых, дождями исхлестанных, болотными и речными испарениями задуряченных столицах...».

Образ героя, весь эмоциональный строй его личности отраженно воспроизводится в *качественных характеристиках* окружающих лиц и предметов, в пейзажных вкраплениях, например: «...беспокойные, ищущие, льдисто-зеленые глаза благочинного», «...квадратный, ясный, как день, в своей темноте, чиновник Дворцового ведомства...», «...покойнички лица пассажиров...», «И все же по взлеску каких-то плоских луж (...) угадывалась до слез унылая плошина окрестного простора».

Иногда в пейзажных зарисовках автор прибегает к *нагнетанию средств эмоционального воздействия*, когда одушевленная, очеловеченная природа, подобно самому герою рассказа, как бы ждет защиты и помощи: «Сумеречная улица в черных костлявых деревьях, в слабом пороже иссохшей листвы приняла его и растворила в своей пустынности и печали, в ознобливой незащищенно-

сти» в данном случае пейзаж дан преломленным в индивидуальном сознании героя и окрашенным этим восприятием, личностным отношением.

II. Ю. Нагибин широко использует прием *мотивированности* в анализе эмоционально-психических состояний героя: называются все факторы-условия, вызвавшие именно это состояние, настроение субъекта: «Его угнетало все: застойный запах фенола, слабо мерцающие под потолком свечи и покойнички лица пассажиров, отражающих лбами этот тусклый, дрожащий свет, древняя пыль в пазах оконниц, истертый плюш сидений, заунывное тактканье колес, грубые вздоги и лязги железного тела поезда, безвыходность пребывания здесь, утрата воли, отобранной у тебя расписанием и таинственным хромоногим существом с разбитым фоном...».

Ряды однородных членов (чаще — трехчастные) выступают как средство выражения развернутой качественной характеристики: «... неузнанный, неугаданный, непрочитанный Анненский заспешил в сторону вокзала...», *лексические повторы* как средство выразительности, как один из способов создания драматической напряженности повествования. Например, *лексические повторы — усиления*: «Он примет предложение возглавить критический отдел «Аполлона», немного переводчик (...) и поэт, поэт, поэт! Прежде всего поэт, наконец-то поэт! (...) поэт, вовсе поэт...».

Внешний облик реальных лиц и полумистических фигур, встреченных Иннокентием Анненским в этот последний для него день, дается отраженно, в индивидуально-субъективном восприятии. *Сопоставление* обычно *углубляется*, развивается *и переходит в уподобление*. Так, «беспокойные, щущие, льдисто-зеленые глаза благочинного» трансформируются в своеобразные «люки»; «странно блестящие глаза» неприятной старухи сначала глядят из «черных глубоких провалов глазниц», а потом «она так поглядывала на Анненского из своих пещер, словно читала его...».

Показательны языковые средства выражения качественных и количественных соотношений: «*Кучый* декабрьский денек», «до слез унылая плошина окрестного простора».

III. Основная часть архаизмов переосмысливается и используется в качестве средства создания иронической интонации, характерной как для внутренней речи героя, так и для авторского повествования. Например, «пастырь юношеских душ» — ироническое обозначение «наставника, духовного руководителя»; «...всеми осмеянного пииту», где иронический оттенок слова *пиита* (вместо высокого, книжного *пиит* — «поэт») ясен уже из контекста; «...выходил на ристалище, на бой жестокий, беспощадный и заранее проигранный», где речь идет о постоянной, нудной, будничной борьбе за право быть самим собой. Переосмысленное *ристалище* — книжное, торжественное, устарелое — «площадь для спортивных и всевозможных иных состязаний» — обозначает в данном тексте «поле жизненной борьбы». Метафорические «доспехи» поддерживают и углубляют ироническое переосмысление ключевого слова.

Та же цель (ироническое переосмысление одически-торжественной устарелой лексики) в употреблении словосочетания «родные пенаты» — «родной дом, домашний очаг»: «... не спеша побрел к родным пенатам...».

Архаическая лексика используется и в качестве средства углубления метафорически употребленного слова-образа: «Бедные мои слова томятся во мне, как в темнице, но муки достаются не узникам, а узилищу». *Узилище* — в древнерусском языке «темница, тюрьма»: «зълодѣнныхъ жити въ оузилищи». Служебная мнѣя за сентябрь, 1096.

Практикум по стилистике подготовила Л. И. Еремина.

ЧАЙНВОРД «ЕЛОЧКА»

Ответы (См. стр. 128)

1. Станс. 2. Слово. 3. Очко. 4. Основа. 5. Аллюзия. 6. Язык. 7. Класс. 8. Синоним. 9. Морфема. 10. Алгол. 11. Лингвистика. 12. Акцент. 13. Топонимика. 14. Аорист. 15. Троп. 16. Предикат. 17. Точка. 18. Арготизм. 19. Морфология. 20. Языковед. 21. Дифтонг. 22. Грамматика. 23. Альфа.

По вертикали в треугольниках прочитаете: «С Новым годом!».

Составил В. В. Шишков (Ярославль)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор), Г. П. БЕРДНИКОВ,
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, К. В. ГОРШКОВА,
В. П. ДАНИЛЕНКО, В. Я. ДЕРЯГИН, И. Г. ДОБРОДОМОВ,
Л. П. ЖУКОВСКАЯ, Л. М. ЛЕОНОВ, А. И. ОВЧАРЕНКО,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Л. И. СКВОРЦОВ
(зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ,
Ф. П. ФИЛИН, О. А. ХАМИЦАЕВА (ответственный секретарь)

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2
Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*

Художественный редактор *Т. А. Михайлова*

Корректоры *В. В. Беляев, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 13/X-1975 г. Подписано к печати 23/XII-1975 г. Т-18391
Тираж 70 000 Формат бумаги 84×108²/₃₂ Усл. печ. л. 8.4. Вум. л. 2.5.
Уч.-изд. л. 10,0 Зак. 2954

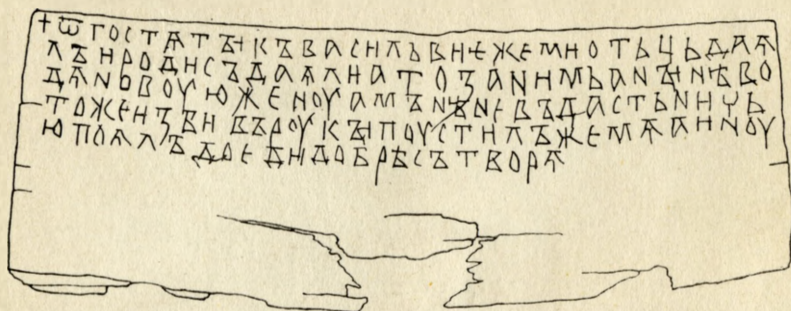
2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Цена 50 коп.

Индекс 70788

Письмо от Гостяты к Василью. XI век. [фрагмент]

Прорись письма от Гостяты к Василью.

РУССКАЯ
РЕЧЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»